Б46 01/60
m 2

Б46 01/60
ДК 338 Г43
391

Юлий Гессен

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА В РОССИИ

■ ■ ■

Том второй

(Издание первое)

■ ■ ■

ЛЕНИНГРАД
1927

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
1384-1927 м

1384
21-III-1927

Ленинградский Гублит № 3509. Тираж 2500. 15 л.

Государственная типография аренд. Л. Я. Ганзбург. Мытнинская ул., д. № 11.

ОТ АВТОРА.

Настоящим томом заканчивается моя „История еврейского народа в России“ [1]). Она доведена до восьмидесятых годов девятнадцатого века, т. е. охватывает период, который мог быть мною изучен помощью одних лишь исторических памятников и описан без предвзятости, трудно преодолимой, когда события освещаются современником на основании того, что он видел и пережил. Более близкие к нам годы, начиная с девяностых, пройдя на глазах моего сознательного существования, укрепили во мне известные представления, в значительной мере связанные с обстановкой личной жизни, которые обрекли бы меня на одностороннее восприятие недавнего прошлого. Вместе с тем для последних десятилетий еще невозможно использовать в достаточной мере документальные памятники, и, наконец, этот период еще не отошел в столь необходимую историческую перспективу.

Выпуская второй том „Истории“, представляющий собою результат многолетних подготовительных исследований, я могу считать свою задачу завершенной.

И чувство глубокой любви и признательности побуждает меня посвятить эту работу памяти моего отца Исидора Юльевича (скончавшегося в 1925 г.) и моей матери Мине Ильинишне.

15 декабря 1926 г.

---

[1]) Первый том вышел в 1925 г. (вторым, переработанным изданием). Для настоящей книги сохраняет свое значение сделанное в первом томе указание на то, что в зависимости от об'ема книги мне пришлось отказаться от многих подробностей и даже опустить некоторые более или менее значительные эпизоды.

Глава первая.

Духовное состояние народа.—Вильна и Одесса как культурные центры.—Возникновение общеобразовательных школ.—Реформаторская деятельность И. Б. Левинзона.—Преобразовательные проекты представителей прогрессивного лагеря.—Бдительность кагала.—В темных углах общественной жизни.

Шло третье десятилетие 19-го века. До крайности стесненный в своем материальном и духовном развитии, с одной стороны, господствовавшим классом, а с другой, ограничительным законодательством, народ все более вырождался. Его главари, серые люди, не возвышавшиеся над массой, но умевшие, помощью грубых приемов физического и морального воздействия, держать ее в слепом повиновении, имели пред собою одну задачу: сохранить в неприкосновенности исстари сложившийся религиозно-общественный быт. И к этому их побуждала как косная преданность традиции, так и личная заинтересованность. Раввинизм и хасидизм в одинаковой мере силились в корне затоптать молодые побеги светского образования, угрожавшие „мудрости“ седой старины.

Давно уже не развивавшийся, раввинизм был далек от понимания текущих потребностей. Непрерывно из религиозных школ (иешиботов) толпами выходили так называемые „ученые“, которые, посвящая себя и в дальнейшем изучению Талмуда или занимая раввинские должности, продолжали бесплодно „вращать веретено талмудической диалектики“, игнорируя запросы народа, которому были совершенно чужды.

И хасидизм не прислушивался к лозунгу дня, но внешне он действовал в такой красочной обстановке, которая прельщала массу, нищую материально и духовно. За небольшими исключениями, наиболее влиятельные цадики выступали преимущественно в роли чудодеев, покоряли народ силою психического воздействия. И бедные, и богатые, преклоняясь перед „святостью“ цадиков, приносили им дары в таком изобилии, которое позволяло вести широкий образ жизни, иметь пышные „дворы“. Образовались цадикские династии; в одних случаях главенство переходило наследственно без всяких потрясений, но случалось,

что между претендентами на „престол“ возникало междоусобие, так как с моральным главенством были связаны и материальные выгоды.

Но при всех своих стараниях раввинизм и хасидизм не сумели остановить просветительное движение, медленно и незаметно, но неуклонно прокладывавшее себе путь.

На Литве, а еще более в Белоруссии, благодаря торговым связям с Германией, ячейки просвещения—каждая самостоятельно—зародились и развивались в ряде местностей, но все они тянулись к Вильне, к местным „маскилим“ (интеллигентам, усвоившим светское образование), которые по своей численности не представляли какой-либо силы, но по личным качествам пользовались авторитетом у единомышленников, затерянных в глухих углах „черты“. Иначе было на юге. Одесса, жизненный центр Новороссии, ключ к торговым сношениям с Западом, принимая у себя выходцев преимущественно из Галиции, служила, если не единственным, то важнейшим резервуаром, где собирались просветительные тенденции, шедшие с Запада, которые потом и разливались по обширному южному краю, правда—утрачивая постепенно свою глубину, интенсивность и чистоту.

Вопрос о насаждении просвещения представлялся крайне сложным. Те задачи, которые оно преследовало, те последствия, к которым оно должно было привести, находились в антагонизме с культурно-экономическим бытом еврейского населения, проникнутым духом консерватизма. Этот быт прочно держался благодаря тому, что его освящала традиционная религиозно-национальная идея, в которой господствующий класс находил опору для властвования над народом. Таким образом, чтобы обновить еврейскую жизнь, нужно было, преодолев сопротивление господствовавшего класса, освободить ее от косности, которой она в течение столетий обрастала; пробудить же с этой целью в народе самосознание и расширить его кругозор можно было лишь путем европейского просвещения.

Те явления, которые на рубеже 18-го и 19-го веков, по свидетельству современников, понижали уровень умственного и физического развития народа [1]), оставались непоколебленными и в двадцатых годах 19-го века. Поборник бытовой реформы Менаше Илиер отмечал в 1823 г. те же теневые стороны еврейской жизни, на которые указывал в 1807 г. Отношение кагальных заправил и раввината к просвещению за протекшие годы также не изменилось. Быть может, даже усугубился страх пред светским образованием, так как иные из просветившихся отре-

---

[1]) См. т. I (2-ое издание, 1925 г.), стр. 170—73. При всех дальнейших ссылках на т. I имеется в виду *второе* издание 1925 г., а не первое издание 1916 г.

кались от традиционных обычаев, а ношение короткого сюртука и бритье бороды почитались отступничеством от веры отцов.

Вильна почти не знала людей этой новой формации; еще в сороковых годах виднейшие просвещенные виленцы не решались заменить традиционную одежду общеевропейской, боясь „суеверов-лицемеров". В Одессе же не было такой опасности — в молодой новороссийской столице, населенной разнообразными национальностями, жившей пестрой уличной жизнью, полной шума торгового движения, кагал не чувствовал себя таким сильным, как в Вильне и во многих других пунктах, где евреи жили более густо, где при мало изменяющемся составе населения прочно держались общественные связи. Быть может поэтому одесская интеллигенция отличалась по характеру своей деятельности от виленских маскилим. В Одессе, под влиянием специфических условий местной общественности, придавалось большее значение внешнему лоску (платье, домашний обиход, манеры и т. д.), как бы культурно сливавшему евреев с прочим населением. В среде одесской интеллигенции господствовали русский и иностранные языки. Виленские же маскилим придерживались еврейского. Нельзя, кажется, признать случайным то, что на юге вырос и развился родоначальник русско-еврейской публицистики Осип Рабинович (1817—69 г.г.), основавший первый еврейский орган на русском языке („Рассвет"), из рядов же виленских маскилим выделились такие еврейские писатели, как Мордехай Арон Гинцбург (1795—1846 г.г.), создавший новый еврейский литературный стиль, поэт Абрам Лебенсон (1794—1878 г.г.), обогативший еврейский язык, ожививший его новыми формами, библиограф Бен Якоб (1801—63 г.г.) и др.

Деятели прогрессивного движения прибегали к различного рода приемам, чтобы, с одной стороны, привести свои идеи в сознание известных кругов населения, а с другой—чтобы практически осуществить свои задачи. Школостроительство, открытая литературная пропаганда и закулисные сношения с правительством—все это было применено в борьбе с общественной косностью и с противодействием кагально-раввинского союза.

Интеллигенты были обязаны своим просвещением себе самим; к образованию их привела не школа, а тернистый путь самоучек. Именно этим об'ясняется сравнительная незначительность интеллигенции в количественном отношении. Дабы просвещение широко распространилось, приняло устойчивый характер, необходимо было, чтобы самообразование отдельных единиц уступило место народному образованию, т. е., чтобы возникла школа [2]). И естественно, что вокруг школы сосредоточилась борьба между прогрессистами и их противниками.

---

[2]) П. М а р е к, Очерки по истории просвещ. евреев в России (Москва, 1909 г.), стр. 13.

Нельзя было не предвидеть, что школостроительство потребует затраты громадной духовной энергии; если разрозненным партизанам просвещения с трудом удавалось незаметно пробираться мимо кагала, то массовое просвещение никак не могло уклониться от столкновения с ним. Но случилось, что идея школостроительства, как мы знаем, встретила на первых порах противника также в лице правительства, не считавшего возможным итти против кагалов.

Уже известная нам печальная судьба Уманьской школы постигла бы также училище, основанное по частной инициативе (1826 г.) в Одессе, если бы здесь не сложились благоприятно внешние обстоятельства. Училище, в программу которого вошли изучение еврейского языка, его грамматики (наряду с Талмудом), что считалось тлетворным радикализмом, а также преподавание русского и немецкого языков, не могло не вызвать негодования в консервативных кругах; из недр одесского кагала появился протест, в котором указывалось, что для преподавания еврейских предметов имеются особые школы, изучать же русский и немецкий языки можно, мол, домашним путем или же в лицее, открытом для всех; далее отмечалось, что община не обладает необходимыми средствами. Это был формальный отвод. По существу же протест сводился к тому, что савраньский и одесский раввины, рассмотрев правила новой школы, признали их „несогласными правилам нашей религии", вследствие чего необходимо отказаться от учреждения школы в целях предохранения юношества „от иноземного воспитания и *изменения обрядов религии*".

Это домогательство не было удовлетворено местной администрацией, и школа быстро расцвела под руководительством прибывшего из Галиции педагога Базилиуса Штерна. Его стараниями была учреждена (1838 г.) школа также в Кишиневе (где уже ранее возник проект общественного училища), но, не найдя здесь поддержки в обществе, школа просуществовала недолго [3]).

Пока эпизодически возникали подобные рассадники светского образования, мысль о просвещении и о связанной с ним реформе внутреннего быта стала проникать в общественное сознание также путем литературной пропаганды. В этой области исключительную роль сыграл Исаак-Бер Левинзон (1788—1860 г.г.), который рядом сочине-

---

[3]) См. т. I, стр. 188—90. О. Лернер, Евреи в Новоросс. крае (Одесса, 1901 г.), стр. 5—11. С. Станиславский, Из истории и жизни одной евр. школы („Восход", 1884 г., кн. 4). См. также: архив (в Одессе) упраздненной канцелярии Новоросс. и Бессарабск. ген.-губернатора, 1827 г., дело № 11 „Об учреждении в Кишиневе публичного евр. училища"; 1837 г., дело № 9 „Об учреждении в Кишиневе евр. училища".—В Вильне было открыто в 1830 г. частное училище по программе приходских школ (Белецкий, Вопрос об образовании евреев, стр. 9).

ний приобрел право именоваться основателем новой еврейской науки в России [4]).

Живя в пограничном местечке Радзивилове, Левинзон не мог не видеть, что еврейская жизнь в тех внешних формах и внутренних явлениях, в которых протекала на русских землях, как бы продолжалась в соседней Галиции, приобретая на ее сравнительно небольшой территории большую выпуклость, более мрачную окраску; и раввинизм, достигший в Галиции кульминационного пункта косности, и хасидизм, вознесший здесь на крайнюю высоту культ цадика, совокупными усилиями держали массу в невежестве, в искусственно сгущенной религиозной атмосфере; но благодаря тесной торговой связи Галиции с немецкими государствами прогрессивная мысль успела просочиться в галицийскую жизнь, и, воспринятая здесь оригинальными умами, она привела к созданию нового направления в еврейской науке, которое можно назвать галицийским [5]). С творцами этого умственного движения и встретился Левинзон, временно проживая в Галиции. Он беседовал с Нахманом Крохмалем (1785—1840 г.г.), уклонявшимся от открытой борьбы с обскурантизмом, но делившимся в кругу близких людей своими взглядами на Талмуд, с которого снял покров святости; с Исааком Эртером (1792—1851 г.г.), сатириком, направлявшим свое перо против цадиков-чудодеев, раввинов-казуистов; с Иосифом Перлем (1773 — 1839 г.г.), автором посланий, нанесших чувствительный удар хасидам, основателем в Тарнополе высшей еврейской школы, где наряду с еврейскими науками преподавались и общие. Критиковать отжившие формы быта и указывать новые пути для дальнейшего развития еврейского существования—такова программа деятельности, усвоенная Левинзоном в Галиции.

Левинзон чувствовал себя бессильным единолично вступить в борьбу с гигантом-консерватизмом, державшим народ в тисках, и, следуя примеру своих западно-европейских единомышленников, он решил действовать при помощи русской власти [6]). Он уже рано представил цесаревичу Константину, отнюдь не расположенному к евреям, записку об учреждении школ и „описание новых еврейских сект", т. е. хасидов, которых считал виновниками многих народных бед.

---

[4]) С. Дубнов, Новейшая история евр. народа (СПБ. 1914 г.), стр. 422.

[5]) Гретц, История евреев, 1750—1848 г.г. (русск. перевод, СПБ. 1884 г.).

[6]) С. Гинзбург, К 70-летию „Теудо-Беисроэль" („Восход", 1898 г., кн. 4 и 5). С. Цинберг, И. Б. Левинзон и его время („Евр. Старина", 1910 г., вып. IV; также отдельно); его же: И. Б. Левинзон (Галлерея евр. деятелей вып. III, 1900 г.). Юлий Гессен, Смена обществ. течений („Пережитое", т. III. Фактические данные о трудах Левинзона, приведенные в указанной статье на стр. 7, 13, 15 и 29 по письмам Левинзона, извлечены из архива мин. нар. просв., дело № 83550).

В своей книге „Теудо-Беисроэль“ („Поучение Израилю“) Левинзон доказывал, пользуясь Талмудом и произведениями раввинской литературы, что основательное изучение еврейского языка составляет обязанность каждого еврея, так как только при знании этого языка можно правильно понимать Св. Писание; далее он утверждал, что не запрещено знать иноплеменные языки, а особливо государственный, столь необходимый в личной и общественной жизни, и что знакомство со светскими науками не угрожает опасностью религиозно-национальному чувству; переходя затем к труду, Левинзон отмечал, что преобладание торговых занятий противоречит и Торе, и разуму, что необходимо развить производительный труд, поднять качество ремесленной работы. Все это, ставшее впоследствии элементарным, представлялось в ту пору проповедью, направленной будто бы против существующего национально-религиозного строя.

Левинзон говорил о таких истинах, которые высказывались многими его современниками. Но он изложил их в системе, а главное — подвел под них такой фундамент (Талмуд и раввинская письменность), который должен был импонировать ортодоксальным кругам, и благодаря этому сочинение Левинзона сыграло крупную роль в культурном развитии общества, пробудив и сконцентрировав умственное брожение в различных социальных слоях.

Печатание и распространение подобного сочинения было бы сопряжено с большими трудностями, как показал пример Менаше Илиера. Это обстоятельство, наряду с отсутствием денежных средств, и побудило Левинзона просить министра просвещения оказать материальное содействие к изданию книги и вместе с тем разрешить посвятить книгу министру, что оградило бы ее от эксцессов со стороны противников. По повелению Николая I Левинзону была выдана одна тысяча рублей из казны, и вскоре (1828 г.) Левинзон выпустил книгу, снабдив ее, очевидно, в целях безопасности, стихотворением, в котором благодарил государя за отношение к народу и за щедрый дар [7]).

Четыре десятилетия, в течение которых Левинзон насаждал просветительные идеи, прошли для него в нужде. Но особенно мучительно было сознание одиночества в гнезде выродившегося хасидизма (Кременец, Волынской губернии). „Долго преодолевал я—писал Левинзон—нужду, бедность, поругание и преследование; часто предан был на жертву свирепейшим фанатикам из народа моего; подвергаем фанатизму изуверных из-за частью устных поучений, частью изданных сочинений, частью рукописных, которых по недостатку в средствах

---

[7]) Архив мин. внутр. дел, департ. полиции исп., 1831 г., дело № 801 „О нравственном преобразовании евреев“. Опубликовано мною в „Пережитом“, т. I, ч. 2, стр. 23-27.

не мог еще предать тиснению, и еще более притесняем за предложенные мною всемилостивейшему правительству проекты, планы"; фанатики „публично и во всем меня преследуют" [8]).

И вот почему Левинзон неоднократно обращался к правительству не только за субсидиями, но и за сочувствием; не веря, чтобы культурная реформа могла осуществиться без содействия высших властей, Левинзон знакомил правительство со своими взглядами на нее [9]). Однако, в какой бы мере Левинзон ни искал поддержки у правительства, он возлагал свои надежды главным образом на силу народного разума, на духовную эволюцию внутри еврейства, и потому с призывом о возрождении он обращался к самому народу, предоставляя правительству лишь служебную, вспомогательную роль. Этим Левинзон отличался от тех прогрессистов, которые пытались действовать чрез посредство одного лишь правительства.

Но в деятельности Левинзона и большинства прогрессистов имелась и общая черта. Указывая правительству на то, что евреи фанатичны, невежественны, исполнены предрассудков, что они чуждаются производительного труда и т. д., Левинзон, подобно многим другим прогрессистам, умалчивал о внешних обстоятельствах—гражданском бесправии, общественном унижении,—способствовавших экономическому и духовному упадку народа, и благодаря этому правительство утверждалось в убеждении, что в одном лишь религиозно-национальном быте евреев таится причина их материального и умственного убожества. Случалось, что даже не получая официального движения, подобные проекты и записки, представлявшиеся прогрессистами правительству, влияли в той или иной мере на бюрократическую мысль, негласно проникали в работы по законодательству о евреях; а порою ведомственные канцелярии открыто пользовались в своих целях подобными документами.

Однако, помимо такого непосредственного значения, указанные материалы, вышедшие из рук прогрессистов, представляют интерес и по-

---

[8]) Письмо от 18 авг. 1847 г. министру внутр. дел. Архив мин. просвещ., дело № 83550 (перевод с немецкого, сделанный в мин-стве).—См. „Пережитое", т. III, стр. 33—34.

[9]) Архив мин. просвещ.: № 46715 (1835 г.) „Об оказании еврею Л. пособия к изданию сочиненных им евр. книг"-(дело уничтожено); № 147968 „По отношению мин. вн. дел касательно сочинений еврея Л." (1837 г.); № 83597 (1846 г.; оставлено без движения); № 83550 „По отношению мин. вн. дел об оказании кременецкому еврею Л. пособия по бедному его состоянию" (1847 г.); № 111018 „О принятии в руководство книг Л." (1854—61 г.г.). Извлечения из дел №№ 147968, 83597, 83550 приведены мною в „Пережитом", т. III, стр. 15—16, 31—33, 33—35.

В 1831 году Л. послал министру просвещения трактат о религиозном преобразовании и план устройства школ, в том числе ремесленных и земледельческих, и раввинских семинарий. Трактат не сохранился, но на его основании написан, по словам Л., его труд „Бет-Иегуда".

тому, что в них отражаются взгляды на реформу экономического и духовного быта, которые в ту пору высказывались в различных общественных кругах.

Остановимся, для примера, на трех записках—Маркевича, Гезеановского и Фейгина.

Прусский уроженец Гиллер Аронов Маркевич представил записку министру финансов (1820 г.) за несколько лет до выступления Левинзона [10]). Чтобы спасти народ от экономического и духовного упадка, Маркевич считал необходимым, прежде всего, уничтожить кагалы; вместо них должны функционировать „комитеты общественных еврейских дел" под наблюдением губернаторов; недоимки податные и штрафы, накопившиеся на населении, следует взыскать с кагальных, а впредь взимание сборов и податей надо возложить на общие учреждения; организация фабричного труда даст народу возможность выйти из материального затруднения; каждый комитет учреждает училище для обучения разным языкам, в том числе „настоящему еврейскому", а равно и различным наукам; дети бедных обучаются бесплатно; через три года традиционная одежда становится запретной (за исключением духовенства); евреям предоставляется наравне с прочими подданными торговать по всей стране и разрешается пользоваться услугами христиан.

Сравнивая во внешних грубых очертаниях то, что было высказано Левинзоном и Маркевичем, мы видим, что оба они клали в основу реформы производительный труд и просвещение, а далее Маркевич идет уже один, требуя перемены одежды и уничтожения кагала. Маркевич полнее, чем Левинзон, выразил пожелания прогрессистов. Перемене платья прогрессисты придавали весьма серьезное значение, а с другой стороны—консервативный лагерь упорно держался за традиционное одеяние. Что касается кагала, то несомненно многие прогрессисты считали необходимым его упразднить—среди прочих и упомянутый выше Фейгин.

Варшавский учитель Гезеановский занялся, главным образом, разработкой школьной реформы, при чем стал на позицию, диаметрально противоположную той, которую принял Левинзон,—в своей проповеди просвещения Левинзон опирался на Талмуд, Гезеановский же решительно выступил против Талмуда. Нарисовав, в общем, такую же кар-

---

[10]) Маркевич был ратманом в Россиенах. Во время войны занимался поставками и подрядами. По поручению министра финансов написал (1820 г.) доклад об акцизном сборе (Архив департ. полиции исполн., 1827 г., дело № 624, в коем находится копия цитируемой мною записки. См. также дело № 349, стр. 282—91).—Проживая в 1812 году в Дерпте, Маркевич произнес патриотическую речь, которая была воспроизведена в „Сыне Отечества", 1813 г., № 5, стр. 202—209 (С. Гинзбург, Отечественная война 1812 г. и русские евреи, стр. 87—88).

тину духовного застоя, в котором народ словно окаменел, какую изобразил Левинзон, он вместе с тем вполне определенно указал на роль кагала и раввината как противников светской школы, крайний консерватизм которых питается Талмудом; только при умалении власти кагала и раввината общеобразовательная школа могла бы постепенно поднять культурный уровень народа; поэтому следует, чтобы при избрании раввинов правительство оказывало покровительство тем, кто более образован, а через десять лет на раввинский пост должны допускаться одни лишь окончившие специальное училище. Наряду с этим необходимо: взимание податей и повинностей поручить общим учреждениям, совсем устранив кагал от финансового управления; меламедам, т. е. народным учителям, разрешить преподавание только при фактической пригодности и как в педагогическом, так и в моральном отношении; дозволить вступать в брак не ранее определенного возраста и проч.[11]).

Крупный поставщик Литман Фейгин пользовался уважением или весом в высших бюрократических кругах, и этим надо об'яснить настойчивость и смелость, которые он проявил в деле защиты еврейских интересов. В своих проектах (1830 — 33 г.г.) Фейгин как бы соединил пожелания Левинзона и Маркевича. Конечно, просвещение и производительный труд должны лечь в основу преобразования. Но Фейгин чтил Талмуд и именно ссылками на него он пытался опровергнуть взводимые на евреев обвинения. С другой стороны, он считал нужным упразднить кагал, который, некогда играв достойную роль, перешел за последнее время в руки людей, не могущих пользоваться авторитетом в глазах народа; управление общественными делами следует вверить выборным представителям общества (по городам), долженствующим заботиться о просвещении, благотворительных учреждениях и проч.; для религиозных же дел существуют духовные суды — надо, однако, чтобы они находились под контролем общественных представителей. Фейгин, видно, был привязан к старине, а потому полагал нужным предоставить широкие полномочия духовным судам как блюстителям „обрядов религии“: все евреи, независимо от социального положения, должны подчиняться духовному суду. Однако, наряду с этим Фейгин выступил против „традиции“ — он считал необходимыми перемену одежды и запрещение ранних браков. Что касается правового положения, то заявив, по примеру Маркевича, что следует расширить торговые права и дозволить пользование услугами христиан; Фейгин более подробно

---

[11]) Архив мин. нар. просв., дела № 47504/1483, № 47508/1483 (записки Гезеановского 1831—33 г.). По поводу школьной реформы). См. также архив мин. вн. дел, деп. полиции исп., 1832 г., дело № 379,

остановился на смягчении законодательных ограничений [12]). В записке же, посвященной вопросу об изменении системы образования юношества, Фейгин заявил, что „испорченная нравственность" евреев коренится в первоначальном образовании, насаждаемом меламедами, большинство коих—„последние невежды"; они преподают богословие, „основанное на фанатизме", без всякой системы и порядка; они внушают детям презрение к прочим наукам, а также ненависть к иноверцам [13]).

V

Главари консервативного лагеря тревожно наблюдали за деятельностью прогрессистов и принимали меры, чтобы ее парализовать. И так как, стараясь влиять на представителей власти, приверженцы прогрессивной реформы, не ограничиваясь столичными бюрократическими сферами, агитировали также среди местных администраторов, то глухая борьба между противниками велась и в Петербурге, и в губерниях. Каждая из сторон всяческими способами пыталась расположить к себе высших и низших носителей власти, и благодаря этому создавалась крайне нездоровая атмосфера. Она отравляла общественную и личную нравственность.

А между тем еврейская жизнь и без того носила на себе печать деморализации. Влача нищенское существование, народ, как было уже сказано, находился на низком уровне морального развития. И это состояние усугублялось тупым озлоблением, которое кагал вызывал своим деспотизмом. Хотя кагал защищал права евреев от посягательства со стороны христианских обществ, по мере сил смягчал последствия репрессивной политики правительства и произвола местной администрации, вводя даже порою стеснительные постановления, чтобы предотвратить нарекания извне, — самые разнообразные круги еврейского населения питали к кагалу неприязнь уже по тому одному, что он выполнял правительственные распоряжения о взыскании податей и о взятии рекрут, а вместе с тем собирал средства на общинные нужды, причем чашу народного терпения переполняли злоупотребления кагала и в расхо-

---

[12]) Архив общей канцелярии министра финансов, отд. I, 1833 г., № 10 (По комитету для составления нового положения), стр. 71 — 82. Архив Госуд. совета, департ. законов, 1835 г., № 11 (записки Фейгина и сведения о нем). Юлий Гессен, Забытый общественный деятель („Евр. Старина", 1911 г., вып. III—по документам архива Гос. совета).—Материалы, опубликованные канцелярией об'единенных дворянских обществ, ч. I, стр. 6, 11—14 (из архива Госуд. совета).

[13]) Записка была представлена Фейгиным лично министру финансов, а также министру просвещ. в сентябре 1835 года. Зная, что правительство не решалось упразднить кагал, Фейгин предложил назначать в школы, которые следовало бы учредить, учителей, одобренных кагалом и полицией (архив мин. нар. просв., дело № 47619 (подлинник записки), № 47504, стр. 129 об. и след. (изложение содержания записки).

дования общественных сумм, и при сдаче рекрут, как мы это увидим в дальнейшем изложении.

При таких условиях люди, озлобленные личными неудачами или раздраженные общественными непорядками, направляли свое недовольство чаще всего против кагала или его влиятельных членов. Случалось, что кагальные заправилы падали жертвами народного негодования только потому, что стояли в центре общественного внимания. Но, вообще, так как кагал фактически держал в своих руках все нити народной жизни, то именно вокруг него, и даже в его недрах, должны были происходить те эксцессы, которые неизбежно рождались в атмосфере общественной деморализации. Нижеописываемые эпизоды не всегда ясны в подробностях и даже в основных фактах, тем не менее в своей совокупности они бросают некоторый свет в темные углы тогдашней общественной жизни [14]).

Одною из опаснейших язв народной жизни считалось доносительство на отдельных лиц, на кагалы, на общины, потому что из частного случая правительство склонно было делать неблагоприятные выводы по отношению ко всему народу. Однако, надо иметь в виду, что не все доносители могли быть поставлены на одну доску. Если иные, замученные голодом, затравленные преследованиями кагала, выступали в роли обличителей из корысти, из злобного чувства, если они заведомо клеветали и даже провоцировали, то были и такие, которые, заранее обрекши себя на гонения, поставив свою жизнь на карту, прибегали к доносительству как к последнему орудию борьбы с кагалом во имя угнетенных. Но именно те, которые действовали из таких гуманных побуждений, были особенно ненавистны кагалу, потому что общественные симпатии склонялись на их сторону, и поэтому кагал преднамеренно присваивал всем, кто сообщал правительству о тайнах кагала, позорную кличку „мосер" (доносчик), чтобы обрушить на них общее возмущение. Кагал жестоко расправлялся с доносчиками. Знакомый нам Маркевич сообщает, что члены виленского кагала при содействии местной администрации подвергали суровым преследованиям каждого, кто раскрывал их противозаконные действия; не имея права прибегать к херему, члены кагала „старались такого доносителя обвинить в воровстве или другом каком противном поступке, нанимали ложных свидетелей чрез зачинщиков (штадлоним) и служителей их и посредством денег держали его долгое время в тюрьме, наказывали и ссылали. Буде же кто старался убежать или находил способ из тюрьмы об'явить и писать вышнему правительству, того уже посред-

[14]) Юл. Гессен, В темных углах еврейской общественной жизни (сборн. „Еврейская Мысль", I).

ством служителей отправляли без дальних околичностей на тот свет"; когда подобные преступления обнаруживались, члены кагала тратили крупные денежные суммы, чтобы затушить дело [15]).

Это сообщение, несомненно сгущавшее краски виленской действительности, но не голословное, справедливо в той или иной степени и по отношению к другим кагалам. Однако, если даже большинство кагалов и не прибегало к кровавым мерам борьбы с доносителями, то все же кагалы проявляли такой деспотизм, что главным образом в их стенах завязывался узел тех обостренных отношений, которые при роковом стечении обстоятельств разрешались доносами, предательством, провокацией и убийствами.

Обильный материал для обличения давали злоупотребления кагала при раскладке подати, взимании сборов и особливо при сдаче рекрут, когда по воле кагала беднякам приходилось надевать солдатскую шинель вместо богатых или влиятельных людей. Но в этих случаях страдали только сами евреи, а не правительство или русское общество, а потому соответствующие жалобы пострадавших сравнительно мало волновали администрацию, что, конечно, развязывало руки кагалу.

Упомянутый Маркевич сообщает, что когда в начале 19 века стоявший во главе виленского похоронного братства („хевра кадиша") Вульф Юделиович стал бороться с расхищением общественных денег, его отрешили от должности „и по наговору на него разных преступлений доведен до уголовного суда, который по происках длился до его смерти". Клецкий кагал в сороковых годах превзошел всех прочих на Литве своим произволом, и из Клецка вышел „мосер", приобревший наиболее печальную известность на Литве—Бениамин Гольдберг („Вениаминке-мосер"). Эту позорную репутацию создал ему клецкий кагал, а между тем Гольдберг был повинен лишь в том, что протестовал против беззаконий кагала, а однажды уведомил губернатора о том, что кагал сдал в солдаты единственного сына бедной вдовы. Стараниями кагала Гольдберг был сослан в Сибирь, где и умер [16]).

Большое впечатление на правительство производили доносы об утайке душ при переписях (по ревизии) с целью уменьшить размер подати и количество рекрут с данной общины. Власти приходили в движение и тогда, когда доносители обнаруживали контрабандные товары. Архивы пестрят подобными доносами, нередко лживыми и искусно инсценированными. Доносчики-евреи порою являлись тайными агентами правительства по розыску контрабанды; они из еврейской же среды набирали помощников с уголовным прошлым. Кагал, как учре-

[15]) Архив мин. вн. дел, департ. полиции исполнит., 1827 г., дело № 624 (По мемориям евр. комитета, относящимся к будущему устройству евр. народа).

[16]) А. Паперна, Из николаевской эпохи („Пережитое", т. II, стр. 49).

ждение, не был причастен к торговле контрабандными товарами; лишь отдельные члены кагала, в качестве торговцев, могли иметь отношение к ней. Но кагал принимал близко к сердцу разоблачения и тогда, когда они касались посторонних лиц, потому что более состоятельные торговцы материально поддерживали общину, пользовались общественным влиянием, и кагалу приходилось помогать им.

Когда один видный гродненский торговец, приговоренный к уплате пени за обнаруженные у него (по доносу евреев) контрабандные товары, оказался несостоятельным, кагал возбудил ходатайство о рассрочке штрафа, причем обязался уплатить причитающуюся сумму [17]).

В 1807 году по доносу еврея Урки Бениаминовича был захвачен в Вильне контрабандный товар. Заинтересованные лица, среди коих заметную роль играл синдик кагала, решили отмстить ему. При посредстве жены Урки, с которой он разошелся, Урка был обвинен в сокрытии краденых вещей; его арестовали; он мог быть выпущен на поруки, но одних поручителей не признали заслуживающими доверия, других подкупил кагал, чтобы они отказались от поручительства. Урке удалось послать из тюрьмы жалобу в Петербург. Сенат вытребовал из Вильны дело о нем. Оказалось, что на Урку были возведены обвинения в различных преступлениях, якобы совершенных им в прежние годы, но прокурор и губернатор не признавали эти обвинения доказанными. Урку выпустили из острога (1808 г.), а спустя несколько дней его труп был найден на берегу реки. Выяснилось, что Урку и его младшего брата заманили, споили, а затем отвезли в глухое место, где и задушили, после чего бросили трупы в воду. Так как убийцы были люди бедные, а цели грабежа не могло быть, то стало очевидным, что их подкупили. Замешанным в деле был более всего синдик, но обвинение в соучастии пало и на других членов кагала [18]).

Потрясающим по своим подробностям является происшествие, нарушившее в 1838 г. жизнь Ново-Ушицкой общины (Подольской губ.). Чтобы избавиться от двух евреев, доносивших властям об утайке душ, было решено их убить: одного умертвили в синагоге, после чего труп сожгли в бане, а второго настигли, когда он бежал в губернский город, и тут же умертвили. К военному суду были привлечены около восьмидесяти лиц. Многих подсудимых прогнали сквозь строй, и тех из них, которые умерли во время экзекуции, народная память причислила к „святым мученикам“; казнь же доносчиков была сочтена

---

[17]) Архив сената, 3 отд. 5-го департ., 1827 г., дело № 323 „Об открытии в Волковыске контр. товаров по доносу евреев“.

[18]) Архив сената, I отд. 5-го департ., 1808 г., дело № 856 „Об убийстве евреев Урки и Азика Бениаминовичей“.

„божиим судом". Конечно, правительство иначе отнеслось к гибели доносчиков: их семьи были щедро вознаграждены [19]).

Доносчики сообщали властям также о „зловредных" еврейских книгах, отнюдь не преследуя идейных целей, а только ради личной материальной выгоды [20]).

Наибольшее же внимание обращалось правительством на доносы о совращении христиан в еврейство.

В 1818 г. по доносу некоего Корнблюма, человека темного прошлого, которого ни один кагал не хотел приписать к себе, начались поиски в Могилевской губернии христиан, обратившихся в иудейство. Губернатор сообщил, что таковых не оказалось, но насколько это соответствовало действительности, сказать нельзя, так как дело, возникшее по доносу Корнблюма, осталось невыясненным, будучи полно тайн. Не только Корнблюм погиб, повидимому, насильственной смертью, но и другие два еврея, взявшие на себя обязанность предавать обращенных в руки правительства, а также некий священник, заподозренный в переходе в иудейство, также кончили свои дни при загадочной обстановке [21]).

В подобной же атмосфере, в кольце таинственных происшествий, прошло и так называемое Видзское дело, возникшее в 1817 году.

По официальной версии, евреи „видзского и солоцкого кагалов", решив обратить в иудейство двух девушек 16 и 18-ти лет, служивших в еврейских домах, „скрыли их на своих кладбищах; тут исполнили над ними начальные обряды обращения, назвали Синицкую Рывкой,

---

[19]) С. Дубнов, Из моего архива („Пережитое", I, ч. 2, стр. 1—7). Также „Евр. Старина", 1911 г., стр. 591.—Архив мин. вн. дел департ. полиции исполн., 1838 г., дело № 398 (вознаграждение семей доносчиков).

Печальные бытовые картины выплывают из дела, жертвою которого, по замыслу его творцов, должен был пасть известный талмудист и общественный деятель Давыд Лурье из Быхова (историко-революционный архив, II-ая экспедиция, дело № 267. 1838 г.).

Мстиславский житель Ария Брискин, по отзывам христиан человек злобный, причинял общине всяческие неприятности, и кагал составил приговор о ссылке его в Сибирь; в тюрьме Ария принял крещение и этим купил себе свободу; воспользовавшись делом о „буйстве" мстисл. евреев, он стал доносами мстить своим прежним единоверцам. Ср.: Юлий Гессен, Мстиславское буйство („Пережитое", т. II, стр. 56, 60 и след.).

[20]) Архив мин вн. дел, департ. пол. исполн., 1841 г., дело № 381. Гродненск. еврей Вольф Боярский просил о вознаграждении его за издержки, понесенные им по открытию вредных евр. книг. — Боярский сам занимался контрабандою.

[21]) Юл. Гессен, Доносчики и авантюристы времен Александра I („Евр. Старина", 1916 г., вып. I). Ср.: архив особой канцелярии министра полиции, 1818 г., № 111 „О прибывшей под именем еврейки Дворы Абрамовой совратившейся из римско-католич. исповедания в евр. закон мещанской дочери Китовичевой и о доносе еврея Корнблюма).—См. также: департ. полиции исполн., 1827 г., дело № 640 „О высылке заграницу еврейки Дорисы Иозефины".

а Савицкую Соркой, продержали их несколько дней в Видзах, вывезли из оного города и, препровождая из местечка в местечко, в одном окончили обращение, а в другом выдали Синицкую замуж за еврея“ [22]). Обвинительным материалом послужили заявления этих двух христианок, но фатально обе они умерли во время следствия. Впрочем, остались показания еврея, сознавшегося, что он первый заговорил с Савицкой о переходе ее в иудейство, а потом уведомил раввина о ее согласии. Повидимому, в этом темном деле есть зерно правды: видзский раввин, поддавшись, быть может, на провокацию, приобщил христианок к иудейству, а когда это обнаружилось, кагалы, связанные сознанием круговой ответственности, стали сообща принимать меры к тому, чтобы замести следы неосторожного деяния. Некоторые подсудимые были приговорены к тяжким наказаниям (удары плетью, каторжные работы). Членов кагала не подвергли каре за отсутствием улик, но все же их оставили в „подозрении, под надзором полиции, так как нельзя допустить, чтобы кагальные, яко начальники еврейского общества, могли не ведать о столь важном случае“.

Из мрачной летописи не может быть исключено и дело „о евреях динабургского кагала, судимых за обращение в иудейскую веру и убиение митавского немца Иоанна“. В 1823 г. вблизи Динабурга был обнаружен труп погибшего насильственною смертью еврея, в котором был опознан некий Иоанн, прежде бывший лютеранином. В совращении (обрезании) Иоанна, а затем в убийстве его были заподозрены „динабургские евреи и в особенности общественные старшины“. Обличителем в этом деле выступил местный еврей Башкевич, сын городского головы, сам занимавший ранее пост бургомистра. За злоупотребления его устранили от должности и предали суду. Тогда он, из чувства мести, оговорил представителей общины в причастности к убийству Иоанна. Подсудимые (за исключением фактического убийцы) были признаны невиновными. Однако, можно все же допустить, что некоторые из них содействовали умерщвлению Иоанна в виду его угрозы, что он вернется в христианство и донесет властям о совращении его в иудейство [23]).

---

[22]) Архив сената, дело канцелярии мин. юстиции, 1818 г., № 122 „По рапорту виленск. прокурора о двух христианках, перешедших в евр. веру“.—Вт. собр. зак., № 736.

[23]) Архив сената, 2 отд. 5 департ., 1829 г., № 46 „О совращении немца Иоганна в евр. веру и убийстве его евреями“.—Архив госуд. совета, деп. гражд. и дух. дел, 1829 г., № 100 „О евреях динаб. кагала, судимых за обращение в иуд. веру и убиение митавского немца Иоанна“.

Глава вторая.

Взгляды русских людей на еврейский народ.—Законодательная деятельность правительства Николая I.—Религиозный момент в ограничительном законодательстве.—Велижское дело и „Розыскание об убиении евреями христианских младенцев".—Запрещение пользоваться личными услугами христиан.—Введение натуральной рекрутской повинности.—Миссионеры в казармах; кантонисты.

Мнение, будто суровая эпоха Николая I (1825—55 г.г.) резко отличается по характеру и по содержанию от времен Александра I, неверно. Те темные силы, которые при Николае разлились над еврейской жизнью, зародились еще в дни Александра [1]).

Ограничительное законодательство, унаследованное от предшествовавших десятилетий, до такой степени разрослось, осложнилось при Николае; пути, уже раньше проложенные, по которым оно шло, настолько углубились, разветвились; система управления, начатая до Николая, в такой мере сгустилась при нем в грубости, самоуверенности,—что невольно вызывается мысль, будто все это—детище „николаевщины". Но в действительности начала „николаевщины" были заложены ранее, в чем можно убедиться, остановившись на тех взглядах по еврейскому вопросу, которые наметились в последние годы Александра в бюрократических и более широких общественных кругах.

Еще при Александре министр финансов Канкрин, будущий близкий сотрудник Николая, высказал следующие соображения; „по видам духовным" крещение евреев желательно, но по политическим—оно нецелесообразно, если не изменятся занятия и дух евреев; „народ, имеющий правила, навыки и дух противообщественные, не может принадлежать к составу благоустроенного государства—таковой народ может по необходимости *терпим быть токмо* в *малом числе*, но размножение его—есть зло, ограничение—долг, уравнение в правах с коренным на-

---

[1]) См. т. I, стр. 210—11.—Александр скончался 19 ноября 1825 г. Вследствие отказа цесаревича Константина от престола воцарился брат Александра Николай I (манифест 12 декабря 1825 г.). Вызванное этим замешательство послужило поводом для так называемого „декабрьского" мятежа.

родом — ошибка". Чтобы разрешить еврейский вопрос, обостренный тяжелым экономическим положением как их самих, так и окружающего населения, необходимо: „не токмо положить преграду дальнейшему их размножению, которое им самим обращается в тягость, но и постепенно уменьшить число их, и открыть им достаточные и для *христианского общества безвредные* способы к пропитанию" [2]).

И подобные взгляды разделялись в среде декабристов. Так, в своей „Русской Правде", предназначенной быть „Наказом Временному Верховному Правлению", душа революционного движения Пестель, считая сплоченность евреев вредной для христианского населения, а с другой стороны, признавая, что предоставленная им внутренняя автономия является прерогативой (наряду с освобождением от рекрутской повинности, в те годы заменявшейся денежным сбором), какою не пользуются христиане, предложил два плана, чтобы изменить порядок, „утвердивший неприязненные отношения к христианам и поставивший их (евреев) в положение, противное общественному порядку в государстве" [3]).

Первый заключался в том, чтобы, выслушав „ученнейших раввинов и умнейших евреев", Верховное Временное Правление приняло меры, „дабы вышеиз'ясненное зло прекращено было и таким порядком заменено, который бы соответствовал в полной мере общим и коренным правилам, имеющим служить основанием политическому зданию Российского Государства; *ежели Россия не выгоняет евреев*, то тем более не должны они ставить себя в неприязненное отношение к христианам". Второй же план сводился к тому, чтобы правительство оказало евреям содействие „к учреждению особенного отдельного государства в какой-либо части Малой Азии". Сам Пестель не придавал практического значения этому предложению: подобное „исполинское предприятие требует особенных обстоятельств и истинно гениальной предприимчивости", но Пестель упомянул об этом проекте лишь для того, „чтобы намеку представить на все то, что можно было бы сделать". И эта неосуществимость плана выселить евреев из страны еще больше, так сказать, подчеркивает силу общественного настроения: даже не предвидя практических результатов от своего предложения, Пестель все же излагает его, чтобы полнее выразить мнение по вопросу об евреях [4]).

---

[2]) Приложение к особому журналу комитета министров 1823—25 г.г., книга № 368 (в конце ее).

[3]) „Русская Правда", СПБ., 1906 г. (изд. „Культура"), стр. 50—53.

[4]) О плане декабриста Перетца (сына известного откупщика) устроить еврейское царство см. мою книгу „Евреи в России", стр. 139. Ср. Адфавит декабристов, стр. 161 (желание Перетца содействовать обращению евреев в христианство).

М. Орлов и Дмитриев-Мамонов, намереваясь образовать (1816—17 г.г.) общество русских рыцарей (масонов), выработали „пункты предполагаемого во внутреннем ордене

Один исследователь идей декабристов полагает, что Пестель, по-видимому, желал распространить (своим первым планом) на евреев политические права под условием преобразования их быта. Это суждение правильно, если принять за преобразование такую нивелировку еврейского быта с обще-русским, которая, как мечтал Пестель в отношении всех национальностей, представленных в России, совершенно растворила бы евреев в русском народе. Так именно понимал Пестеля декабрист Спиридов, не признававший правильною мысль Пестеля о „превращении жидов, татар и других многих народов в русских". Сам же Спиридов высказывался за то, чтобы евреи, как и другие нехристиане, не пользовались гражданскими правами [5]).

Выдающийся декабрист Никита Муравьев в своем проекте конституции оговорил, что „евреи могут пользоваться правами граждан в местах, ныне ими заселенных, но свобода им селиться в других местах будет зависеть от особых постановлений верховного народного веча" [6]).

Екатерина II, Павел I и Александр I не только вникали в разнообразные вопросы еврейской жизни, но даже часто разрешали их самостоятельно. Однако, у Николая эта деятельность достигла совершенно исключительной интенсивности, и его личное влияние резко отразилось на отношении правительства к еврейскому народу. Правда, при всей своей—казавшейся неограниченною—власти Николай, необузданный, настойчивый, не мог добиться того, чтобы его повеления выполнялись в полной мере, так как окружающие условия нередко заставляли правительство побеждать упорство царя. Тем не менее Николай, повторяем, лично влиял на законодательство о евреях, усугубляя его репрессивный характер.

Разделяя общую судьбу, еврейское население испытало на себе тогдашнюю крайне тягостную правительственную опеку, направленную к тому, чтобы возможно детальнее регламентировать его духовный и экономический быт. Независимо от того, что еврейским вопросом

учения", в которых, проявив ненависть к иноземцам вообще, проектировали переселение половины евреев из западных губерний на окраины России, и принудительное „обращение их в веру", т. е. христианство. Ср.: В. И. Семевский, Политич. и обществ. идеи декабристов, стр. 394 (СПБ., 1909 г.).

[5]) В. И. Семевский, названное сочинение, стр. 519—23.—М. В. Довнар-Запольский, Тайное общество декабристов (Москва, 1906 г.), стр. 155—56. Ср. записку декабриста Корниловича (Щеголев, Декабристы—в изд. „Былого", 1920 г.).

[6]) Во второй редакции своего проекта Муравьев обошел евреев молчанием, не намереваясь более ограничить их в правах (В. И. Семевский, назв. сочин., стр. 469).

усердно занимались общие правительственные учреждения, в течение почти всего царствования Николая функционировали особые Еврейские комитеты. Результатом таковой работы явился весьма обширный разнообразный законодательный материал, который обязан своим возникновением отнюдь не одному лишь формализму. Чуждое государственного взгляда на евреев, как на один из элементов хозяйственного быта страны, не учитывая той живой силы, которая заключалась в их материальных потребностях, правительство упорно добивалось лишь одного того, чтобы евреи, служа только источником удовлетворения нужд прочего населения, сходили с пути, когда за ними наступала очередь извлекать пользу из соседей. Это, конечно, было неосуществимо, и в законах, долженствовавших нормировать жизнь евреев, слышится как бы крик отчаяния, что при всей своей власти правительство не может выкорчевать еврейское существование из недр русской жизни, уничтожить материальную и духовную связь между евреями и христианами, создаваемую житейскими условиями. Вместе с тем, рассматривая евреев не как социально-экономическую единицу, а преимущественно как религиозную, правительство не могло распутать узел противоречий, коллизий, который оно само завязывало, внося в область экономических отношений между христианами и евреями мотивы религиозного характера. Правительство до крайности озлоблялось своим бессилием преодолеть еврейский народ как религиозно-национальную единицу, опасную, как оно мнило, для христианского мира; при этих обстоятельствах болезненно-напряженная работа законодателя, направленная к пресечению повседневных явлений, вытекавших из сожительства евреев с христианами, приводила к непредвиденным последствиям, для отвращения которых правительство опять расходовало энергию и время, не соразмеряя затрачиваемых сил с мизерностью результатов.

Длительное царствование Николая протекло в беспрерывной законодательной работе, в которой принимали участие не только самые разнообразные ведомства, но и, как уже было отмечено, специально создававшиеся для данной цели комитеты. Плодом работы унаследованных от Александра комитета из четырех министров и комитета из директоров департаментов [7]) явилось Положение о евреях 1835 г. А уже в 1840 г. возник „Комитет для определения коренного преобразования евреев в России“, издавший в 1844 году ряд важнейших законоположений, но и после того продолжавший действовать вплоть до 1863 года.

В дальнейшем будут отмечены сравнительно лишь немногие звенья той густой и тяжелой законодательной цепи, которая в течение ряда десятилетий со всех сторон сковывала еврейскую жизнь. Необозримая

7) См. т. I, стр. 205 и 208.

же масса изданных в ту эпоху репрессивных постановлений о евреях представляет собою, в свою очередь, лишь частичный результат колоссальной работы, которую выполнили различные круги русского общества и ведомственные канцелярии, составляя законодательные *проекты*, направленные к ограничению прав еврейского населения. Реальные условия экономического быта полагали в этом отношении известные пределы смелым замыслам прожекторов—правительство нередко чувствовало себя бессильным осуществить такие домогательства отдельных общественных кругов и свои собственные непомерные желания. Но то, что многие подобные проекты не приводились в действие, отнюдь не лишало их в известной мере жизненности, так как ими определялась та насыщенная враждою атмосфера, в которой еврейское население изо дня в день боролось за свое существование.

В подавляющем большинстве законодательные ограничения возникли на экономической почве, как будет видно из дальнейшего. Однако, среди них имелись и такие, которые сплетались с соображениями религиозного свойства. Рекрутская натуральная повинность, введенная с экономическими целями, была использована для насаждения православия. А запрещение евреям держать христиан в услужении, установленное вопреки местным хозяйственным отношениям, было подсказано одними лишь религиозными побуждениями.

Религиозные мотивы стали довольно отчетливо звучать в законодательстве еще в последние годы Александра I. При Николае же им было придано исключительное значение. В данном отношении известную роль, как видно, сыграли судебные процессы по обвинению евреев как в совращении христиан в иудейство, так и в совершении ритуальных преступлений. И на них мы сейчас остановимся.

Дело об орловских субботниках[8]), тянувшееся с 1814 г., стало известно Николаю в своей заключительной стадии, когда ему был представлен на утверждение приговор Государственного совета. Во время обыска у субботников был задержан еврей-винокур; кроме того, субботники указали на двоих евреев, имевших с ними сношения. Но приговор Государств. совета вовсе не упомянул о евреях, и это встревожило царя; предположив, что их судили отдельно, он потребовал соответствующих сведений; вместе с тем, желая разыскать источник воздействия евреев на сектантов, он заинтересовался тем, где именно произошла их встреча. Однако, несмотря на повторную резолюцию: „где судятся евреи и какой конец сему делу", вопросы остались без ответа (1826 г.). Повидимому, заподозренные царем евреи не имели

[8]) Т. I, стр. 198.

никакого отношения к делу орловских субботников. Но это не поколебало уверенности, что насаждению сектантства способствуют евреи.

Одновременно прошли известные нам дела: видзское, приговору по которому была нарочито придана широкая огласка, причем было сделано напоминание, чтобы власти следили за исполнением закона, запрещавшего христианам служить у евреев; далее, дело об убийстве совращенного немца Иоанна и, наконец, велижский процесс.

Под влиянием этих судебных дел Николай проникся страхом, что даже каждый еврей в отдельности способен распространить вокруг себя антихристианскую заразу, как об этом свидетельствует следующий эпизод: когда министр финансов пожелал разрешить, в виде изъятия, двум евреям производить винокурение на казенных иркутских заводах, царь положил резолюцию: „согласен на три года, и со взятием условленной подписки", а эта подписка заключалась в том, что винокуры обязывались не „склонять никого в еврейскую веру!" [9]). В широких же общественных кругах, благодаря длительному велижскому процессу, утвердилось мнение, что евреи употребляют для религиозных целей кровь христиан и глумятся над их святынями, не смотря на то, что он закончился оправдательным приговором.

Мы видели [10]), что местная судебная инстанция сняла с велижских евреев подозрение в прикосновенности к умерщвлению христианского мальчика Федора, но, благодаря стараниям белорусского генерал-губернатора кн. Хованского, Александр I приказал (1825 г.) возобновить дело в связи с заявлением нищенки Терентьевой, будто ребенок погиб от рук евреев. Хованский, чрез посредство своего чиновника Страхова, начал новое следствие.

У трупа мальчика, вероятно случайно погибшего, а затем исколотого с целью инсценировать „ритуальное" убийство, сплотились люди, в повседневной жизни чуждые друг другу: сапожник Азадкевич и учитель Петрища, чрез посредство униатского священника, игравшего видную роль в дальнейшем ходе процесса, и Страхова подали руку помощи кн. Хованскому, заклятому врагу евреев, служившему своим единомышленникам заступником пред высшей властью.

Менее всех виновною в заговоре была Терентьева. Голодную, пьяную, ее легко было уговорить подать государю жалобу. А когда она это сделала, ее арестовали, чтобы в стенах тюрьмы превратить в слепое орудие сообщников. И вот, арестованная 19 ноября, она уже 22 ноября заявила, что *сама принимала участие в умерщвлении Федора*. Чем же было вызвано столь неожиданное и, казалось, столь ги-

---

[9]) Второе полное собрание законов, № 1355 (1827 г.).

[10]) Том I, стр. 212.

бельное для нее признание? К чему было ей прибегать к содействию царя, когда она могла и без его вмешательства возобновить процесс простым заявлением о своем участии в злодеянии? Ведь если она действительно была прикосновенна к смерти Федора, то подача прошения государю все равно привела бы к раскрытию ее участия, так как евреи, конечно, выдали бы свою, якобы, соучастницу, предавшую их. С другой стороны, и находясь в заключении, она могла бы ограничиться повторением своих прежних показаний.

Подавая царю жалобу, Терентьева вовсе не предполагала очутиться за решеткой, она ждала другой награды. Но чтобы добиться обвинения велижских евреев, вдохновителям процесса нужны были новые доказательства их вины, старые материалы были недостаточны. И вчерашние союзники Терентьевой решили пожертвовать ею. Несчастную бабу не трудно было заставить принять на себя роль соучастницы в преступлении, так как ей можно было угрожать карой не только за ложное заявление царю, будто она мать Федора, но и за то, что она имела какую-то связь со смертью Федора, как это подтверждалось тем, что еще до нахождения трупа она была осведомлена о трагической судьбе Федора. Вместе с тем ей могли обещать прощение, если она, в качестве будто соучастницы евреев, расскажет всю „правду".

Медленно стала измышлять Терентьева подробности умерщвления евреями Федора, вовлекая в дело и других христианок, служивших в еврейских семьях. Те сведения о смерти Федора, которые ей сообщили в свое время ее единомышленники, не удержались в голове, находившейся всегда в тумане от чрезмерного употребления водки. Поэтому следователям приходилось предлагать ей наводящие вопросы, но это очень мало помогало, так как свои заявления она тотчас забывала. В таком же положении была и другая „соучастница" Максимова, оговоренная Терентьевой. Дело осложнялось тем, что каждая из них описывала событие по своему произволу, не считаясь с тем, что говорила другая. И роль следователей и священника Тарашкевича, которому было поручено „увещевать" христианок рассказать всю правду, сводилась к тому, чтобы как-нибудь согласовать их противоречивые показания и приблизить эти показания к фактическим данным.

Достаточно отметить, что труп Федора был найден у дороги на кочке, но доказчицы заявили первоначально, что они бросили труп с камнем в колодец! Далее, они утверждали, что ребенку отрезали половой орган, а медицинская экспертиза удостоверила, что это неправда. Но постепенно многие подобные несообразности, усилиями следователей, были удалены из показаний христианок. Что касается противоречий между рассказами Терентьевой и Максимовой, то с течением времени установился такой порядок: Максимова подтверждала

то, что на нее наговаривала Терентьева, но, вместе с тем, в озлоблении клеветала на нее, а Терентьева, в свою очередь, признавала заявления Максимовой правдивыми, и таким образом обе женщины в конце концов взаимно придали себе исключительную роль в злодеянии.

Несмотря на очевидную лживость Терентьевой и Максимовой, следователи извлекали из их показаний то, что было нужно. И, конечно, они поверили, будто евреи, по словам доказчиц, качали Федора в бочке с вбитыми гвоздями! Доказчицы, между прочим, заявили, что они по поручению евреев возили *боченок* крови убитого мальчика в Витебск и Лезну, где кровь розлили по бутылкам! И это будто бы произошло год спустя после убийства, т. е. тогда, когда Терентьева уже давно разгласила об умерщвлении евреями мальчика. Доказчицы договорились до того, что их, мол, обратили в еврейскую веру, выкупав в Двине, а затем поставив босыми на горячие сковороды. Наконец, по их словам, они совместно с евреями совершили ряд преступлений еще до велижского[11]).

Между тем среди еврейского населения Велижа начали производиться аресты. В тюрьмы было заключено около сорока человек—тут были мужчины и женщины, старики и подростки, лица, занимавшие видное положение в местном обществе, и лица, принадлежавшие к наименее заметным социальным кругам. В Петербург поступали жалобы на притеснения, которым подвергались подсудимые, на правонарушения, допускавшиеся велижской комиссией, и вследствие этого сенат предписал дозволить подсудимым приносить жалобы на неправильные действия комиссии. Но Хованский доложил государю, что сенат чинит „затруднения“ по производству следствия, и тогда последовало высочайшее повеление, чтобы сенат оставил производство дела в полном распоряжении Хованского, так как государь сам преподал Хованскому, как следует наблюдать за „правильным и справедливым производством сего необыкновенного дела“, и „в сомнительных случаях сам будет давать им разрешения“.

Следя за развитием процесса, Николай добивался правды; он верил, что между евреями могут происходить ритуальные преступления. Но когда ему донесли, что, согласно показаниям христианок, евреи умертвили сразу четверых детей, он написал резолюцию: „Надо непременно узнать, кто были несчастные сии дети. Это должно быть легко, если все это не гнусная ложь“. Несмотря на тщательные поиски, ни трупы этих детей, ни их родные не были обнаружены. Вымысел стал очевидным. Но все же велижское дело шло своим путем.

---

[11]) Однажды „после священнического увещевания над евангелием при зажженных свечах, долго лежавшая ниц на полу“ Терентьева „призналась“, что она с Максимовой похитили из церкви св. тайны и отдали их евреям на поругание.

Более того: в 1826 г. возобновилось, казалось бы, навсегда похороненное гродненское дело 1816 года. Хотя главный гродненский суд, пересмотрев процесс, постановил предать его „воле божьей", оно по протесту прокурора было направлено в сенат и даже (1830 г.) в государственный совет, который, впрочем, и решил предать его за давностью лет полному забвению [12]).

Так как подсудимые не признавались в приписываемом им преступлении, то „обличительным" материалом служили показания христианок, а также те слова негодования и движения ужаса, которые вырывались у евреев, когда им рассказывали о подробностях якобы ими содеянного злодеяния, когда им подносили кусок холста, который они будто бы смочили кровью Федора.

По примеру упомянутых выше сенненского и гродненского процессов [13]), и велижское дело не обошлось без показаний крещеного еврея. Некий Грудинский, явившийся к следователям в рубище, предложил свои услуги, уверяя, что евреи употребляют кровь. Он перевел какую-то еврейскую рукопись—одна страница была ужаснее другой; к тому же были нарисованы и инструменты, которыми евреи, мол, пользуются в таких случаях! О столь ценной находке дали знать в Петербург. Николай крайне заинтересовался ею, приказал флигель-ад'ютанту доставить ее ему. Но ксендз Паздерский, сам крещеный еврей, настаивавший на том, что евреи употребляют кровь, все же признал, что рукопись говорила лишь об убое скота по еврейским правилам, а отнюдь не о пролитии человеческой крови. Кроме того, обнаружилась лживость показания Грудинского, будто он сам со своими родственниками-евреями совершал убийства с ритуальной целью; ложь удалось доказать лишь благодаря тому, что расследование по этому наговору было возложено по высочайшему повелению не на Хованского, а на офицера корпуса жандармов. В конце концов Грудинский признался, что, нуждаясь в средствах к существованию, он наклеветал на евреев и даже сам подрисовал инструменты на рукописи, надеясь таким образом заработать (1830 г.), и Николай велел сдать его в солдаты.

Следователи пытались доказать виновность велижан еврейскими книгами, ритуальной литературой и историческими сведениями.

---

[12]) Архив сената, дело министерства юстиции, 1829 г., дело № 4 „О еврее Шаломе Лянине, судимом по подозрению в умерщвлении малолетней девочки Марьяны Адамовичевой". Архив госуд. совета, деп-т гражд. и духовн. дел, 1830 г. дело № 169. См. Материалы, изд. канцелярией совета об'единен. дворянск. обществ, ч. V, стр. 1—34.

В 1827 г. государь велел обратить внимание на Тельшевское событие, хотя по расследовании оказалось, что убили крестьянского мальчика не евреи, а пастухи. См. Юл. Гессен, Велижская драма (СПБ., 1905 г.), стр. 97.

[13]) См. т. I, стр. 100, 102, 183.

Еврейские книги религиозного содержания, захваченные в большом количестве при обысках в синагоге и еврейских домах, были подвергнуты внимательнейшей экспертизе, и оказалось, что в них нет ни одного слова о крови.

Но вот была получена книжка „Обряды жидовские". Хованский сперва переслал ее министру внутр. дел, отметив, что в 1817 г. было запрещено взводить на евреев ритуальные обвинения, да и по велижскому процессу состоялось повеление руководствоваться лишь судебными уликами; эта книжка—заметил он далее—вероятно подложна и „едва ли она не вредная". Действительно, главный цензурный комитет признал ее вредной; начато было расследование о ее происхождении и состоялось распоряжение из'ять ее из продажи. Но вслед за тем Хованский вытребовал эту же книжку, так как он собирался отправить в Петербург делопроизводство по велижскому делу, и книжка, по его словам, могла составить „*обличительный документ* при производимом исследовании" [14]). А несколько позже, узнав о существовании греческой книги Неофита [15]), Хованский обратился к находившемуся в Молдавии с армией генералу Дибичу с просьбой доставить эту книгу, но он опоздал: Дибич еще раньше по высочайшему повелению разыскал ее и отослал в Петербург.

Что касается исторического материала, то он, подобно литературному, оказался весьма скромным, так как следователи не были знакомы с историей навета. Все же, раздобыв сведения о младенце Гаврииле, будто бы замученном евреями в 1690 г., „мощи" которого находились в монастыре близ Слуцка, Хованский с циничной прямотой написал Николаю, что „засвидетельствование о мучении сего младенца, ознаменованного властью всемогущего нетлением, было бы новым *самым сильнейшим подтверждением* и подобного бесчеловечья, совершенного евреями в Велиже" [16]).

Чтобы дорисовать умственное убожество всесильного Хованского, руководившего велижским процессом, следует сказать, что когда кре-

---

[14]) Это была, вероятно, книжка, изданная в 1800 г. См. т. I, стр. 101. Архив мин. вн. дел, департ. полиции исполн., 1828 г., дело № 487 „По отношению Вит., Смол. Могил. ген.-губернатора с препровождением книжки под названием „Обряды жидовские", без дозволения цензуры напечатанной". В деле хранится экземпляр, присланный Хованским.

[15]) Ср. т. I, стр. 96 и след. В приложенной к велижскому делопроизводству выписке из книги Неофита упомянуто и о кровавых каплях, падающих из воздуха, и о „болезнях", ниспосланных на евреев за поругание Христа (2-ое отд. 5-го департ., 1835 г., дело № 65 т. 21, прилож. В и Д).

[16]) С. Бершадский, Старинное средство („Восход", 1894 г., кн. XI); С. Дубнов, Историч. сообщения (там же, 1895 г., кн. II); ср. Юл. Гессен, Велижская драма, стр. 19, 34, 95, 111.

щеный еврей солдат Федоров заявил в петербургском ордонансгаузе, что он с другими евреями участвовал в велижском злодеянии (лживость этого свидетельства уже вскоре обнаружилась), то Хованский написал государю, что „случай сей можно признать *видимым промыслом всевышнего*", так как в тот день, когда он подписывал последнее свое донесение государю по велижскому делу, „на расстоянии 600½ верст, в С.-Петербурге—ибо у всемогущего нет ни времени, ни пространства—является в ордонансгауз рядовой из евреев Александр Федоров и там своим свидетельством уличает велижских евреев в совершенном ими злодеянии"...

Дело долго рассматривалось в сенате, и если одни из сенаторов не могли придать полную веру показаниям христианок, указывая, между прочим, что евреям не было надобности ни прибегнуть к услугам последних, ни оставить труп мальчика на видном месте, где его обязательно должны были вскоре заметить, то другие сенаторы, явно находясь под властью мифа, всецело приняли эти показания доказчиц за достовернейшее свидетельство. В виду возникшего в сенате разногласия по вопросу о карах, которым подлежали подсудимые, товарищ министра юстиции граф Панин представил в сенат обширную записку.

Проследив шаг за шагом, как дело постепенно все шире развертывалось благодаря показаниям христианок, отметив противоречия в их свидетельстве и несоответствия со следственными данными, обратив внимание на то, что Терентьева, по ее словам, была пьяна при совершении злодеяния, а следствием установлено, что в ту пору, когда Федор погиб, она была почти совершенно слепа, но тем не менее она сообщает мельчайшие подробности различных действий, происходивших в одно и то же время; остановившись далее на недопустимости строить обвинение на основании телодвижений и отдельных восклицаний подсудимых, Панин пришел к выводу, что привлеченных евреев надо немедленно освободить, а христианок возможно мягче наказать, так как не доказано, что действительно совершены те преступления, в которых они себя обвиняли.

В государственном совете департамент гражданских и духовных дел всецело согласился со своим председателем, известным государственным деятелем адмиралом Мордвиновым, что велижские евреи пали жертвою заговора, возглавленного Хованским, и тогда в общее собрание государств. совета была от имени департамента внесена записка, составленная Мордвиновым.

Приведя данные, говорившие о том, что обвинение было построено на ложных показаниях христианок, сославшись на ряд фактов, доказывавших, что того, что сообщили христианки, не могло быть в действительности, Мордвинов засвидетельствовал, что все эти обстоя-

тельства „обнаруживают один замысел оговорить евреев, в который *по какому-то сильному влиянию* вовлечены христианки, для вернейшего достижения сей цели принявшие на себя участие в убийстве", что вообще „обвинение евреев в ужасных преступлениях имело источником злобу и предубеждение и было ведено *под каким-то сильным влиянием*". Отметив, что велижская комиссия не могла не заметить явной лжи в показаниях христианок, Мордвинов, чтобы тесно связать ее деятельность с именем Хованского, привел из его всеподданнейших докладов заверения, будто комиссия действует правильно. А чтобы показать, в какой атмосфере мрачного фанатизма и первобытных предрассудков велся процесс, Мордвинов упомянул о донесении Хованского царю, будто показания солдата Федорова, данные в петербургском ордонансгаузе, могут „служить неоспоримою уликою против упорных преступников", и вместе с тем Мордвинов процитировал те вышеприведенные строки, в коих Хованский сослался на „промысл всевышнего".

Государственный совет признал (январь 1835 г.) велижских евреев свободными от обвинения в умерщвлении мальчика Федора.

Прочие же дела, возникшие по заявлению доказчиц, были прекращены как в виду давности, так „и более потому, что не доказано даже существование тех детей, кои по показанию доказчиц были жертвами истязаний".

Николай утвердил оправдательный вердикт, но при этом высказал следующее соображение: „Разделяя мнение государственного совета, что в деле сем, по неясности законных доводов, другого решения последовать не может, как то, которое в утвержденном мной мнении изложено, считаю, однако, нужным прибавить, что внутреннего убеждения, что убийство евреями произведено не было, не имею и иметь не могу. Неоднократные примеры подобных умерщвлений с теми же признаками, но всегда непонятными по недостатку законами требуемых доказательств, и даже ныне производимое весьма странное дело в Житомире доказывают, по моему мнению, что между евреями существуют, вероятно, изуверы или раскольники, которые христианскую кровь считают нужной для своих обрядов,—сие тем более возможным казаться может, что к несчастью и среди нас, христиан, существуют иногда такие секты, которые не менее ужасны и непонятны; н. п., сожигальщики и самоубийцы, которых неслыханный пример был уже при мне в Саратовской губернии. Словом, не думая отнюдь, чтобы обычай сей мог быть общим евреям, не отвергаю, однако, чтобы среди них не могли быть столь же ужасные изуверы, как и между нас, христиан" [17]).

[17]) Юлий Гессен, Велижская драма (СПБ., 1905 г.). Исследование основано на деле архива сената, 2-го отд. 5-го департ., 1835 г. № 65 „О евреях". — См. также: архив гос. совета, департ. гражд. и дух. дел, 1834 г. № 92 „О евреях гор. Велижа и

Велижский процесс вызвал в правительственных кругах разногласие по вопросу о достоверности навета, как это можно заключить из того, что министерство внутренних дел занялось составлением сочинения, которое должно было доказать, что не может быть никаких сомнений в совершении евреями ритуальных преступлений [18]). В 1844 г. было издано в небольшом количестве экземпляров для раздачи членам царской семьи и высшим государственным деятелям „Розыскание об убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их", на котором значилось: „напечатано по распоряжению г. министра внутренних дел". Тут рассказывается, что нет такого злодеяния против христиан, которого Талмуд не дозволил бы; приводится список писателей, доказывающих, что евреям нужна кровь христиан; перечисляются 134 „случая злодейского изуверства евреев" с давнейших времен; делаются ссылки на выкрестов, разоблачивших своих прежних единоверцев; наконец, излагается в определенном освещении велижский процесс [19]).

т. д." (напечатано в материалах, изд. канцелярией совета об'един. дворянск. обществ ч. V, стр. 35—175). — Историко-револ. архив: III отд. собств. его вел. канцелярии, IV эксп. 1826 г. № 91 „По просьбе евр. депутатов на утеснение велижск. евреям".—Канцел. его велич., № 4838 „Дело об умерщвлении евреями солдатского сына Емельянова". — См. также в архиве сената, дела мин. юстиции; 1826 г. № 75 „По прошению мещан гор. Велижа и т. д."; 1827 г. № 50 „Об убийстве трехлетнего мальчика и т. д."; 1829 г. № 132 „Об убийстве в г. Велиже и т. д."; 1832 г. № 146 „Об обвинениях вел. евреев и т. д.".

См. С. Дубнов, Сообщение о событии в мест. Бобовне, связанном с велижским делом („Ахиасаф", 1894—5 и 1896 гг.).—М. Рывкин, Вел. дело в освещении местных памятников и преданий (сборн. „Пережитое", т. III); его же, Навет (роман, СПБ., 1912 г.).—Юл. Гессен, Памяти Славки Берлин („Новый Восход", 1913 г. № 14—15).

1846 г. в Лейпциге вышла книжка „Anklagen der Juden in Russland", передающая содержание сенатской печатной записки по велижск. делу.

В 1835 г. госуд. совет рассмотрел дело по обвинению еврея Сабуна в умерщвлении 12-ти летней крестьянки (Архив гос. сов. департ. гражд. и дух. дел, 1835 г. № 127), в котором вопрос о ритуальной цели не выступает (Материалы, изд. канцелярией совета об'един. двор. обществ, ч. V, стр. 176—207, так назыв. Борисовское дело). См. также архив сената, дело мин. юстиции 1834 г. № 67 „По отношению действ. статск. советн. Мордвинова и т. д."; дело 3-го отд. 5-го департ. сената, 1836 г. № 47 „Об умерщвлении 12-ти летней девочки Дроздовой евреем Сабуном".

[18]) Архив мин. вн. дел; канцелярия, 1844 г., дело № 143 „О употреблении евреями крови христианских младенцев".

[19]) Ср. „Русский Архив", 1910 г., кн. VIII, стр. 497 (записки Лебедева).—„Розыскание" было вторично издано в 1913 г. под названием „Записка о ритуальных убийствах", причем авторство приписано лексикографу В. Далю. В предисловии сообщаются данные об истории книги. Ср. коллективное исследование: „Записка о ритуальных убийствах, приписываемая В. Далю, и ее источники" (СПБ. 1914 г.).—См. также: Ю. Гессен, Писал ли Даль о кровавом навете? („Голос минувшего", 1914 г., кн. I).—В 1913 г. И. Кузьмин выпустил книгу „Материалы к вопросу об обвинениях евреев в рит. преступлениях". Отзывы о ней: М. Куликовский (М. Вишницер). По поводу книги И. Кузьмина и т. д. (СПБ. 1913 г.); рецензия Ю. Гессена („Голос Минувшего", 1914 г., кн. III).

Темный страх перед еврейским вероучением, беспокойная мысль, что евреи совращают христиан в иудейство или, по крайней мере, отвлекают их от исполнения церковных обрядов,—все это заставляло ограждать простонародье от близкого соприкосновения с евреями, с каковой целью им было запрещено пользоваться (1820 г.) услужением христиан, что, конечно, должно было отразиться на их хозяйственных взаимоотношениях, на повседневном экономическом быте. Порою провинциальные власти доходили в этом отношении до таких крайностей, что центру приходилось удерживать не по разуму усердных администраторов—в некоторых местах христианам запретили перевозить евреев, строить для них дома, исправлять печи и т. д. [20]).

Но и высшие органы устанавливали такие ограничения, которые противоречили обыденным житейским отношениям. Так, государственный совет провел закон, запретивший христианам служить у откупщиков винных промыслов, а между тем и сенат, и министр финансов высказались против этого [21]). Затем, по тревоге, которую забил начальствовавший над Литовскими губерниями цесаревич Константин, взялись за содержателей почтовых станций: было постановлено, что евреи-содержатели почтовых станций не могут жить в домах, где помещается станция (так как там живут служащие христиане), не имеют права назначать евреев в почтовые смотрители, в писаря, „ни даже в почтари или извозчики", причем управление почтовыми станциями принадлежит смотрителю, назначаемому почтамтом, [22])—и все это для того, чтобы евреи не соприкасались с христианами! Далее опять вернулись к откупщикам винных промыслов: дозволить ли им иметь в услужении христианок для приготовления пищи и мытья белья христианам, служащим у откупщика, при условии, что эти женщины будут находиться в таком помещении, где жительствуют только христиане? Было признано возможным согласиться на это, возложив на губернские начальства обязанность строжайше следить под собственной ответственностью, чтобы раздельность житья не нарушалась [23]). А в это же время проходил по

---

[20]) См. выше, т. I, стр. 199. В Подольской губ. еврейку, имевшую в услужении христианку, присудили к штрафу в 10 р.; губернатор же предложил увеличить штраф, а христианку подвергнуть публично телесному наказанию (3-е отд. 5 департ. сената, 1824 г., дело № 161 „О передержании еврейкою Сурою Черною крестьянки Тысковой в услужении").

[21]) Архив гос. совета, департ. законов, 1820 г., дело № 36 и слитое с ним дело 1822 г. № 14 „Об услуге христиан у евреев, содержащих винные откупа". Первое собрание законов, № 29557 (1823 г.).

[22]) Второе собрание законов, № 501 (1826 г.).

[23]) Архив гос. совета, деп. законов, 1826 г. дело № 35 „О дозволении евреям иметь в услужении христианок и т. д.".—Второе собр. законов, № 1487 (1827 г.).

инстанциям вопрос „о дозволении христианам находиться в услужении у евреев, содержащих почты, и работать *около* их строений". Общее мнение было таково, что следует разрешить христианам наниматься у евреев в почтари и писаря, а христианкам — обслуживать этих христиан и, кроме того, дозволить христианам производить в еврейских домах починки, заключать условия по транспорту и вообще исполнять „всякие другие обязательства". Но Николай внес ограничительные условия: „дозволить, чтобы мастеровые из христиан, как то: плотники, каменщики и прочие, занимающиеся постройками или исправлением домов или другими, *не предполагающими постоянного жительства в домах еврейских*, но временными работами, могли бы быть к оным допускаемы; дозволить также евреям... принимать христиан в почтари и писаря, но с тем, однако ж, чтобы в таком случае на станциях смотрители или приказчики были из христиан"; евреи могут иметь почтарей, писарей и приказчиков и из единоверцев, „с тем только, чтобы уже на таковых станциях христиан не находилось" [24]).

Любопытно, что просьбу виленского кагала о разрешении евреям пользоваться услугами христиан (шинкарей и работников) в дни еврейской пасхи, когда евреи не работают, директорский комитет хотел удовлетворить, но Николай I воспротивился [25]).

Длительная борьба велась по вопросу о кормилицах. Курляндская врачебная управа указывала, что кормилицы принадлежат как бы к медицинской части, и раз подача медицинской помощи роженицам-еврейкам не воспрещена, то жестоко воспрещать христианкам кормить еврейских детей; к тому же служба кормилиц не длительна; наконец—так заявила врачебная управа, выйдя за пределы своей компетенции—„значило бы иметь весьма мало доверенности к силе христианской религии, если бы опасаться, что в столь краткое время может последовать ослабление к вере". Но запрет был оставлен в силе. Более того, когда этот вопрос был вновь возбужден двадцать лет спустя, он опять был решен отрицательно на том основании, что подобный же запрет был введен в Царстве Польском по инициативе духовной особы, заявившей, что служба у евреев оскорбляет и ослабляет в женщинах христианскую веру [26]).

---

[24]) Архив гос. совета, деп. законов, 1826 г., дело № 37 „О дозволении христианам находиться в услужении у евреев и т. д.".—Второе сбор. законов, № 1614(1827 г.).

[25]) Архив мин. вн. дел, департ. полиции исполн., 1828 г., дело № 453 „Об употреблении христ. работников во время пасхи"; 1831 г. № 816 „Об услужении христиан для продажи водки во время пасхи".

[26]) Там же, 1828 г., дело № 493 „О дозволении иметь кормилиц-христианок".—Дело „Евр. комитета для определения коренного преобразования евреев" № 31 (1848). Журнал этого комитета от 15 ноября 1847 г.

Однако, запреты об услужении христиан у евреев не осуществлялись полностью, так как обе заинтересованные стороны всячески старались обойти закон. Фактически услужение продолжалось. И порою законодателю приходилось соглашаться на уступки. Так, по закону 1838 г. о помещичьих крестьянах, отдаваемых по найму для сплава товаров в зарубежные города, подрядчиками по найму крестьян не могли быть евреи, но вскоре было раз'яснено, что евреи, производящие торговлю собственными товарами, могут нанимать для себя крестьян, при условии, впрочем, чтобы крестьянами распоряжались не евреи, а христиане, назначаемые помещиками [27]).

Зорко оберегая христиан от совращения в иудейство, правительство, с другой стороны, охотно обращало евреев в христианство. Казалось бы, что освобождение от всяческих законодательных ограничений, следовавшее за переходом в христианство, уже само собою могло служить серьезнейшим стимулом для принятия евреями христианской веры. Но в действительности на этой почве жатва не была обильна. И вот, в целях принудительного крещения была использована рекрутская повинность, хотя вообще привлечение евреев к натуральной военной службе представляло собою, как уже было сказано, меру экономического значения.

По переходе польских губерний к России местное еврейское население было оставлено на прежнем положении—оно не отбывало натурою рекрутской повинности, а уплачивало взамен особый сбор (подобно христианскому купечеству). Первым обратил на это внимание Державин, когда он разрабатывал проект еврейской реформы, да и в обществе слышались протесты против привилегированного положения еврейского мещанства, а порою раздавались голоса о том, чтобы с евреев брать рекрут в бо́льшей пропорции, чем с христиан [28]), хотя бы на нестроевые должности, в тех случаях, когда они непригодны к строю. Сенатор Алексеев, занявшийся в 1807 г. вопросом о выселении евреев из деревень, предложил брать в солдаты порочных и преступных евреев, надеясь, что это приохотит бедных к земледелию; военная служба и сдача праздношатающихся на казенные фабрики ослабила бы к тому же в евреях „суеверные предрассудки“ [29]). От 1811 г. сохра-

---

[27]) Архив гос. совета, департ. законов, 1839 г., № 67. — Второе собр. законов, № 12940. См.: „Евр. Энциклопедия“, т. XI, статья „Наем личный“.

[28]) „Мнение“ Державина (о нем см. т. I, стр. 133 и сл.), отд. 10, пункт 8. — Ср. мою кн. „Евреи в России“, стр. 103—104 (по рукописному сборнику F II 195 в Росс. Публичной библиотеке).

[29]) См. о нем: т. I, стр. 163 и след. Сборник истор. материалов из архива собств. его вел. канцелярии, вып. II (1899 г.), отд. II, стр. 337—44.

нилась записка на французском языке, в которой автор, пораженный возрастанием еврейского населения (и выражая сожаление, что колонизация южной России евреями была приостановлена по интригам их тайных покровителей, а между тем, если бы даже при колонизации погибла пятая часть еврейского населения, то и это не оказалось бы дорогой ценой за благополучие, которое приобрели бы остальные четыре пятых), предложил с целью приостановить размножение брать с евреев рекрут, но не для строя, а для работы на фабриках [30]). В 1818 году к правительству поступил проект некоего майора, который с той же целью—уменьшить число евреев—рекомендовал брать с них солдат вдвое более, чем с христиан, и при этом брать особо рекрут за податные недоимки, числившиеся на многих общинах [31]).

Таковые суждения стали проникать в правительственные круги. И характерно, что вопросом о военной службе евреев менее всего интересовалось военное ведомство, а более всего—министерство финансов.

В 1820 г. министр финансов Гурьев предложил брать по рекруту за каждую тысячу рублей податной недоимки и определять их на нестроевые должности [32]), но этот проект остался без движения.

Более детально вопрос о военной службе евреев был рассмотрен комитетом министров три—четыре года спустя. Военный министр заявил тогда, что еще не настала пора для замены евреям денежной повинности натуральной службой. Но один из членов комитета взглянул ва рекрутчину как на карательную меру — в рекруты можно сдавать „вредных" людей. А министр финансов Канкрин—дабы приостановить рост еврейского населения—предложил привлечь евреев к натуральной повинности на особо тягостных правилах: „Самая необходимая мера к ограничению многолюдства евреев заключается в обложении их повинностью давать рекрут натурою"; надобно сначала и *почаще*, одну половину — мальчиков от 13-15 лет — отдавать на фабрики, а другую половину обратить в солдаты; при этом Канкрин оговорил, что солдатам, когда они выйдут в отставку, не следует дозволить жить вне черты оседлости, т. е. там, где проходила их военная служба, „исключая тех, которые *во время службы перекрестятся*" [33]). С своей стороны, ди-

---

[30]) Собств. его вел. канцелярия, дело № 602 (архив сената). Ср. архив гос. совета—Комитет, учрежд. в 1826 г.: записка от 1817 года (стр. 25—26) Кампенгаузена, рекомендовавшего брать рекрут.

[31]) Общая канцелярия мин. финансов, II отд., дело № 23/193. 1823 г. „Учреждение комитета еврейского" (приложение).

[32]) Мемория директ. комитета за февраль 1826 г. (архив мин. вн. дел, департ. полиции исполн., 1827 г., дело № 349 „О проживающих в С.-Петербурге евреях").

[33]) Особый журнал комитета министров 20 ноября 1823 г., 29 янв. и 30 дек. 1824 г. и 14 февраля 1825 г. (приложение к особому журналу комитета министров—книга № 368.

ректорский комитет задумал использовать рекрутчину, чтобы склонить евреев к производительному труду и к просвещению—он предложил: брать на службу преимущественно тех, кто не прошел курса уездных школ, и освобождать от нее занимающихся земледелием или мастерством на фабриках и заводах. Вместе с тем он желал дозволить еврейским обществам сдавать рекрут вместо уплаты подати, оценивая взрослого рекрута в тысячу рублей, а малолетнего—в пятьсот рублей. Но это не было принято комитетом из четырех министров, который пророчески заметил, что такое право „может иметь последствием злоупотребления и притеснения в особенности бедным евреям", и, вообще, предложение было отвергнуто, как позже выразился Канкрин — „по признанному неприличию брать людьми за деньги" [34]).

Таким образом, военная служба рассматривалась в отношении евреев не как обычная государственная повинность, но как экономическая и своего рода исправительная мера, как средство задержать прирост еврейского населения, при чем достаточно откровенно высказывалась надежда, что часть рекрут в силу каких-то обстоятельств перейдет во время службы в христианство.

Вопрос о рекрутской повинности обсуждался директорским комитетом в связи с разработкой нового общего законодательства о евреях, благодаря чему дело подвигалось медленно. Но возможно, что помимо бюрократической волокиты тут действовали и старания кагалов, которые, конечно, стремились предотвратить или, по меньшей мере, отсрочить грозившую опасность: если тяжкая 25-тилетняя служба того времени смертельно пугала христианское население, то тем более устрашающей она являлась для евреев: им предстояло очутиться в крайне враждебной среде, испытывать унижения и страдания, а вместе с тем— что особенно ужасало тогдашних евреев—нарушать религиозные предписания (субботний отдых, законы о пище).

в конце ее; оригинал в архиве комитета министров, книга № 356—журналы за январь 1824 г.; копии: архив гос. совета, департ. законов, 1835 г., № 11; общая канцелярия министра финансов, I отд., 1825 г., № 43 „Переселение евреев в города и местности").— Это постановление обычно называется „высочайше утвержд. положением комитета министров 14 февраля 1825 г.".

Ср. Второе собр. законов, № 52—предложение образовать особые военно-рабочие команды из евреев.

[34]) „Выписка из правил, предварительно принятых евр. комитетом о обращении евреев в военную службу" (архив общей канцелярии министра финансов, II отд., 1823 г. № 23/193 ч. 4; архив собств. его вел. канцелярии, № 1319). Эти правила были выработаны в сентябре и ноябре 1825 г. (т. е. при Александре I) и в начале января 1826 г. См. замечания комитета из четырех министров на § 555 „директорского" законопроекта (архив госуд. совета, департ. законов, 1835, дело № 11). Заявление Канкрина—архив общей канцелярии мин. финансов, 1 отд. 1 ст., 1838 г., дело № 8 „По предложению могил. губернатора об уменьшении податей с евреев и т. д.".

Указанная медлительность раздражала Николая, и однажды, горя нетерпением покончить с вопросом о военной службе, он повелел директорскому комитету разрешить его в кратчайший срок, минуя обычные инстанции. Это распоряжение побудило, как видно, кагалы напречь свою закулисную работу, чтобы задержать ход дела. И, как кажется, им удалось склонить кое кого из чиновников на свою сторону. Когда в апреле 1827 г. статс-секретарь Муравьев запросил, какое движение дано высоч. повелению и когда оно поступило в директорский комитет, министр внутренних дел послал государю доклад в свое оправдание. Но доклад не дошел по назначению. Сохранилась записка на французском языке о том, что доклада не оказалось у государя, или, по меньшей мере, он не нашел его у себя, однако „во всем этом деле нет никакой задней мысли" (derriere pensée). Этот таинственный эпизод с несомненностью свидетельствует, что дело о рекрутской повинности евреев встречало на своем пути неожиданные препятствия и вряд ли они происходили без участия кагала [35]).

Потребовав безотлагательного рассмотрения вопроса о рекрутчине, Николай вместе с тем велел директорскому комитету ответить на вопрос: не следует ли брать рекрут взамен денежного сбора, зачисляя вместо одного взрослого рекрута двух мальчиков не моложе 12 лет для сдачи их в кантонисты, т. е. для закрепощения их военному ведомству, подобно тому, как поступали с солдатскими детьми. Комитет, отнюдь не расположенный к евреям, был все же поражен этим проектом, и он добился значительного смягчения: еврейским обществам было предоставлено по своему усмотрению сдавать вместо одного взрослого одного малолетнего [36]).

Правила о службе евреев были изданы в 1827 г. в виде отдельного закона [37]). И тогда же евреев стали зачислять в войска, при чем

---

[35]) Архив мин. вн. дел, департ. полиции исполн. 1827 г., дело № 349, стр. 62 и сл. Шли слухи оп одкупе евреями двух сановников—Мордвинова и Новосильцева („Евр. Старина", 1909 г., т. II, стр. 256—65; записка чиновника Ципринуса, напеч. в „Русском Архиве" за 1872 г., стр. 1751—57, и мемуары Аристова, напеч. в „Историч. Вестнике", 1882 г., № 1, стр. 245—47). Но Мордвинов высказался в 1823 г. в комитете министров за привлечение евреев к службе, в разрешении же вопроса он не мог участвовать, потому что таковой не рассматривался в гос. совете. Новосильцев представил об'яснения, клонившиеся к пересмотру проекта о рекрутчине евреев, но Николай, не дождавшись его доклада, приказал ввести рекрутчину. Ср.: собств. его вел. канцелярия (при архиве сената), 1826 г., дело № 1319 „О подвержении евреев рекрутской повинности и военной службе". Указания Новосильцева были позже использованы в виде дополнительных правил.

[36]) Департ. полиции исполн., 1827 г., дело № 349, ч. II, № 5, стр. 42.—Ср. мемории комитета за февраль (§ 14), июнь, сентябрь 1826 г. (департ. полиции исп., 1827 г., № 624; общая канцелярия мин. финансов, отд. II, 1823 г., дело № 23, прибавление).

[37]) Второе собр. законов, № 1330 (ср. §§ 33, 52, 53; 6 и 34).

пользовались каждой возможностью, чтобы увеличить число рекрут; напр., хотя в местностях, находящихся в расстоянии ста верст от границы, натуральная повиность была вообще заменена по государственным соображениям денежным сбором, для евреев была сохранена натуральная повинность [38]).

Едва евреи стали вступать в ряды войск, тотчас закипела миссионерская деятельность. Появились законы, в силу которых евреи, оставшиеся в своей вере, не могли считать себя равными с евреями, принявшими христианство. Так, „рядовые, поступившие на службу из евреев и *остающиеся в сем вероисповедании*", могли быть производимы в унтер-офицеры только за военные отличия; позже было установлено что „рядовых из евреев, *не принявших христианскую веру*", отличившихся в сражениях, можно производить в унтер-офицеры лишь с особого в каждом отдельном случае высочайшего разрешения [39]).

Однако, не льготы, предоставляемые выкрестам, побуждали евреев принимать христианство, а притеснения—физические и моральные. Кулачная проповедь христианства имела наибольший успех среди малолетних кантонистов, которых нередко причисляли к церкви, не спрашивая их согласия. Поэтому то издавались различные постановления с целью увеличить число кантонистов. Случалось, что право жительства в запретных местах покупалось ценою сдачи детей в кантонисты [40]). В воспоминаниях современников и тех, кто лично пережил мученичество, описываются пытки, которым ближайшее начальство подвергало детей, чтобы заставить их перейти в христианство. Усылаемые в отдаленнейшие края при самых тяжелых внешних условиях, кантонисты гибли массами в пути от болезней и истязаний со стороны конвойных, а на месте назначения детей ждали новые преследования [41]).

Знаменитый публицист А. И. Герцен, встретив (1835 г.) около Вятки партию евреев-кантонистов, с ужасом описывает в „Былое и Думы" то, что он узнал о них от этапного офицера, и то, что сам видел Сперва детей погнали в Пермь, но потом направили в Казань. До Вятки

[38]) Там же, №№ 2175, 3297 (см. также: Канцелярия его велич., № 1319, „О подвержении евреев рекр. пов." стр. 273—75, 467), 3987 и 4181, 10308. Ср. Материалы об'ед. двор. общ., ч. I, стр. 30—31.

[39]) Второе собр. законов, №№ 5428, 24493.

[40]) Там же, №№ 10242, 16823 и др.

[41]) В. Никитин, Век пережить—не поле перейти („Еврейская Библиотека", т. 4; отдельно, 1876 г.); его же: Многострадальные (1872 и 1896 гг.); Багров, Пойманник („Евр. Библиотека" т. 4); Х. Коробков, Евр. рекрутчина в царствов. Николая I („Евр. Старина", 1913 г.; стр. 70 и сл., 233 и сл.); Шпигель, Из записок кантонистов (там же, 1911 г., вып. II); С. Бейлин, Из рассказов о кантонистах (там же, 1909 г., вып. III); С. Станиславский, К истории кантонистов (там же, 1909 г., вып. IV); Ицкович, Воспоминания архангельского кантониста (там же, 1912 г., вып. I); Меримзон, Рассказ старого солдата (там же, 1912 г., стр. 290 и сл., 406 и сл.).

одна треть детей успела погибнуть, а из оставшихся, по мнению этапного офицера, могла дойти до назначения лишь половина. „Привели малюток,—рассказывает Герцен,—и поставили в правильный фронт. Это было одно из ужасных зрелищ, которые я видел. Бедные, бедные дети. Мальчики двенадцати, тринадцати лет еще кое-как держались, но малютки восьми, десяти лет... Ни одна черная кисть не вызовет такого ужаса на холсте. Бледные, изнуренные, с испуганным видом стояли они в неловких толстых солдатских шинелях со стоячим воротником, обращая какой то беспомощный жалостный взгляд на гарнизонных солдат, грубо равняющих их; белые губы, синие круги под глазами показывали лихорадку или озноб. И эти бедные дети, без ухода, без ласки, обдуваемые ветром, который беспрепятственно дует с Ледовитого океана, шли в могилу. Я взял офицера за руку и сказав: „Побеpегите их“, бросился в коляску; мне хотелось рыдать; я чувствовал, что не удержусь“.

Глава третья.

Безуспешные попытки выселить из сел и деревень.—Запреты в ряде городов черты оседлости (Вильне, Киеве, Ковне и др.).—Пограничная полоса.—Курляндская губерния.—Борьба по вопросу о постоянном проживании вне черты оседлости. — „Историческая традиция".—Кратковременное пребывание во внутренних губерниях.—Московское гетто.—Ограничения в избирательном праве.—Стеснения в занятиях.

Неудача, постигшая попытку выселить евреев из деревень по Белорусским губерниям [1]), была приписана случайным обстоятельствам, а потому эта мера и в дальнейшем казалась простейшим способом прекратить экономические неурядицы в западных губерниях. Наиболее настойчивым поборником ее являлся Николай I. Не дожидаясь, пока вопрос о пребывании евреев в селах будет разрешен комитетом из четырех министров, разрабатывавшим новое законодательство о евреях, он предложил цесаревичу Константину немедленно удалить сельских евреев по подведомственным ему губерниям, и только благодаря вмешательству Новосильцова, ближайшего сотрудника Константина, постановлено было (1827 г.) произвести опыт лишь по одной Гродненской губернии и при том на таких условиях, которые в некоторой мере гарантировали бы по возможности безболезненный переход выселенцев на новые места—предварительно специальный комитет должен был выяснить число переселяемых лиц, узнать, кто куда желает перейти и проч. [2]). Два года спустя состоялось высочайшее повеление распространить указанную меру также на Подольскую губернию, но Константин (отнюдь не благоволивший евреям) решил выждать результатов по Гродненской губернии. А затем Николай предоставил местным властям выселить евреев из деревень по Киевской губернии, впрочем, с тем, чтобы предварительно были собраны сведения о числе выселяемых и т. д. [3]).

---

[1]) См. т. I, стр. 204—208.

[2]) Указ 2 дек. 1827 г. (Вт. собр. законов № 1582). Журнал комитета министров 26 ноября 1827 г. (копия в архиве общей канцелярии мин. финансов, II отд. 1827 г., дело № 43). Архив мин. вн. дел, департ. полиции: 1831 г., дело № 799; 1832 г., № 375 (переселение евреев Гродненск. губ.).

[3]) Вт. собрание законов, № 3778 (1830 г.) Архив мин. вн. дел, департ. полиции: 1830 г., дело № 421; 1831 г., № 852 (оба о переводе из сел и деревень в Киевской губ.).

Принятие столь решительной меры без рассмотрения ее в законодательном порядке прельстило волынского и подольского генерал-губернатора, но его домогательство было отклонено на том основании, что по разрабатывавшемуся в то время законодательству предполагалось произвести выселение по *всем* губерниям [4]).

Между тем, по мере законодательного движения вопроса о пребывании евреев в уездах, все более выяснялось отрицательное отношение различных правительственных кругов к удалению их: взгляды, высказанные в 1812 г. комитетом Попова [5]),стали встречать все больше признание.

Сперва было предложено установить трехгодичный срок для выселения, но министерство внутренних дел запросило виленского, гродненского и белостокского генерал-губернатора кн. Долгорукова, нельзя ли осуществить эту меру в более короткий срок? На этот вопрос в решительной форме ответил гродненский губернатор Михаил Муравьев. Он поставил на вид, что прежде, чем изгнать евреев из уездов, „желательно бы разрешить во всей истине вопрос, от чего происходит нынешнее довольно бедственное положение крестьян в той стране, и производимое евреями истощение превышает ли прочие утесняющие причины, происходящие от самого управления помещиков?“ По его мнению, „доколе существовать будет вольная продажа вина в бесчисленном множестве шинков—в руках ли евреев или христиан, и доколе помещики не дойдут до той степени действительного просвещения, что увидят надобность пещись о благосостоянии их крестьян, дотоле самая лучшая почва земли, все способы промышленности и самое изгнание евреев не послужит к существенному улучшению состояния поселян“. А Долгоруков, крайне неблагоприятно, вообще, относившийся к евреям, указал, что обеднение крестьян в помещичьих, казенных и духовных имениях происходит „впрочем не столько от продажи вина евреями, сколько большей частью от вкрадывающихся притеснений, поелику не всегда можно предупредить некоторые излишние требования владельцев и арендаторов и нельзя вскоре искоренить злоупотребления, вкравшиеся искони по управлению некоторыми имениями“.

Канкрин прямо заявил, что удаление евреев из уездов „сопряжено с величайшими затруднениями и даже с жестокостью“; вывести в течение трех лет—мера слишком крутая, „по сему самому должно будет паки приостановить в исполнении“. Того же мнения, по словам Канкрина, были и другие члены министерского комитета, ко-

---

[4]) Вт. собран. законов, №№ 6348, 6554 (1833 г.). В связи с этим было приостановлено выселение по Киевской губернии.

[5]) См. т. I, стр. 166—167.

торые согласились на эту меру только потому, что полагали, будто правительство, раз утвердившись на ней, не допустит ее отмены.

Государственный совет не нашел иного решения, как то, которое было столь прямодушно дано комитетом Попова [6]),—протекшее с тех пор время только подтвердило, что легенда о еврее, как виновнике крестьянских бед, была рождена бессилием правительства улучшить положение крестьян, сохраняя их крепостную зависимость, почитавшуюся основой государственной жизни. Государственный совет предложил переселение, „как в исполнении весьма затруднительное, а в пользе недоказанное", исключить из законопроекта, и там, где оно назначено, но еще не осуществлено, отменить. Но Николай положил резолюцию: „Там, где мера сия начата, неудобно сего отменять; но оставить *до времени* в тех губерниях, где еще к сему приступлено не было" [7]).

Таким образом, по воле Николая мера выселения была сохранена, как орудие экономической борьбы с евреями. И это орудие было пущено в ход кое-где в ближайшие годы, хотя и не все подобные домогательства с мест удовлетворялись [8]). В 1845 г. евреям было запрещено проживание в корчмах, харчевнях и т. п., но оказалось, что в силу издавна сложившихся экономических условий это распоряжение не может быть выполнено. А между тем закон 1853 г. еще более затруднил пребывание в деревнях, запретив оставаться во владельческих имениях содержателям оброчных статей [9]).

Это было истолковано, как общее запрещение евреям жить в деревнях. Их стали выселять, и опять старый вопрос приобрел жгучий характер. Обнаружились затруднения при отдаче в содержание казенных оброчных статей, так как кроме евреев не было подходящих промышленников. Такие же затруднения возникли и в отношении почтовых станций, содержавшихся преимущественно евреями, что и побудило

---

[6]) Архив госуд. совета, журналы департ. законов (7 и 23 февр., 3 окт., 3 и 15 ноября, 11 и 20 дек. 1834 г.); там же, дело департ. законов, 1835 г. № 11 (ч. II, стр. 1255—1372; 1465 и след.).

[7]) Т. е. выселение продолжать в Могил. и Витебск. губ., а также по *казачьим и казенным* имениям Черниг. и Полт. губ.—См.: архив гос. совета, особая часть мемории общ. собрания гос. совета от 18, 21 и 28 марта 1835 г.; Материалы, изд. канцелярией и пр., стр. 17—19. Вт. собрание законов, № 8052. Госуд. совет проектировал предоставить жительство в Могил. губернии всюду кроме „селений *казенного ведомства, из коих евреи уже переселены*", но Николай зачеркнул подчеркнутые слова и этим запретил жить в могил. селениях вообще (архив гос. совета, 1835, дело № 11, ч. II, стр. 550).

[8]) Началось выселение из *помещичьих* имений Черниг. и Полтавск. губ.: Второе собр. законов, № 13305; архив госуд. совета, департ. законов, 1840 г., дело № 19. Архив Еврейского комитета, дело № 11 „Об удалении евреев из сел и деревень, в коих производится ими продажа вина" (отклонено ходатайство виленских дворян). Архив мин. вн. дел, департ. полиции, 1838 г., дело № 397—„О затруднениях при выселении".

[9]) Втор. собр. законов, №№ 27050а, 27322.

главноначальствующего над почтовым департаментом указать, что выселение приведет к тем же отрицательным результатам, как все прежние подобные попытки. С этим согласился государственный совет, подчеркнув, что иначе опять начнет проводиться то поголовное выселение, которое при всех усилиях никак не могло быть осуществлено. И закон 1853 г. был отменен [10]). Но мера выселения успела уже разорить множество евреев.

Евреи почитались призванными заниматься торговлей и промыслами в городах, а не в селениях. Однако, не все города были пред ними открыты для свободного проживания. Архаические польские привилегии, предоставлявшие городским обществам устанавливать в отношении жительства евреев ограничения, настолько противоречили русской государственности, что первоначально домогательства городов о восстановлении подобных актов в их прежней силе не удовлетворялись [11]). Впоследствие же наступило время, когда городским обществам удалось вдохнуть жизнь в истлевшие хартии.

Сперва этого добилась Вильна. Здесь на некоторых улицах евреям воспрещено было водворяться [12]). Но отдельные домовладельцы-христиане, находившие выгодным для себя сдавать квартиры в наем евреям, нарушали запрет, что вызывало протесты со стороны других. Поэтому Николай потребовал, чтобы вопрос был рассмотрен и разрешен в окончательной форме, и так как было признано, что старая привилегия ограждала запретные улицы от загрязнения их евреями, в личной жизни не чистоплотными, то она была подтверждена новыми законами [13]).

Силу древних привилегий испытали на себе в ту пору и киевские евреи, некогда счастливо избегнувшие ее. В угоду купечеству губернатор, находя существование в Киеве кагала и еврейского молитвенного дома не соответственным не только месту, где покоятся „мощи угодников“,

---

[10]) Вт. собр. законов, № 29902 (5 дек. 1855 г. утверждено Александром II); архив гос. совета, департ. экономии, 1855 г., дело № 322; архив мин. вн. дел, департ. полиции, 1853 г., дело № 224—„О выселении из сел и деревень“; архив Евр. комитета, дело № 11.—Ср. мою книгу „Закон и жизнь“, стр. 65—66.

[11]) См. т. I, стр. 90—91.

[12]) Там же, стр. 202.

[13]) 1836 г. Вт. собр. законов, № 9625 и 10908. Архив минист. вн. дел, департ. полиции исполнит., 1835 г., № 404 „О предупреждении предлогов к жительству евреев в Вильне на запретных улицах“; департ. хозяйств., 2 стол, 1833 г. № 529 (папка № 590) „Дело по жалобе поверенного Вильны и т. д.“; архив сената, I отд. 5 департ., 1838 г., № 165 „О воспрещении евреям жительствовать в некоторых улицах Вильны“.—См. Ю. Гессен, Исторические заметки („Евр. Мир“, 1910 г. № 11 и 13). См. также статью о Вильне в „Евр. Энциклопедии“, т. V.

но и привилегии города, возбудил вопрос об удалении всех евреев. Министр внутренних дел поддержал его, говоря: польские привилегии, подтвержденные русскими государями, достаточно ясны, чтобы граждане были вправе добиваться удаления евреев; нет сомнения, что наряду с подобными привилегиями имеются русские указы, разрешавшие евреям проживать в Киеве; но все же для удовлетворения „справедливых исканий" христиан следует удалить евреев в короткий срок. А генерал-губернатор высказался за изгнание их не только потому, что неприлично оставлять евреев в местах, „где сохраняются нетленные остатки православных угодников божиих", что евреи к общему соблазну производят торги и сделки в стенах Печерских монастырей, но и потому, что они захватили на Печерске все торговые заведения, парализуют промышленность христиан, „вытесняют их из круга торговли".

Эти слова генерал-губернатора вскрывают перед нами житейскую сущность похода против евреев—не „мощи", а материальные интересы побуждали горожан хлопотать об удалении евреев. И вот, последовало запрещение (1827 г.) евреям жить оседло в Киеве—лишь некоторые категории могли приезжать на определенное время (купцы и др.). Те же, которых новый закон застал в городе, подлежали высылке [14]). Как всегда в таких случаях, правительству пришлось несколько раз откладывать срок, назначенный для выселения. Когда же крайний срок истек, и евреи стали просить о разрешении им поселиться „особым форштатом" на левом берегу Лыбеди, за них заступился киевский военный губернатор Левашев. Он указал на то, что мера выселения евреев должна быть согласована „с правилами веротерпимости, человеколюбия и общего народного благоденствия", дабы „препятствуя развитию промышленности одного класса жителей, не благоприятствовать злоупотреблениям другого". Дело в том, что, по его словам, коммерческая оборотливость киевских евреев, умеренность и простота их жизни дает им возможность довольствоваться в своей торгово-промышленной деятельности меньшим барышем, чем тот, которого требуют христиане, и это побуждает „публику в покупках и заказах обращаться преимущественно" к евреям, и нет сомнения, что с удалением последних из города все те товары и изделия, в продаже и изготовлении которых они участвуют, вздорожают, а тех предметов обихода, изготовлением которых занимаются одни евреи, вовсе не будет, а ведь „нельзя не предпочесть пользы жителей личным выгодам, ожидаемым христианским купечеством от удаления евреев".

Комитет из четырех министров предложил удовлетворить просьбу евреев об отводе особого участка для их жительства и дать им от-

[14]) Вт. собр. законов, № 1583. Архив мин. вн. дел, департ. полиции, 1827 год, дело № 340 „По жалобе киевского еврейского общества и т. д."

срочку для ликвидации дел в городе. Однако, Николай согласился лишь на отсрочку, „но отнюдь под Киевом не селиться"—гласила его резолюция [15]). И она решила судьбу киевских евреев. При рассмотрении в Государственном совете нового Положения о евреях (изданного в 1835 г.), заключавшего в себе означенный запрет, Левашев вновь выступил на защиту евреев, указывая, что христиане добиваются не восстановления старинных привилегий, а только устранения конкурентов, и 14 членов госуд. совета [16]), несмотря на резолюцию Николая, имели мужество присоединиться к Левашеву, но остальные 15 членов отказались даже рассмотреть возбужденный вопрос, как уже решенный царем. Благодаря этому запрет был санкционирован новым законом [17]).

Впрочем, несколько лет спуст, когда вред, причиненный Киеву удалением евреев, стал очевидным, некоторым категориям евреев было разрешено срочное пребывание в городе с тем, чтобы они обязательно жили в особо назначенных для них подворьях [18]).

Подобная легкая возможность избавиться от конкурентов путем изгнания их была слишком заманчива, чтобы и другие города, имевшие когда-то соответствующие польские привилегии, не попытались воспользоваться ими.

В Каменце-Подольском был поднят вопрос (1827 г.) о полном удалении евреев, но так как местные польские привилегии были отменены Павлом I, то губернатор предложил перевести евреев из части, составлявшей собственно город, в другую, пустопорожнюю, с тем, чтобы они могли появляться в запретных улицах лишь днем „без ночлега". Но тут вновь выступил Левашев. Он готов был бы согласиться на стеснения для евреев, если бы в этом была действительная надобность, но ведь места хватает для всех; к тому же, если бы христиане хотели трудиться, то они вытеснили бы евреев без всяких принудительных мер. И дело ограничилось тем, что евреям запретили строить для себя

---

[15]) Вт. собр. законов, №№ 3609 (1830 г.), 4332 (1831 г.), 6418 (1833 г.).—Журнал 15-го заседания комитета из министров (архив канцелярии министра финансов, отд. I, стол I, 1833 г., дело № 8). См.: Изгнание евреев из Киева по официальной переписке 1828—31 г.г. („Евр. Старина", 1914 г., стр. 465—486).

[16]) В том числе такие видные государственные деятели, как Сперанский, адмирал Грейг, Киселев, Новосильцев.

[17]) Архив госуд. совета, журналы департамента законов и общего собрания; дело департ. законов, 1835 г. № 11. См. Материалы, изд. канцелярией об'ед. дворянских обществ, ч. I, стр. 34—36. Архив мин. вн. дел, департ. полиции, 1836 г., дело № 269 „Правила пребывания евреев и о выселении".

[18]) Вт. собр. законов, №№ 17355 (1843 г.), 18123 (1844 г.) И. Даревский, К истории евреев в Киеве (1907 г.). Ю. Гессен, Многострадальная община („Евр. Мир", 1910 г., № 22).

дома на старых местах—для этого были назначены более отдаленные участки [19]).

В Ковне, также утратившей свои былые привилегии, 14 христиан возбудили просьбу о полном удалении евреев, но в результате были введены (1846 г.) лишь ограничения как для вновь поселявшихся евреев, которым было предоставлено строиться только в предместьи, так и для давно осевших. А в Житомире нельзя было жить в некоторых кварталах (1854 г.), „как составлявших лучшую и главную часть города"; евреи, владевшие в этих кварталах домами, лишились права там жить, они могли сдавать их в наем только христианам и опять-таки для отдачи в наем христианам—евреям дозволялось строить и покупать новые дома [20]).

С бо́льшим успехом воспользовались старинными привилегиями в целях экономической борьбы с евреями *караимы* гор. Трок. Еще в 1809 году местные караимы, опираясь на привилегии польских королей, потребовали удаления евреев из города — этим путем они не только избавились бы от конкурентов, но еще скупили бы по дешевой цене дома изгнанников. Главный суд отверг домогательство караимов. Они продолжали добиваться своей цели, и вот, в 1835 году, в угоду 174 караимам, из города должны были удалиться все проживавшие там 192 еврея [21]).

В указанных случаях репрессивные меры вызывались стремлением охранить материальные интересы христиан. Но бывали и другие мотивы. Николай I нашел пребывание евреев в портах Николаеве и Севастополе „неудобным и вредным" — очевидно с точки зрения „государственной безопасности", и хотя севастопольский и николаевский военный губернатор адмирал Грейг пытался воспротивиться удалению оттуда евреев, указывая, между прочим, что Николаев (насчитывавший 1115 евреев, кроме женщин) останется без ремесленников, что местным

---

[19]) Втор. собр. законов, №№ 5950 (1833 г.), 7282 (1834 г.). Архив мин. вн. дел департ. полиции исполн., 1832 г., дело № 376 „Касательно воспрещения евреям иметь жительство в К.-Подольске".

[20]) О Ковне—см.: Вт. собр. законов № 20693; архив мин. вн. дел, департамент общих дел, 1843 г., № 263 „Оставление евреев в Ковне"; департ. полиции исп., 1843 г. № 381 „Об удалении евреев из Ковны". О Житомире—см. Вт. собр. законов, № 28079.

[21]) Вт. собр. законов, №№ 3136, 7733 (1835 г.). См. Ю. Гессен, Борьба караимов г. Трок с евреями („Евр. Старина", 1910 г., т. II, стр. 569—579). Очерк написан на основании следующих материалов: архив сената, всеподд. доклады общ. собрания первых трех департ.; архив гос. совета, деп. законов, 1834 г., дело № 87 „О правах евреев-караимов на исключительное от раббанитов жительство в Троках". — См. также архив мин. вн. дел, деп. полиции исп., 1837 г., № 160 „О подтверждении прав евреев-караимов и т. д.".

обывателям, число коих уменьшится, будет весьма трудно нести на себе городские повинности,—все же проживание евреев в этих городах было стеснено [22]).

По словесному распоряжению Николая евреев лишили (1837 г.) права поселяться в Ялте, и хотя этот запрет не был зафиксирован в своде законов, он строго соблюдался.

Особый мир в отношении жительства евреев представляла собою 50-ти верстная полоса вдоль западной границы, где в целях пресечения контрабандных промыслов дозволено было жить вне городов и местечек только собственникам домов, мельниц и корчем [23]). Когда это правило было распространено (1839 г.) и на Бессарабскую губернию, евреи, подлежавшие выселению, стали просить о дозволении им водвориться во вновь устроенном гор. Кагуле; генерал-губернатор заявил, что это принесет пользу юному городу, в котором еще не было ни одного торговца, и что положение города устраняет возможность контрабандных промыслов. Но Николай положил резолюцию: „Никак не согласен, и впредь во вновь открываемых городах и местечках в полосе 100 верст вдоль по границам не позволять селиться евреям“ [24]).— В 1843 г. было велено выселить *всех* без из'ятия евреев из пограничной полосы, „предоставя—гласила резолюция Николая—имеющим собственные дома продать их в двух-годичный срок, и исполнить *без всяких отговорок*“. Как ни решителен был этот приказ, правительству удалось склонить царя на смягчение условий выселения. Однако сила повеления, заключавшаяся в удалении евреев не только из селений, но также из городов и местечек, была сохранена, и эта мера явилась крайне бедственной, так как она коснулась многочисленного населения, обладавшего к тому же недвижимой собственностью. Впрочем, часть населения все же осталась на своих местах, потому что ей некуда было итти, и администрации приходилось мириться с таким открытым нарушением закона [25]).

На особом положении находилась Курляндская губерния. Здесь могли жить только местные уроженцы; с другой стороны, евреи из Курляндии, уезжавшие оттуда, или местные еврейки, вышедшие замуж

---

[22]) Вт. собр. законов, №№ 3286 (1829 г.), 3703 (1830 г.), 5484 (1832 г.), 15713 (1842 г.).—Архив мин. вн. дел, департ. полиции исп., 1829 г., дело № 592 „О воспрещении евреям проживать в Николаеве и Севастополе“; 1853 г., № 1746 „О правилах приезда в Николаев“.

[23]) См. т. I, стр. 202—203.

[24]) Вт. собр. законов, №№ 12201, 13003. Архив мин. вн. дел, департ. полиции исп., 1838 г., дело № 665 „Об удалении на 50 верст от границ в Бессар. обл.“; 1839 г., дело № 529, „По рапорту ген.-губернатора о дозволении евреям жить в Кагуле“.

[25]) Вт. собр. законов, № 16767 и др.: ср. В. Леванда, Полный хронологич. сборник законов и положений, касающихся евреев (СПБ. 1874 г.).

за не курляндского еврея, утрачивали право вернуться на родину. Несмотря на это, численность еврейского населения возрастала, и в 1827 г. митавские христиане — купцы и ремесленники—возбудили просьбу об ограничении числа евреев в городе; в связи с этим власти первоначально задумали удалить из всего края всех тех евреев, которые переселились сюда из других губерний; затем этот широкий план был несколько сужен—решили удалить лишь тех, кто не был зарегистрирован последней переписью, но число их оказалось столь значительным, что пришлось сделать новую уступку.

Что касается Царства Польского, то для евреев, живших в Империи, оно являлось иностранным государством; русские евреи, наравне с заграничными, уплачивали при в'езде в Царство Польское для временного пребывания специальный сбор, „гелейт-цолль", установленный еще при прусском господстве и просуществовавший до 1850 г. С другой стороны, евреи из Царства Польского, подобно иностранным евреям, не могли поселяться в губерниях черты оседлости [26]).

Сколь ни были разнообразны стеснения в праве передвижения и жительства евреев в губерниях черты оседлости и сколь упорно ни добивались отдельные группы христианского населения и административные лица усиления ограничительных постановлений, общее мнение было таково, что пятнадцать губерний черты оседлости [27]) самой историей обречены служить местом пребывания евреев; с другой же стороны, считалось непреложным, что остальные губернии, так назыв. „внутренние" или „великороссийские", должны быть всемерно охраняемы от их вторжения.

Когда белорусский генерал-губернатор Хованский предложил изгнать из подведомственных ему губерний всех евреев (это было бы одним из средств, по его словам, поднять благосостояние края), предоставив им устроиться в других губерниях черты оседлости, в Петер-

---

[26]) *О Курляндии*—см. Вт. собр. законов, №№ 2884 (1829 г.), 4591 (1831 г.); о жительстве в Лифляндии — № 15126 (1841 г.). О Царстве Польском—Вт. собр. законов, № 2558 (1828 г.); *Ю. Гессен*, Гелейт-цолль („Евр. Старина", 1910 года, стр. 81—83)—эта заметка написана на основании след. источника (помимо тех, кои в ней указаны): архив мин. вн. дел, деп. полиции исп., 1831 г. № 808 „По просьбе евреев, чтобы пошлина Гелейт-цолль не была распространяема на евреев Российских подданных".

[27]) Бессарабская, Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Екатеринославская, Киевская, Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская, Полтавская, Таврическая, Херсонская и Черниговская (десять губерний Царства Польского и Курляндия, как мы видели, составляли в то время особую „черту оседлости").

бурге отвергли этот проект, так как если бы даже выселение многотысячной массы и оказалось осуществимым, то выселенцы чрезмерно умножили бы и без того многочисленное еврейское население на новых местах, причем разоренные при выселении легли бы тяжким бременем на прочих обывателей [28]). Но при этом никто не задумался над тем, что в западных губерниях большая часть евреев, занятых преимущественно торгово-промышленной деятельностью, не находила заработков и, не имея возможности выйти за пределы черты оседлости, невольно парализовала экономическое развитие края, вследствие чего для предотвращения в дальнейшем гибельного состояния западных губерний необходимо было принять меры к уменьшению там числа евреев, т. е. смягчить, если не отменить ограничительное законодательство, препятствовавшее евреям покинуть свои голодные места и найти источники пропитания вне черты оседлости.

„Русские" губернии должны быть свободны от евреев—такова была своего рода „традиция", будто бы исторически унаследованная от минувших веков.

Вообще только фабриканты, купцы и ремесленники—если искусство последних представлялось необходимым для общественной пользы—могли при соблюдении определенных стеснительных условий переступать за черту оседлости *для кратковременного пребывания* во внутренних губерниях. Сравнительно более длительное пребывание вне черты считалось столь важным делом, что о каждом случае, когда приходилось разрешить еврею оставаться долее десяти месяцев, доводилось до сведения комитета министров [29]).

Однако экономические интересы нередко побуждали местную власть смотреть сквозь пальцы на нарушение евреями запретов. Вообще же конфликт между государственным значением торгово-промышленной деятельности евреев, с одной стороны, и ограничительным законодательством о жительстве и передвижении, с другой, постепенно столь ясно обрисовался, что он стал служить предметом острых споров в правительственных кругах.

Вопрос о дозволении хотя бы небольшой части еврейского населения покидать черту оседлости для *постоянного* проживания по всей территории государства был впервые поднят при разработке Положения о евреях 1835 года, причем имелась в виду лишь малочисленная группа купцов, пробывших известное число лет в первой гильдии. Но и при этом условии возбужденному вопросу была придана исключитель-

[28]) Журнал комитета из четырех министров от 5 июля 1833 г. (XV заседание)—общая канцелярия мин. финансов, отд. I, стол I, 1833 г., дело № 8.

[29]) Вт. собр. законов, №№ 1115 (1827 г.), 5282 (1832 г.) 8054 (Положение о евреях 1835), §§ 7, 8, 51 и др.

ная важность, так как речь шла о том, какой *принцип* должен лежать в основе отношений правительства и русского общества к евреям [30]).

Указав на то, что евреи-купцы несут значительные денежные повинности, что материальная обеспеченность дает им возможность получать хорошее образование, что число русских оптовых торговцев еще не велико,—департамент законов Государственного совета предложил даровать право постоянного жительства вне черты купцам, пробывшим три года в гильдии.

Но в общем собрании Государственного совета это постановление вызвало резкую оппозицию. Группа из 22 человек заявила: „Евреи многократно домогались дозволения селиться в великороссийских губерниях, но от времен императора Петра Великого доныне правительство постоянно отклоняло покушение их к сему, предвидя важные в том неудобства. Если дозволить жительство в России и одним купцам 1-ой гильдии, то, быв поддерживаемы обширными связями и духом единомыслия с своими единоверцами в западных губерниях, не имея нужд и потребностей, свойственных классу образованнейшего купечества, и *довольствуясь вообще в домашнем быту своем весьма малым*,—купцы сии могут легче всякого другого делать подрыв торговым предприятиям прочих, одинакового с ними звания, людей".

Помимо этого старого соображения о защите выгод „коренного" торгово-промышленного класса (хотя бы и не соответствовавших интересам местного населения), были высказаны и другие. А именно: только при наличии известных нравственных качеств и определенного уровня образования евреи могли бы быть допущены к водворению во внутренних губерниях, но и это „произвело бы весьма неприятное впечатление в нашем народе, который—и по понятиям веры, и по общему мнению о нравственных свойствах евреев — вообще привык чуждаться и презирать их"; пример Зап. Европы не может быть принят во внимание, так как „правительство и народ наш, при всей известной веротерпимости, весьма однако же далеки от того равнодушия, с коим некоторые другие нации смотрят на предметы веры".

Против такого решения вопроса выступила группа из 13 членов Госуд. совета, ставшая исключительно на экономическую почву. Она заявила, что евреи могут принести значительную пользу своей торгово-промышленной деятельностью и что конкуренцию нельзя предотвращать запрещением кому нибудь жить и торговать. И эту точку зрения особенно энергично поддержал адмирал Грейг, указав, что надо поставить ребром следующий вопрос: Могут ли евреи быть терпимы в государстве? Если признать, что евреев нельзя терпеть, тогда надо

[30]) Канкрин заметил, что право повсеместного жительства евреи могут приобретать путем крещения, но такое разрешение вопроса не встретило поддержки.

изгнать их всех, и такая мера, как бы трудно ни было ее осуществление, будет более полезной, чем оставить „сие сословие внутри государства в таком положении, которое возбуждало бы в них беспрерывно неудовольствие и ропот". А если приходится терпеть их присутствие в стране, тогда надо освободить их от правовых ограничений.

Конечно, решающий голос принадлежал Николаю. И так как в основе его отношения к еврейскому народу лежала узко-религиозная, можно даже сказать — фанатическая, точка зрения, то он не остановился на доводах экономического характера, которыми оперировали обе группы; его внимание привлекли к себе те слова, которые касались религиозного чувства русского правительства и народа.

В представленной ему „мемории" Государственного совета против строк, говоривших о том, что в России нет того равнодушия, с которым другие народы относятся к вере, государь отметил „Слава богу",— и положенная им резолюция, гласившая: „Вопрос сей разрешен Петром Великим; я его не осмеливаюсь переменять; совершенно разделяю мнение 22-х членов" [31]), преградила купцам свободный выход из пределов черты оседлости.

Ссылка на Петра I как бы вводила разрешение вопроса в круг священных „традиций", перед которыми должны были исчезнуть умствования и новшества. Но в действительности ссылка на Петра не имела под собою ни малейшей почвы—не сохранилось никаких исторических данных, которые бы подтверждали, что Петр фактически сыграл туроль, которую ему приписывали.

В целях удовлетворения местных нужд Положение о евреях 1835 г., а затем и другие законы несколько облегчили условия для *временного* пребывания евреев за пределами черты оседлости [32]), а врачи с высшими учеными званиями могли постоянно жить там, где с высочайшего разрешения принимались на государственную службу. Между прочим, евреям разрешили приезжать в Харьков на время ярмарки, так как оборот ее в 1821 г. упал на девять миллионов рублей благодаря, преимущественно, тому, что евреев в тот год не допустили к торгу, в связи о чем русская мануфактура лишилась рынков в Бессарабии, Молдавии и Валахии [33]).

---

[31]) Архив госуд. совета, журналы департ. законов; особая часть мемории общего собрания Госуд. совета 18, 21 и 28 марта 1835 года (выдержки напечатаны в Материалах, изд. канцелярией об'единенн. дворянск. обществ, ч. I). Ср. также мою заметку, в еженед. „Новом Восходе", 1910 г., № 25—„Эпизод из истории борьбы с чертой оседлости". Ср. поправки Николая в проекте Положения 1835 г.—архив госуд. совета, департ. законов, 1835 г., дело № 11, стр. 550.

[32]) Вт. собр. зак., № 8054 (гл. III), 8565, 10826-а (прибавл. в XIII т.стр. 12), 22057.

[33]) Архив госуд. совета, деп. законов, 1835 г., дело № 11, ч. II, стр. 1391—95.— Материалы об'единенн. дворянск. обществ, ч. I, стр. 10—11.

Но эти послабления в очень малой степени соответствовали жизненным требованиям как еврейского общества, так и населения внутренних губерний. А потому евреи, при содействии заинтересованных христиан, нарушали ограничительные постановления. И сами власти вынуждались делать отступления от законов, причем в этих случаях вновь устанавливались некоторые стеснительные правила, дабы льгота не могла быть слишком широко использована [34]). Так, в 1826 г. московская торговая депутация заявила, что евреи, вопреки существующим узаконениям, торгуют в Москве без деловых сношений с московскими купцами, а это для последних убыточно, и потому следует запретить евреям даже временное пребывание в Москве. Это всполошило московских фабрикантов, заинтересованных в приезде евреев, покупавших у них товары, и в результате, купцы и фабриканты сообща выработали правила для временного проживания евреев, при чем последним разрешалось покупать товары лишь в двух особо назначенных местах. Эти правила не были утверждены высшей властью, но вскоре генерал-губернатор заставил всех приезжающих евреев жить в Глебовском подворье, где они, по обыкновению, раньше добровольно останавливались, и таким образом в Москве—как в Киеве—было учреждено средневековое „гетто“ [35]).

Сам Николай внимательно следил за тем, чтобы черта оседлости не нарушалась. Когда шеф жандармов донес, что в Псковской губернии сыновья двух помещиков с дворовым человеком и тремя крестьянами ограбили троих невельских евреев, разъезжавших по уезду с мелочным товаром, Николай обратил внимание не на то, что помещичьи сыновья занялись грабежом, а на то, что евреи оказались за пределами черты оседлости [36]).

Однако нужда заставляла евреев переступать черту оседлости, а христиан—принимать их у себя. Дело дошло до того, что пришлось, напр., установить штрафы с помещиков Великороссийских губерний за проживательство у них евреев [36-а]).

---

[34]) Подробности см.: Юл. Гессен, Закон и жизнь (СПБ. 1911 г.).

[35]) Юл. Гессен, Московское гетто (сборник „Пережитое“, I—очерк составлен на основании дела архива минист. вн. дел, департ. полиции исполн., 1848 г., № 1224 „Об учреждении в Москве еврейского подворья“). См. также архив Еврейского комитета, 1850 г., дело № 37 „Об особых постоялых дворах для евреев в Киеве и Москве“; архив госуд. совета, департ. законов, 1835 г., дело № 11, ч. II, стр. 1373—1390. П. Марек, К истории евреев в Москве („Восход“, 1893 г.). История московского купеч. общества, т. II, вып. I, стр. 160—170 (о проживании евреев в 1822—27 гг.).

[36]) Третье отд. собственн. его велич. канцелярии, IV экспед., 1827 г., дело № 144, стр. 162.

[36-а]) Вт. собр. законов № 13478. Архив сената, дела мин. юстиции, 1839 г., дело № 123.

Ограничения, существовавшие в отношении избрания евреев на должности в органах сословно-городского общественного самоуправления, не носили систематического характера,—в отдельных местностях существовали различные стеснения [37]). Да и самый вопрос о дозволении евреям занимать общественные должности вызывал разногласия в бюрократическом мире. Так, в 1829 году зашла речь о прекращении избрания их в члены магистратов по Минской губернии, оставив их только в хозяйственных учреждениях (т. е. в городских комиссиях и думах); а несколько позже возникло намерение распространить такое ограничение на некоторые другие губернии [38]); далее, в 1839 г., в виду сообщения могилевского архиепископа, будто пребывание (с 1838 г.) еврея на должности городского головы в гор. Белице служит „важным препятствием" к обращению раскольников в православную церковь, был поднят общий вопрос о том, что в городских выборных учреждениях преимущество всегда должно быть на стороне христиан [39]). С другой же стороны, губернатор Гродненской губернии, т. е. той, в пределах которой (как и по всей Литве) евреи были совершенно лишены избирательных прав, предложил в 30-х годах допустить евреев, подобно тому, как это было в других губерниях, к занятию должностей в магистратах [40]). Но вскоре вопрос был разрешен по средней линии.

Директорский комитет, разрабатывая новое законодательство о евреях, решительно высказался за то, чтобы они были лишены избирательных прав [41]), но Положение о евреях 1835 г., пройдя чрез комитет из четырех министров, неожиданно предоставило (§ 77) евреям занимать должности в думах, магистратах и ратушах *„на том же основании, как избираются на сии должности лица других исповеданий"*.

Думается, что это правило было включено в Положение неосторожно, без достаточных размышлений [42]),—ведь оно совершенно не гар-

---

[37]) См. т. I, стр. 199—201. Там, где евреи не заседали в магистратах и ратушах, они судились по своим делам и с иностранцами в городских и земских судах (департ. полиции исполн., 1807 г., дело № 311 „О выборах в магистраты Литовск. губ."; 1833 г., дело № 381 „О злоупотреблениях евреев по Минской губ., допущенных заседать в магистратах и ратушах").

[38]) Департ. полиции исполн., 1833 г., № 381.—Архив госуд. совета, деп. законов, 1829 г. № 11 („О прекращении выбора евреев в обществ. должности" и т. д.).

[39]) Департ. полиции исполн., 1839 г., дело № 516 „О доставлении сведений относительно избрания евреев в городские головы и проч".

[40]) Архив сената, 1-ый департ. „Об устройстве присутственных мест в возвращенных от Польши губерниях" (заседание 5/VI, 29/X, 26/XI 1834 г. и 28/I 1835 г.). См. мою книгу „Евреи в России", стр. 242 и след.

[41]) См. том I, стр. 201.

[42]) В записке по поводу этого проекта, составленной в канцелярии Канкрина, было предложено предоставить евреям избирательное право, согласно положению 1804 г., которое не упомянуло о существовавших тогда ограничениях при выборе на городские должности. См. т. I, стр. 86—89, 154—155.

монировало с действительностью: всюду господствовала тенденция к умалению, а не расширению прав евреев; предположить же, что министерский комитет решил в корне изменить старый порядок и широко раскрыть пред евреями двери сословно-городских учреждений, никак нельзя, судя по его деятельности, проникнутой отрицательным отношением к евреям. И надо полагать, что местные власти, поняв беспочвенность нового закона, продолжали держаться давних ограничительных установлений, а еврейское население вряд ли протестовало против этого.

Но на Литве, где, как было уже указано, евреи вовсе не участвовали в сословно-городском самоуправлении, закон 1835 г., которым, как могло казаться, местные старые порядки фактически отменялись, вызвал движение в обществе и в административных кругах. Литовский генерал-губернатор Долгоруков, управлявший также Минской и Белостокской губерниями, заявил, что по мнению губернаторов евреев нельзя допустить к занятию должности бургомистров и городских голов — ведь бургомистр „есть в судилище председатель", а голова обязан в день открытия выборов вести обывателей в церковь; даже избрание евреев в члены магистратов и ратуш „некоторым образом не соответствует приличию и святости судилищ, в коих нередко при зерцале и кресте совершаются присяги, а равно требуются судьи из людей, за честность и беспорочность которых ручалась бы, по крайней мере, нравственность, внушаемая им воспитанием и правилами религии;в особенности же не соответственно предоставить евреям право голоса по делам, собственно между лицами христианского вероисповедания"...

Приведенные мотивы свидетельствуют, что местная администрация действовала по указке руководящих кругов польского общества—такие же мотивы мы слышали за тридцать лет назад из уст городских заправил [43]). И действительно, в согласии с желанием христианского торгово-промышленного класса, Долгоруков предложил совершенно лишить евреев избирательного права или, в лучшем случае, предоставить это право с крайними ограничениями.

В ожидании ответа на свое предложение—Долгоруков не привел в действие закон 1835 года. Этим он проявил свою прозорливость. В 1836 году был разрешен (в течение нескольких лет рассматривавшийся) проект устройства присутственных мест в западных губерниях, и соответствующий указ [44]) предоставил евреям занимать всего лишь третью часть должностей в магистратах и ратушах, да и то за исключением Вильны и Киева, где они вовсе не должны были принимать участия

[43]) Ср. т. I, стр. 88—89, 200—201.—См. мою книгу „Евреи в России", стр. 246 и след. (использованы материалы из архива сената, I-ое общее собрание, 1839 г., № 37, 1843 г., № 53).

[44]) Вт. собрание законов, № 9226.

в сословно-городских учреждениях. А затем неудачная формулировка этого закона, не соответствовавшая первоначальной утвержденной редакции, дала возможность Долгорукову добиться раз'яснения, что на Литве евреи попрежнему нигде не могут пользоваться избирательным правом. Наконец, по инициативе того же Долгорукова, избирательные права евреев *во всех* западных губерниях были подвергнуты в 1839 г. новому ограничению, при чем эти урезанные права, вопреки его ожиданиям, были распространены и на Литву.

По закону 1839 г. евреи утратили должности бургомистров, городского головы, членов словесных судов, ратманов полиции и др. Они могли составлять не более одной трети числа членов в данном учреждении. Выборы представителей от еврейского общества и от христианского должны были впредь производиться отдельно.

Ограничения, установленные законом 1839 года, стали на практике, как это всегда бывало, еще более расширяться. Большое значение имело то обстоятельство, что в связи с отдельными выборами, производившимися евреями и христианами, евреи, в нарушение закона, были устранены от участия в выборе христиан на такие должности, которые были предоставлены одним христианам, и, таким образом, евреи были лишены возможности влиять на состав высших представителей городского самоуправления, что не могло не отразиться на отношении этих должностных лиц к еврейскому населению. Последнее часто облагалось несоразмерно городскими сборами и повинностями.

Следует отметить, что благодаря устранению евреев от некоторых должностей, случалось, что в местах, где христианское торгово-промышленное сословие было малочисленно, на должности сословно-городского самоуправления избирались христиане, не принадлежавшие к торгово-промышленному классу, совершенно неспособные исполнять возлагавшиеся на них обязанности. Любопытно, что в Быхове, где христиане составляли всего одну пятидесятую часть городского населения, никак нельзя было выбрать из христиан, кроме бургомистра, хотя бы еще одного ратмана, вследствие чего пришлось исходатайствовать высочайшее разрешение, чтобы в Быхове должности обоих ратманов, в виде исключения, были замещаемы евреями [45]).

Таким образом, участие евреев в органах городского и сословного управления было доведено до минимума, а между тем с 1844 г., когда был упразднен кагал, эти учреждения получили для евреев особое значение, так как по делам полицейским они были поставлены в непосредственную зависимость от городской или земской полиции, а по де-

---

[45]) Вт. собр. законов, №№ 12486, 18727. — Подробности см.—„Евреи в России", 250 и след.

лам о правах состояния, хозяйственным и податным—в зависимость от дум и ратуш или магистратов; напр., этим учреждениям было передано заведывание коробочным сбором, а также другими сборами и расходами еврейских общин; по делам же судным евреи должны были находиться опять-таки в ведении магистрата или ратуши.

Однако, даже столь убогое избирательное право раздражало христиан. Так, из Ковны изошло ходатайство о полном устранении евреев от участия в местном сословно-городском управлении, но это домогательство не было удовлетворено [46]).

Помимо тех общих стеснений в занятиях, которые вызывались ограничительными законами о жительстве и передвижении, стеснений, поражавших как торговцев, так и людей производительного труда, существовали еще особые запреты для ремесленников-евреев, долженствовавшие ограждать христиан от конкурентов.

Так, в 1831 г. уполноченный ткачей-евреев местечка Мир обратился с жалобой на высочайшее имя, в которой указывал, что „хозяева (евреи), числом человек 40 с семействами, с самого младенчества упражняются в м. Мире ткацким ремеслом, обзавелись хозяйством, построили домы и приличные заведения по сему ремеслу"; но местные ткачи-христиане, подстрекаемые католическими священниками, чинят им всякие препятствия и желают вообще лишить евреев права заниматься этим ремеслом; они добились у местного начальства утверждения старой привилегии князей Радзивиллов от 1696 года (!), согласно которой евреям запрещалось вступать в цех и заниматься ремеслом. Но протесты евреев ни к чему не привели: их просьба о дозволении им заниматься ткацким ремеслом была отклонена. — В 1838 г. группа евреев-часовщиков Митавы жаловалась на недопущение их к занятию ремеслом; в продолжение сорока лет они „в производстве часовых работ пользовались одинаковыми правами с христианами", но последние, воспользовавшись привилегией 1611 года, организовали особый цех часовщиков и этим лишили евреев возможности заниматься ремеслом,— „нам запрещают — писали жалобщики — даже взаимно обучать детей наших ремеслам", а ремесленники-христиане не берут евреев в учение. После длительной переписки сенат (1842 г.) запретил евреям-часовщикам принимать подмастерьев и учеников и имет вывески, „как скоро учредится на законном основании ... особый цех из часовщиков христиан"; им дозволили заниматься мастерством с теми только помощни-

---

[46]) Архив мин. вн. дел, 2-ое гор. отдел. хозяйственн. департамента, 1845 г., дело № 425 „О допущении евреев г. Ковны к городским должностям".

ками, которых они в то время у себя имели. Только в 1850 г. в Курляндии евреям-ремесленникам вновь разрешили принимать в учение еврейских детей. Старый запрет был признан неудобным, потому что „лишение детей евреев права обучаться ремеслам у своих единоверцев вело к тому, что они могли сделаться бесполезными и даже вредными членами общества"!

К каким методам борьбы прибегали порою конкуренты, видно из следующего. В 1844 г. группа христиан-ремесленников Старой-Руссы (лежавшей вне „черты еврейской оседлости") жаловалась, что возле города на „саловаренном заводе" проживают в течение около десяти лет восемь евреев-портных, которые ходят по домам собирать работу и этим лишают просителей заработков, а посему надо выслать евреев. Военное начальство (в чем ведении находился город) ответило, что на заводе проживает только еврей Стернин, который занимается шитьем платья военного покроя, так как в городе других портных нет, нет и цеха (несколько мещан занимаются шитьем только русских кафтанов). Стернина оставили. Но в начале 1845 г. та же группа мещан, пополненная портным-немцем, повторила свою жалобу, указывая, что Стернин занимается шитьем платья для городских обывателей, „чем делает весьма значительный подрыв" мещанам. Местное гражданское и военное начальство ходатайствовало об оставлении Стернина, но мещане подали прошение и на высочайшее имя, и в III отделение собственной его велич. канцелярии. Вмешательство знаменитого III отделения повлияло и на местное и на высшее начальство, и вскоре последовало распоряжение выслать Стернина в „черту" и впредь, вообще, евреев больше в Старую-Руссу не допускать.

В 1845 г. старшины переяславского (Полт. губ.) христ. портняжного цеха обратились на высочайшее имя с жалобой на полтавское губернское правление, разрешившее евреям-портным основать свой особый цех. Старшины просили, „дабы повелено было: переяславский еврейский кравецкий (портняжный) цех уничтожив, причислить к христианскому по роду мастерства каждого, чем самым улучшится благосостояние христианских цехов, ибо через дальнейшее существование еврейского кравецкого цеха мы не в состоянии будем уплачивать долее по бедности своей государственных податей и других повинностей, и даже содержать семейств своих"... И это домогательство было удовлетворено, хотя христианам дозволялось не принимать евреев в свои цехи.

Правительство при разрешении подобных конфликтов лишь в редких случаях считалось с интересами ремесленников-евреев. Так, в 1852 г. старшины виленского шорно-седельного цеха просили о „недозволении евреям заниматься сказанным мастерством без приписки к цеху", но

министерство внутр. дел об'яснило что „дневного пропитания работою цех никому запрещать не должен"; однако, занимающиеся работою вне цеха не могут иметь вывески и должны работать одни, не имея права ни нанимать подмастерьев, ни держать учеников. В том же году старшины виленского же канатного цеха жаловались, что еврей Арецкий занимается выделкой волос на тюфяки без приписки к цеху, но выяснилось, что Арецкий—единственный в городе мастер, что в городе волосяного цеха нет, и министерство внутренних дел оставило жалобу христиан без последствий [47]).

Благоприятное отношение к евреям, проявленное в двух последних случаях, можно, кажется, об'яснить тем, что в ту пору нищета еврейского населения достигла таких размеров, что правительство, наконец, поняло необходимость дать хоть некоторую возможность еврейскому населению добывать производительным трудом средства к жизни и даже намеревалось создать среди евреев цеховую организацию с целью оградить евреев-ремесленников от новых правовых ограничений, которым они думало подвергнуть, как мы ниже увидим, всех „бесполезных" евреев.

[47]) С. Ромбах, Из быта еврейских ремесленников в первой половине 19 века (сборник „Труд в России", кн. 2-ая 1924 г.).

Глава четвертая.

Безуспешные попытки кагалов добиться восстановления института депутатов.—Мечты могилевского кагала.—Рекрутчина как орудие социально-экономической борьбы.—Кагалы добиваются сдачи неимущих членов общины в рекруты вне общей очереди.—Рост податных недоимок свидетельствует о возрастающей нищете.—Предложение литовских кагалов погашать податные недоимки рекрутскими душами.—Податное бремя и рекрутская повинность обостряют классовую рознь.—Купечество добивается своего обособления от мещанства. — Стремление ремесленников к цеховой организации в целях борьбы с остальным мещанством.

Непрерывно возраставшая нищета и ее неизбежный спутник—деморализация, вот к чему привела социально-экономическая обстановка в западных губерниях, где издавна неблагоприятно сложившиеся хозяйственные отношения были усугублены в последние десятилетия стихийными бедствиями, политическими потрясениями, а на ряду с этим—законодательными мероприятиями правительства в отношении евреев. Выселение из сел и деревень, вообще ограничения в праве передвижения и жительства, стеснения в занятиях и умаление роли в сословно-городском самоуправлении—все это, различным образом поражая материальные интересы еврейского населения, довело до крайности его бедственное состояние, вызывавшееся отсутствием в „черте оседлости" достаточного простора для ремесленного производства и торгово-промышленной деятельности.

Хотя печальные результаты такой репрессивной политики уже сказались с полной очевидностью, правительство упорно придерживалось ее. Поэтому кагалы чрезвычайно тревожило то, что с упразднением „депутатов еврейского народа" (1825 г.) разработка нового законодательства о евреях, порученная двум комитетам—из директоров департаментов и из четырех министров — протекала без малейшего участия еврейских представителей. И это беспокойство должно было до крайности обостриться благодаря ложным слухам, которые рождались страхом пред неизвестным будущем [1]). Вместе с тем кагалы сознавали,

[1]) В Гродненской и Виленской губерниях распространился слух, что будет запрещено вступать в брак до зрелого возраста, и потому поспешно стали заключаться браки между детьми даже девятилетнего возраста. Собств. его велич. канцелярия, дело № 1330 (1826—29 г.г.) „Переписка по предметам, относящимся вообще к благоустройству евреев". Донесение Новосильцова от 13 января 1828 г.

что их значение должно было поколебаться с отставкой депутатов, так как последние послушно творили волю их, поддерживали их авторитет в глазах правительства, старались укрепить их власть над народом.

И вот почему неудача, постигшая первую попытку кагалов (1826 г.) добиться восстановления депутатов [2]), не остановила их от возобновления этого домогательства.

Сообщая (1827 г.), что „с содроганием и неиз'яснимым соболезнованием видел унылый еврейский народ те горестные и плачевные последствия, какие имело по белорусской губернии внезапное изгнание тамошних евреев из сел и деревень", и упомянув о других ограничениях, грозящих гибелью, житомирский кагал и „подольской губернии поверенный" просили, чтобы при директорском комитете находились депутаты [3]). Вслед затем могилевский и гродненский губернские кагалы одновременно возобновили просьбу о дозволении евреям избрать из своей среды депутатов, которые могли бы делать правительству „замечания и представления" как для того, чтобы опровергнуть неправильные суждения о нравственности еврейского народа, так и для того, чтобы способствовать достижению цели, намеченной себе правительством, но „без стеснения прав, свободы и религии" евреев. Однако, и на этот раз желание кагалов иметь в столице своих представителей, которые могли бы непосредственно воздействовать на лиц, разрабатывавших новое законодательство, не было удовлетворено. Но вместе с тем последним двум кагалам было велено представить в письменной форме свои соображения касательно изменения законодательства о евреях. Кагалы всячески пытались уклониться от этого, опасаясь, повидимому, зафиксировать на бумаге те пожелания, которые они рискнули бы высказать в осторожных словах в беседе с чиновниками с глазу на глаз. Все же им пришлось подчиниться.

Записка гродненского кагала [4]) не дает представления об его действительных желаниях; можно полагать, что он не решился высказаться откровенно, и поэтому предложенные им меры носят характер случайного нагромождения. Гродненский кагал предлагал: учредить в городах специально для евреев общеобразовательные школы с тем, впрочем, чтобы учителями были евреи (это, как видно, был дипломатический шаг, чтобы расположить к себе правительство; трудно допустить, чтобы кагал искренне желал насаждения светского образования); принять меры к удержанию евреев от излишеств; разделить еврейский

[2]) См. т. I, стр. 209 (департам. полиции исполнит., 1827 г., дело № 349 „О проживающих в Петербурге евреях", стр. 361—62).

[3]) Упомянутое дело № 1330, стр. 55—61.

[4]) См. упомянутое дело № 1330: гродненский проект (доставленный в апреле 1829 г.) в изложении чиновника.

народ на классы—купеческий, ремесленный и другие „с допущением для каждого соответственных выгод"; не сразу, а лишь постепенно запретить винные промыслы; предоставить еврейским судам (бес-дину) разрешать мелкие гражданские дела; освободить евреев от натуральной рекрутской повинности или же, по меньшей мере, сравнять их в отношении рекрутчины с прочим населением.

Иное впечатление производит записка могилевского кагала [5])—он решительно добивался определенных целей. Могилевский кагал подробно остановился на стеснениях, испытываемых купцами и ремесленниками в отношении передвижения и занятий; далее он указал на необходимость: вернуть право жить на землях помещиков и заниматься там теми промыслами, которые не связаны „с прямым владением крестьянами"; помочь евреям обратиться к земледелию; дозволить христианам служить у евреев, так как этот запрет расстраивает „общежитие до основания"; запретить ритуальные обвинения и т. д., и т. д. Но при этом кагал не забыл и о тех своих старых неосуществлявшихся домогательствах, которые должны были вернуть ему былую полноту власти. Кагал просил дозволить духовному суду, как это было раньше, карать нарушителей обрядов веры (без права подвергать их телесному наказанию и штрафам) и провозглашать херем (проклятие). Не учитывая духа времени, кагал все еще мечтал господствовать над народом помощью старинных средств.

Особого, однако, внимания заслуживают пожелания могилевского кагала по поводу рекрутской повинности. Мы не говорим о заранее обреченной на неудачу просьбе отменить натуральную повинность, о слезной мольбе облегчить участь кантонистов—не обращать их в христианство, не усылать их туда, где нет еврейского населения, и т. д. Нет, мы имеем в виду то желание, на котором лежит печать социально-экономической борьбы, и понять которое можно, лишь уяснив себе социально-экономическую структуру тогдашних еврейских обществ.

Как мы видели выше, в правительственных кругах рекрутская повинность рассматривалась почти исключительно с точки зрения не военных, а хозяйственных интересов государства, — быть может один только Николай рассчитывал, что еврейские рекруты представят собою известную боевую силу, в чем он, как показало будущее, не ошибся [6]).

---

[5]) Записка и „устав" в изложении директорского комитета; архив департ. полиции исполн., 1828 г., дело № 434 „По всеподд. просьбе еврейск. могил. общества о дозволении им избрать из своей среды доверенных евреев и т. д.". Таковая же просьба гродненск. евр. кагала". Самих записок обоих кагалов в деле не находится.

[6]) См. выше, стр. 31 — 33. В 1844 г. Николай писал, что евреи-новобранцы из Польши не дали ни беглых, ни больных, „глядят весело, здорово, словом молодцами" („Русский Архив", 1910 г. кн. 4, стр. 499—500).

И в среде еврейской массы не могло быть никакого сомнения, что господствующий класс превратит рекрутчину в экономическую меру, использует ее, как орудие классовой борьбы, что кагал обрушит всю тяжесть рекрутчины на спины неимущих и трудовых элементов общества, дабы более состоятельные круги [7]) были от нее избавлены, что вопрос о сдаче в рекруты того или иного члена общины будет зависеть от его имущественного положения. И это потому, что хозяйственный строй и материальное состояние общин не допускали со стороны господствовавшего класса иного подхода к рекрутчине.

Как государственные подати, не исключая и рекрутских денег (которые взимались до введения в 1827 г. натуральной рекрутской повинности), так и общинные сборы вносились, можно сказать, одними лишь имущими членами, платившими не только за самих себя, но и за неимущих. Следовательно, уход из общины беднейших членов представлялся желательным, напротив, убыль состоятельных лиц—грозила общине разорением. Это было столь ясно, что на почве недоверия к кагалу создалось, повидимому, даже столь превратное представление, будто кагалы сами содействовали введению натуральной повинности, чтобы не платить рекрутских денег за бедных.

Когда в Староконстантинове полицейский чиновник, не застав старшин в кагале, отнес в дом раввина указ о введении рекрутской повинности, находившиеся там евреи, полагая, что это—подписка о сдаче рекрут, а вместе с тем уверенные, что кагал имеет право вместо рекрут платить денежную повинность, стали требовать, чтобы кагальные не подписали бумаги, а затем толпа, озлобленная против кагалов и богачей, забросала их дома камнями. Это происшествие было преувеличено в докладе шефа жандармов государю („евреи произвели возмущение и беспорядок"), и Николай повелел предавать евреев в таких случаях военному суду. Подобное же столкновение произошло в мест. Бершади. По об'явлении того же указа толпа напала на дома кагального и другого еврея; участники беспорядка мотивировали свой поступок тем, что они не присутствовали при оглашении указа, что они и „по другим в обществе распоряжениям устраняются" [8]).

[7]) Кроме купцов, на общем основании освобожденных от натуральной повинности, в рекруты не брали раввинов и лиц нескольких других категорий, которые однако, вносились в общие очередные списки, так что общее число рекрут не уменьшалось: вместо освобожденных от рекрутской повинности шли другие.

[8]) Второе собр. законов, № 1439.—Историко-революц. архив, III отд. собств. его вел. канцелярии, IV экспедиция, 1827 г., дело № 126 („О возмущении евреев" и т. д.); там же: всеподд. доклады за 1827 г., стр. 126. Архив канцелярии его велич., 1826 г., № 1319, стр. 148—9, 291—2, 334 (в деле имеются данные о кагальных злоупотреблениях при рекрутчине). Архив департ. полиции исполн., 1827 г., № 373 („О предавании евреев за буйство военному суду"). См. „Евр. Старину", 1911 г., вып. III, стр. 389—91.

Не подлежит сомнению, что кагалы не только ни в малейшей степени не содействовали введению рекрутчины, но, напротив, как было уже отмечено выше, всячески этому препятствовали. Однако, впоследствии, когда рекрутчина стала совершившимся фактом, кагалы действительно увидели себя вынужденными рассматривать ее с точки зрения экономической.

Согласно рекрутскому уставу, евреи данного общества должны были исправлять повинность *по очереди*, установленной на известных условиях. Но вместе с тем устав (§ 34) предоставил обществам „по своему приговору отдавать в рекруты всякого еврея во всякое время *за неисправность в податях, за бродяжничество* и другие беспорядки, нетерпимые в оных".

При установлении этого правила было принято во внимание то обстоятельство, что по имевшимся у правительства сведениям—„богатые евреи часто притесняли бедных и непосредственно силою, и по влиянию на общества; подобных притеснений можно ожидать тем более в столь важной, и для них без сомнения тягостнейшей, повинности, какова рекрутская"; вместе с тем при разработке устава о рекрутской повинности крещеный еврей Зандберг, прикомандированный к директорскому комитету, указал на необходимость принять меры к охране тех, кого кагалы будут отдавать в рекруты „из мщения за измену им",—изменниками же почитались лица, пренебрегавшие религиозными обрядами и раскрывавшие незаконные действия кагалов [9]). Поэтому было постановлено, чтобы распоряжения по сдаче рекрут были делаемы не иначе, как по приговорам общества в составе не менее $^2/_3$ почетнейших местных евреев, причем губернскому начальству вменялось в обязанность наблюдать, чтобы при представлении рекрут без очереди „под предлогом пороков не были допускаемы притеснения бедным и хорошего поведения за поступки, единственно противные суеверию или злоупотреблениям евреев" [10]).

Однако, „общества" в том виде, в каком рисовали себе составители рекрутского устава, фактически не существовало; общественная власть принадлежала кагалу, который пользовался ею и при наборе рекрут. И вот, уже вскоре по введении рекрутчины могилевский, шкловский и гродненский кагалы возбудили ходатайство о том, чтобы, вопреки требованию губернского начальства, им разрешили не считаться с правилами об очередях, дабы можно было сдавать рекрут по обще-

[9]) Мемория директорского комитета за февраль и сентябрь 1826 г. Архив общей канцелярии министра финансов, 2-ое отд., 1823 г., дело № 23/193.

[10]) § 25 устава и §§ 14, 16 и 17 наставления гражданскому начальству (Второе собрание законов, № 1330).

ственным приговорам (в действительности — по распоряжениям кагала) из числа „праздношатающихся", не платящих податей, нетерпимых за производимые беспорядки [11]). По мнению гродненского кагала, сама справедливость не позволяет, чтобы хозяева, платящие государственные подати и несущие по обществу все тягости, отдавали рекрут из своих семейств, между тем как праздношатающиеся, не платящие податей и в обществе нетерпимые, окажутся свободными от рекрутской повинности!

Эти домогательства были оставлены правительством без внимания, но все же могилевский кагал возобновил их в следующем году, когда он, как мы видели выше, по предписанию властей должен был представить свои соображения о нуждах народа. Сперва кагал заявил, что по духу еврейского вероучения он не может сдавать бесполезных членов общины в рекруты, потому что на военной службе они не сумеют исполнять все обряды веры, и таким образом кагал будет как бы повинен в этом. Но вслед за тем он все же указал на необходимость сдавать рекрут не по очередным книгам, а по приговорам общества, мотивируя это тем, что хотя, согласно рекрутскому уставу, неоседлые евреи, живущие по деревням, занимающиеся продажей вина, факторством и ненадежные в уплате податей и повинностей [12]), записываются на первом месте в очередных книгах, но они легко скрываются, и вместо них вынуждены итти в солдаты оседлые, более имущие.

Но и на этот раз просьба о нарушении очереди для неимущих не была удовлетворена, что, впрочем, не помешало кагалам допускать в дальнейшем неправильности при сдаче рекрут. И если в одних случаях это вызывалось материальным положением общины, обремененной чрезмерным количеством нищих, за которых приходилось уплачивать подати, то в других случаях члены кагалов злоупотребляли сдачей в рекруты в целях личной наживы и, прибегая к противозаконным действиям, к подлогам, пользовались рекрутчиной, как орудием борьбы — с неугодными членами общины, со своими недругами, с лицами, стремившимися к общему образованию и т. д.

Во время разработки „Положения о евреях" 1835 г. к правительству неоднократно поступали от еврейского общества записки, в ко-

---

[11]) Архив департ. полиции исполн., 1828 г. № 461 („С препровождением двух просьб могил. и шкловских евреев и т. д."); 1831 г. № 818 („О рассмотрении всеподд. просьб поверенных могил. и шкловских обществ"). Упомянутые кагалы выступили (в апреле—мае 1828 г.), как видно, предварительно сговорившись.

[12]) Согласно „Дополнительным правилам о рекр. повинности евреев", изданным в мае 1828 г. (Вт. собр. законов, № 2045).

торых указывалось, как тяжело отразились на его материальном положении многочисленные стеснения в жительстве, в занятиях, в сословно-городских правах, как морально унижает евреев в глазах христиан кровавый навет и другие обвинения. Напр., весьма усердно хлопотал за смягчение ограничительного законодательства упомянутый выше Фейгин, который открыто обвинял правительство в предубеждении против еврейского народа—он не только подавал записки о бедственном положении народа, но и лично беседовал об этом с министрами[13]). Особенно решительно выступал в защиту народа виленский кагал, чуждый тех замыслов об укреплении кагальной власти принудительным путем, которые питал могилевский кагал[14]). Из вильны же изошла записка, в которой подробно излагалось, как вопреки требованиям виленских властей, чтобы местные учреждения, составляя раскладки повинностей, приглашали старшин еврейского общества для совместного обсуждения правильности раскладки на еврейское население города, комиссия, составлявшая раскладку, не допустила еврейских депутатов к своим занятиям, и в результате еврейское население было непомерно обложено повинностями, при чем для взыскания их принимались крутые меры[15]).

В большинстве случаев записки евреев, рассказывавшие о материальной нужде народа, вызывавшейся правовыми стеснениями, принимались благосклонно и Николаем, и министрами. Но заметного впечатления они не производили. И это понятно — подобные записки не открывали пред властями ничего нового. О прогрессировавшей нищете еврейского населения лучше всего было известно именно в бюрократических кругах,— ведь о ней наиболее громко и явственно говорили возраставшие податные недоимки. Правительство безуспешно боролось с этим злом, так как если часть недоимок могла быть приписана ухищрениям плательщиков и недобросовестности кагалов, то в главной своей массе податные недоимки вызывались фактической неспособностью населения выносить податное бремя.

Хотя в 1817 году еврейским обществам были прощены штрафы и пени за „прописных“ (т. е., преднамеренно утаенных по ревизии), а также за податные недоимки, причитавшиеся с прописных за прошлые годы[16]), уже вскоре обнаружилось, что это не принесло никакого

---

[13]) См. о нем выше, стр. 9—10.—Ср. архив деп. полиции исполн., 1831 г., № 189 „С препровождением просьбы черниг. купца Фейгина и т. д.“.

[14]) Ю. Гессен, Записка вил. кагала о нуждах евр. народа („Евр. Старина“, 1911 г., вып. 1) по материалу архива госуд. совета, департ. законов, 1835 г., № 11, стр. 1228 и сл. (также стр. 1369). См. также: департ. полиции исполн., 1833 г., № 430 („По прошению членов вил. кагала и т. д.“); собств. его вел. канцелярия, № 1319 (1830 г.).

[15]) Архив мин. вн. дел, 2 стол I отд. хозяйств. департ., 1834 г., дело № 170 „По просьбе еврея Розенкранца о неуравнительности раскладки по повинности и т. д.“.

[16]) Том I, стр. 184.

облегчения. В 1820 г. министр финансов заявил, что все меры, направленные к экономическому оздоровлению еврейского народа, остаются безрезультатными, — потому ли, что соответствующие законы не целесообразны, потому ли, что евреи упорствуют в отказе вносить подать; факт тот, что они „большей частью впадают в бедность и, обратясь к нищенству и бродяжничеству, приходят в невозможность ни содержать своих семейств, ни уплачивать подати, которые большей частью остаются в недоимках"; многие из евреев скитаются без документов; новая перепись установила такое число душ, которое вдвое, втрое и даже более превысило цифры, раньше указывавшиеся еврейскими обществами, и общества, будучи обязаны платить подати за столь значительное число членов, стали еще более неисправными.

Остановить рост еврейской нищеты без крутых социально-экономических реформ было невозможно. А так как о каком либо преобразовании правительство вовсе не помышляло, то и возникла мысль об уменьшении численности еврейского населения, как паразитического в своей значительной части элемента. Вполне определенно формулированная в двадцатых годах, эта мысль неоднократно выдвигалась и в позднейшее время, хотя не всегда с одинаковой откровенностью. Было предположено обязать директорский комитет „особливо обратить внимание на постепенное уменьшение еврейского населения, а по крайней мере, чтобы не так умножался". Правда, такое поручение не было дано гласно комитету, но фактически на него возложили такую задачу,— один документ гласит, что при учреждении комитета „в число его обязанностей было поставлено, чтобы он имел в виду меры к уменьшению евреев вообще в государстве и в особенности в тех местах, где они не слишком умножились" [17]).

Позже с этой целью была использована в известной мере рекрутчина, да и то надежды на эту меру оказались призрачными. В двадцатых же годах разговоры об уменьшении числа евреев носили лишь платонический характер. Между тем еврейское население продолжало возрастать, а вместе с тем росло число людей, лишенных источников пропитания, и в связи с этим недоимки прогрессивно увеличивались.

Конечно, недоимки лежали не только на еврейском населении. Напр., в 1823 г. рассрочка в платеже недоимок была предоставлена казенным и помещичьим крестьянам, а в следующем году льготы

---

[17]) См. выше, стр. 16 — 17, 32. Ср.: Общая канцелярия мин. Финансов, 1 отд., 1825 г., дело № 43, стр. 52; сенатский указ 24 мая 1829 г. (Вт. собр. законов, № 2884); архив департ. полиции исполн., 1828 г. № 428. „По выписке из журнала комитета г.г. министров о уменьшении числа евреев в Курляндии и Лифляндии"—представление дир. комитета за февраль 1829 г.

в платеже недоимок были даны всем вообще мещанам и ремесленникам,—среди прочих и евреям [18]). Но особенную тревогу вызывало все же еврейское население, значительнейшая часть которого не имела ни земли, ни мастерства, ни каких либо предприятий.

В 1823 г. гродненский губернатор получил сообщение, что в местечках Индуре, Кринках и Воле евреи испытывают такую нужду, что несмотря на некоторую помощь со стороны местных прикагалков, были случаи голодной смерти, и потому нет возможности „экзекутировать" подати. Губернатор усомнился в правильности этих известий, но посланный им туда заседатель гродненского суда подтвердил, что в Индурах многие умерли от болезней и голода; в Кринках положение было несколько лучше, так как имелся постоянный врач, на личные средства покупавший лекарства для больных. Между тем за недоимки 1822 г. и первую половину 1823 г. в указанных местечках была водворена экзекуция: в Индуре и Кринках по четыре нижних чина, в Воле—один. Особенно печально обстояло с недоимками в Воле, где числилось сто душ мужского пола, все имущество которых, в том числе и дома, не покрыло бы и четвертой доли недоимок. И губернатор послал в Петербург запрос, нельзя ли при подобных исключительных обстоятельствах останавливать взыскание подати без начисления пени?

Это сообщение гродненского губернатора, как видно, произвело сильное впечатление в Петербурге—таких донесений поступало, вероятно, не мало,—и по докладу министра финансов Александр велел „поспешить с *общим* постановлением о облегчении взыскания недоимок с евреев" [19]). В результате чего, как кажется, и появился упомянутый выше указ о льготах в платеже недоимок для мещан вообще и евреев в частности. Однако рассрочки не могли облегчить положение общин и обеспечить правильное поступление податей.

Так продолжалось и в дальнейшие годы. Чтобы положить предел все возраставшим недоимкам, было (1827 г.) постановлено перенести ответственность за правильную уплату подати на членов кагала, а так как многие отказывались от выбора в члены кагала, ссылаясь на то, что не знают никакого другого языка, кроме еврейского, то в отмену правила, установленного в 1804 году, было дозволено выбирать в кагал таких лиц, которые знают один лишь еврейский язык [20]).

---

[18]) Первое собр. законов, № 30114 (14 ноября 1824 г.).

[19]) Собств. его велич. канцелярия, дело № 4296 „О проекте к облегчению взыскания с евреев недоимок". Архив мин. вн. дел, хозяйств. департамент, 1 ст. 1 гор. отд., 1823 г., дело № 53 „По представлению гродн. губерн. о дозволении приостановить взыскание с евреев податей".

[20]) Том I, стр. 157.—Общая канцелярия министра финансов, 4 стол, I отд., 1827 г., дело № 22 „О правилах, предполагаемых для взыскании податей с евреев и т. д.".

Тогда же было позволено рассрочить накопившиеся недоимки от одного года до десяти и пятнадцати лет. Но все это не помогло. Пришлось подумать о других мерах. *Остановились на рекрутчине.*

По Гродненской губернии, не смотря на рассрочку уплаты недоимок, подать за 1829 год не могла быть собрана полностью. И когда губернатор предложил с неисправных обществ брать рекрут вместо денег, Николай, проезжавший в ту пору чрез губернию, выразил на это свое согласие. В Виленской губернии более или менее имущие евреи, чтобы избавиться от рекрутчины, записались в купечество, и, таким образом, общества составлялись из мещан, людей бедных, из которых половина нуждалась в дневном пропитании; к тому же многие из числа записанных по ревизии выбыли, а обществам приходилось уплачивать за них подать. И вот, как в Гродненской губернии, здесь также встал вопрос о взятии рекрут с неисправных обществ, оценивая рекрута в пятьсот рублей (предполагалось, что это побудит кагалы и самих плательщиков напрягать усилия, чтобы уплатить подать). Иллюстрацией к создавшемуся положению могла служить Подольская губерния, где только 26 кагалов полностью вносили подать; 82 кагала, хотя и имели недоимки, могли бы постепенно справиться с ними, если бы правительство оказало им различные послабления и облегчения; но 32 кагала были совершенно безнадежны в отношении уплаты податей. Конечно, и здесь власти также высказались за взятие рекрут.

Охотно согласившись на взятие рекрут за недоимки, Николай приказал брать их сверх обычной нормы, без зачета недоимок. Тогда комитет министров, чтобы парализовать последствия такой крайней меры, предложил списывать со счета недоимок по тысяче рублей за каждого подобного рекрута; вместе с тем, чтобы, повидимому, затянуть дело, указал на необходимость поручить министрам финансов и внутренних дел выработать соответствующие правила. Николай уступил, но приказал, чтобы тысяча рублей списывалась только за взрослого рекрута, а за малолетнего—всего пятьсот рублей. Обо всем этом было опубликовано сенатским указом 1830 г., дабы, вероятно, побудить общества погасить недоимки до осуществления указанного законопроекта. Но ретивые губернаторы стали тотчас же брать рекрут в непомерном количестве. Тогда по докладу Канкрина Николай велел приостановить набор впредь до выработки упомянутых правил.

Правила не были выработаны, но идея об усиленном наборе рекрут как способе борьбы с недоимками продолжала жить. И не только в бюрократических кругах.

Беспрестанные указания на рекрут, как на эквивалент определенной податной суммы, стали столь обычными, что и сами кагалы, чувствуя себя беспомощными пред казною, настойчиво требовавшей

уплаты податей и недоимок, постепенно привыкли к мысли, что податное бремя может быть облегчено сдачею соответствующего числа рекрут (сверх тех, которые полагались по общей разверстке). Нищета массы была до того ужасна, что пред нею померк страх, который рекрутчина прежде вызывала в кагале. И вот еврейские общества стали просить правительство брать рекрут в погашение недоимок.

В 1836 г. генерал-губернатор Виленской, Гродненской, Минской и Белостокской губерний Долгоруков возобновил вопрос о взятии рекрут за недоимки, считая взрослых по тысяче рублей, а малолетних—за пятьсот, так как недоимки возрастают в виду „крайней бедности большей части евреев, едва имеющих дневное пропитание"; благодаря холере, политическим смутам 1831 г. и стихийным бедствиям, многие еврейские общества впали „в большую еще несостоятельность". Еще раньше, по словам Долгорукова, сами еврейские общества стали хлопотать о дозволении сдавать рекрут в погашение недоимок, а когда был опубликован упомянутый выше сенатский указ 1830 г., они поспешили воспользоваться им, чтобы сдать рекрут в покрытие недоимок. И теперь, ходатайствуя о восстановлении сенатского указа 1830 г., Долгоруков ссылался на просьбы самих еврейских обществ.

В Петербурге это предложение было встречено несочувственно, так как легко было предвидеть, что право сдавать рекрут вместо недоимок откроет перед кагалами новое поле для злоупотреблений, да к тому же этим не достигнется главная цель — успешное взыскание подати. Тем не менее, отмечая, что по четырем вверенным ему губерниям недоимки достигли кругом на душу до 18 р. 47 коп. (что было равносильно неуплате всем тамошним еврейским населением подати за два года), Долгоруков еще раз сделал попытку восстановить указ 1830 г., но опять неудачно.

Наряду с рекрутчиной предлагались и другие меры к исправному взысканию податей, — напр., уничтожить слабосильные кагалы и приписать их общества к более солидным кагалам, которые и должны будут платить подати за них. А однажды гродненское губернское правление заставило более состоятельные кагалы губернии (Вылковыский и др.) уплатить за бедные общества свыше 600 тысяч рублей ассигнациями и около 8000 рублей серебром. Кагалы, внеся потребованные деньги, обжаловали действия губернского правления; министерство внутренних дел предложило, чтобы взысканные с обществ суммы были пополнены кагалами, так сказать, частным путем, но министр финансов настоял на том, чтобы все такие суммы были возвращены тем кагалам, с коих деньги были незаконно взысканы губернским правлением; что касается кагалов, с которых причитались указанные недоимки, то им было велено использовать для покрытия недоимок *коробочный сбор*, а именно —

впредь до покрытия недоимок было запрещено платить из сумм коробочного сбора подать за тех, кто сам мог внести ее за себя.

Вопрос об использовании коробочного сбора для оплаты недоимок и податей был не нов. В некоторых общинах коробочный сбор издавна обращался на уплату податей не только за неимущих, но за всех членов общины. Но имелись места, где коробочный сбор был установлен для погашения старых общинных долгов или же оплаты процентов по вечным долгам и где поэтому кагалы были стеснены в расходовании сбора на общинные нужды, в частности—на оплату податей. Хотя кагальные долги, сделанные еще при польском государстве, признавались русским правительством, все же министр финансов высказался (1825 г.) за то, чтобы коробочные сборы шли в первую голову на оплату податей и недоимок; это предложение при дальнейшем обсуждении вопроса было сужено—коробочный сбор предназначается для уплаты подати только за неимущих, пропавших без вести и т. д.; однако, и в урезанном виде проект министра финансов не был принят государств. советом, который (1826 г.) потребовал, чтобы ранее всего суммами коробочного сбора покрывались общинные долги. Таким образом, только в тех общинах, которые не имели долгов, коробочный сбор мог быть полностью обращен на уплату податей и общинных расходов. И потому даже упомянутые выше общины Гродненской губернии, население которых умирало от голода и эпидемий, не могли избавиться от экзекуции. Старинные долги (нередко спорные) препятствовали общинам пользоваться коробочным сбором для текущих надобностей [21]).

Хотя местные власти неоднократно свидетельствовали, что рост недоимок вызывался тяжелым материальным положением евреев, центральные власти относились отрицательно к предложениям об облегчении податного бремени. Могилевский губернатор писал в своем отчете за 1837 год: „Справедливость требует заметить, что евреи обложены налогами, вовсе не соответствующими их положению, ибо тогда как казенные крестьяне, владеющие угодьями, платят в Могилевской губернии всех вообще податей 4 рубля 2 коп., евреи обязаны вносить по 9 рублей 7 коп. с души"; наравне с другими они несут все повин-

[21]) Вт. собрание законов, №№ 3987 и 4181—Собств. его велич. канцелярия, № 5507 „Относительно взятия с евреев рекрут за недоимки". Департ. полиции исполн., 1830 г., дело № 854 „О мерах ко взысканию податей и недоимок с евреев"; 1833 г., дело № 712 „По просьбе евреев Волковыска и др. кагалов Гродн. губернии об избавлении их от платежа податных недоимок и т. д."; 1836 г., № 496 „По отношении вил., гродн., белост. и минского генер.-губернатора по предмету отдачи евреев в рекруты за податные недоимки и т. д".—Об использовании короб. сбора—Общая канцелярия министра финансов, 1823 г., дело № 36 (559) „О короб. сборе и о способе взыскания податей с евреев" Ср. Арх. госуд. сов., т. V, ч. I (СПБ. 1904 г.), стр 165—190 (Вт. собрание законов № 433). О кор. сборе—см. т. I настоящей книги, стр. 120—123.

ности натурою и рекрутскую, „и таковая тяжкая подать, угнетая важную часть населения губернии, отнюдь не обогащает государственное казначейство, ибо большая часть дохода с них остается в недоимке. Из достоверных сведений—писал далее губернатор—я могу заключить, что евреи, *доведенные бедностью до отчаяния,* не уклоняются от занятий сельского хозяйства", но не имеют средств, чтобы завести его. Поэтому губернатор рекомендовал сравнить евреев в податном отношении с казенными крестьянами, а когда положение евреев поправится, тогда повысить подать; он также предложил рассрочить недоимки на двадцать лет, с тем, что если и затем общества будут неисправны, тогда надо будет брать рекрут за недоимки, оценивая каждого в одну тысячу рублей. Но все это было отвергнуто [22]).

В условиях имущественного неравенства, определявшего собою и социальное неравенство, между отдельными группами населения происходила борьба, стимулом для которой служило преимущественно стремление обезопасить себя от чрезмерной податной и рекрутской повинностей.

В первую голову шла борьба между купечеством, с одной стороны, и всем остальным населением, т. е. мещанством, с другой.

Внося в казну процентный сбор со своих капиталов, купцы не платили податей и потому не несли материальной ответственности за поступление подати с общества; равным образом, они не отбывали рекрутской натуральной повинности. Это побуждало многих мещан, далеко не имевших необходимых капиталов, к переходу в купечество, что истощало податные и рекрутские силы общины. И мещане, конечно, всячески препятствовали переходу своих сочленов в купечество, пользуясь тем, что желавшие вступить в купечество должны были представлять удостоверение мещанского общества, что за ними не числится никакой недоимки и что их семьи не находятся на рекрутской очереди. Случалось, что мещанские общества брали как бы выкуп с тех, кто переходил в купечество. Но бывало, что мещане решительно отказывались от увольнения своих сочленов в купечество—напр., витебское мещанское еврейское общество об'явило, что все без исключения евреи-мещане считаются на рекрутской очереди [23]), т. е., следовательно, не могут выйти из мещанского сословия.

---

[22]) Общая канцелярия мин. финансов, I отд., 1 стол, 1838 г., дело № 8 (прежний № 27) „По предложению могил. губернатора об уменьшении податей с евреев и т. д."—Губернатор предложил уничтожить кагалы в виду их злоупотреблений, а сбор податей возложить на общие учреждения, но Канкрин воспротивился.

[23]) Втор. собр. законов, № 3161 (1829 г.).—Ср. упомянутое дело департ. полиции исполн., 1830 г., № 854.

С своей стороны, купцы упорно добивались полного отделения от мещанского общества, которое нередко заставляло их участвовать в уплате лежавших на нем податей и повинностей. Еще в 1821 году, т. е. до введения натуральной рекрутской повинности, виленские кагальные просили, чтобы купцы „не были считаемы с обществом (мещан) вместе", но депутаты еврейского народа высказались против выделения купцов из общей массы населения. Этот протест об'ясняется, вероятно, тем, что депутаты учитывали раздражение в высших бюрократических кругах, которое вызывалось ростом податных недоимок на еврейских обществах,—разрыв же купечества с мещанством должен был повлечь за собою еще большую податную задолженность мещан. А виленский кагал, как надо думать, стремился оберечь купечество от уплаты мещанских недоимок с той целью, чтобы купечество, не будучи обременяемо уплатою значительных податных сумм за неимущих, могло служить надежным источником средств для внутренних общинных нужд; к тому же можно было расчитывать, что мещанские недоимки рано или поздно в той или иной мере будут прощены правительством, и, следовательно, не было надобности жертвовать денежными средствами купечества.

Введение же рекрутчины, которая, между прочим, увеличила денежные повинности населения (так как набор рекрутов требовал известных расходов), еще более обострило борьбу купечества с мещанством. Так, напр., в 1830 году девять богуславских купцов подали жалобу на мещанское общество, которое „по недостатку в средствах для содержания рекрут и удовлетворения казны в следуемых с них податях и повинностях подвергает купеческие семейства тем же повинностям, взыскивая деньги с некоторых семейств даже посредством экзекуции" [24]).

Чтобы устранить подобные конфликты, правительство прибегло к следующей мере. Согласно общим постановлениям, христиане-купцы участвовали до некоторой степени в платеже мещанских податей и повинностей, и этот порядок, хотя в иной форме, было решено применять и к евреям-купцам. В виду заявления директорского комитета, что, мол, „еврейские купцы и мещане *по учению веры их* составляют одно общество", а потому должны, вообще, оказывать взаимную помощь и в частности для обеспечения казны в правильном поступлении податей и повинностей, купцов-евреев обязали (1831 г.) участвовать (в том городе, к которому приписаны) в платеже податей и повинностей мещан, но только в том случае, если платимые купцами гильдейские повинности составляют меньшую сумму, чем та, которую, будь они ме-

[24]) Департ. полиции исп., 1830 г., № 858 „По жалобе девяти богуславских еврейских купцов и т. д.".

щанами, платили бы за себя лично и за известное число неимущих членов общины [25])—разница должна была итти в пользу мещан.

Эта зависимость купечества от мещанского общества, нашедшая свое выражение в 688-ой статье рекрутского устава в новом издании, стала казаться еще более тягостной для купцов, когда на них была распространена (1850 г.) общая обязанность платить—до новой ревизии—подать и повинности за своих родственников, умерших в мещанстве.

Купцы старались, конечно, обходить 688-ую статью. Так, кременчугские мещане возбудили (1852 г.) ходатайство о привлечении местных купцов к уплате податей за мещанское общество, мотивируя это тем, что в последние годы прибыло до пятисот мужчин не старше 15 лет, благодаря чему раскладка на мещан дошла до крайнего предела, между тем купцы платят по гильдии меньше, чем платили бы, если бы состояли в мещанстве,—пусть же они уплачивают эту разницу! И ходатайство кременчугских мещан было удовлетворено. В таком же смысле был разрешен спор между индурским мещанским обществом и двумя купцами, вышедшими из него, которые, дав при получении увольнительных билетов подписки, что будут уплачивать в пользу общества ежегодно по пятьдесят рублей, отказались от этого обязательства, ссылаясь на то, что оно относилось к умершим членам их семейств, записанным по прежней ревизии. Удовлетворена была также жалоба неимущих минских мещан, которые в прошении на еврейском языке (они не решились дать его кому-нибудь для перевода на русский язык, опасаясь, что об этом проведают их влиятельные противники) красочно описывали различные притеснения со стороны купцов и вообще более состоятельных членов общины. Местная администрация подтвердила, что жалоба в некоторой своей части была справедлива, а именно, что 37 купцов, вышедшие из минского мещанства без увольнительных свидетельств, уклонялись от участия в общественной раскладке и что депутаты, избранные для производства раскладки сбора, предназначенного на покрытие податей, допустили ряд незаконных действий, благодаря чему несостоятельные лица были обложены более высоким сбором, чем зажиточные. В результате—всех купцов обязали участвовать в раскладке мещанских податей [26]).

---

[25]) Второе собрание законов, № 4876. — Второе отделение собств. его величества канцелярии, 1856 г., дело № 53-а „О пояснении закона об участии евреев-купцов в платеже податей и т. д." Состоятельные евреи платили за стольких неимущих, сколько было членов в их собственных семьях.

[26]) Департ. полиции исп., 1852 г.: дело № 1173 „По прошению мещан Кременчугск. евр. общества о привлечении купцов и т. д."; дело № 1334 „По прошению депутатов индурского евр. общ. и т. д."; „хозяйств. департ., 1 стол 2 гор. отд., 1852 г. дело № 199 „По жалобе бедных мещан евреев Минска и т. д.".

Стремление купцов освободиться от материальной ответственности за мещан выражалось не только в таких частных столкновениях. Защищаясь в каждом отдельном случае, купцы вместе с тем пытались добиться общего законодательного постановления, которое сделало бы излишней борьбу на местах. И возможно, что в данном случае играли роль не только личные интересы купцов, но и, как было выше отмечено, интересы общества в целом, нуждавшегося для своих внутренних потребностей в материальной помощи со стороны более состоятельных сочленов,—купцов надо было щадить, чтобы не иссяк тот источник, откуда можно было бы черпать средства для общинных нужд.

Вероятно, с этой целью гродненский кагал и возбудил ходатайство о разделении еврейского народа на „классы", как можно заключить из того, что именно в этом смысле говорится о „классах" в проекте еврейской реформы, представленном правительству известным нам Фейгиным, который был близок к кагальным кругам: предлагая разделить народ на четыре класса—купцов, мещан, ремесленников и земледельцев—Фейгин подчеркнул, что *каждый класс отдельно исполняет повинности и одному за другого не отвечать*[27]).

Подобные попытки оставались безрезультатными, так как правительство опасалось, что без участия купцов недоимки еще более возрастут. Но вместе с тем и роковая 688-ая статья постепенно потеряла для купцов свой страшный облик — потому ли, что в одних местах гильдейские повинности превышали размер мещанских, и в этих случаях купцам не приходилось платить за мещан; потому ли, что в других местах 688-ая статья оказалась просто забытой. К тому же нередко подати за неимущих уплачивались из сумм коробочного сбора.

Таким образом, пресловутая 688-ая статья лишь сравнительно редко применялась на деле. И все же витебский, могилевский и смоленский генерал-губернатор, по просьбе купцов, возбудил ходатайство, чтобы она была отменена законодательным путем, причем привел следующую мотивировку, подсказанную купцами: ведь на облегчение уплаты податей идет коробочный сбор, который составляется преимущественно из взносов купцов как более состоятельных членов общины, а при таком условии участие в оплате мещанских податей представляется для купцов весьма тягостным, так как очень многие мещане уходят без паспортов, и оставшимся приходится за них платить.

В ту пору купечество, размножившееся и разбогатевшее, имело уже прочные связи в столичных кругах, и на этот раз предложение было принято в Петербурге вполне сочувственно, как это видно из

---

[27]) О Фейгине — см. выше, стр. 8. Общая канцелярия министра финансов, отд. I, стол 1, 1833 г., дело № 10.

того, что, с необычной быстротой пройдя чрез все подлежащие инстанции, предложение купцов стало законом [28]).

Из-за раскладки казенных податей и обременения рекрутской повинностью борьба шла также между кагалами и ремесленниками. Весьма красочно в бытовом отношении происходившее в 20-х годах дело „о сопротивлении поверенным борисовского портного и сапожного цеха тамошнему кагалу в платеже податей", а равным образом дело „о злоупотреблениях, чинимых проскуровским жителем Штейном с кагальными в несоразмерности рекрутской повинности и угнетении цехового общества" (т. е. ремесленников), разгоревшееся в 30-х годах [29]).

Содержание упомянутых дел и их характер в основных чертах тождественны с нижеописываемым дубровенским делом.

Однажды ремесленники в м. Дубровне (Могилевской губернии) задумали образовать, а может быть восстановить уже ранее существовавшую ремесленную управу, для осуществления какового плана были избраны уполномоченные и в числе их Ицка Самсонкин. Это намерение, долженствовавшее привести к усилению общественного значения ремесленников, не могло не встревожить кагала. И если вскоре затем, 20 ноября 1827 года, ремесленники вдруг постановили „уничтожить *навсегда* звание братства ремесленников", ограничиваясь в случае надобности созывом собрания старост, при чем особо оговорили, что жалобы и просьба одних ремесленников „без присовокупления к ним большей части почетнейших хозяев" нигде не должны быть принимаемы,—то нет сомнения, что этот акт, разрушавший первоначальное намерение с'организоваться, был составлен под давлением кагала. Во всяком случае, последнее постановление состоялось отнюдь не с согласия всех ремесленников: борьба вокруг акта 20-го ноября, очевидно, продолжалась. Иначе не было бы необходимости спустя почти два года зарегистрировать его в оршанском магистрате—явка постановления 20-го ноября в магистрате должна была положить конец протестам тех ремесленников, которые хотели иметь свою организацию. Но эта цель не была достигнута.

Самсонкин, которого недруги аттестовали как человека „характера неспокойного", об'единив вокруг себя 68 ремесленников, обратился в 1836 году в губернское правление со следующей жалобой: кагальные не дают отчета в общественных деньгах; накопившиеся казенные не-

---

[28]) 2-ое отделение собств. его велич. канцелярии, 1856 г., дело № 53-а. — Госуд. совет, департ. экономии, 1856 г., дело № 193 „Об обязанности купцов и т. д." Ср. Положение о коробочном сборе 1844 г. (Второе собрание законов, № 18545), § 61.

[29]) 3-е отдел. 5 департ. сената, 1824 г., дело № 158; 1838 г., дело № 120 (возвращено сенатом для доследования).

доимки не соответствуют сборам, которые кагал взыскивает с общества; кагальные не привлекают в свой состав никого из ремесленников, дабы не обнаружилась утайка кагалом общественных денег; надо обревизовать деятельность кагала, а при дальнейших выборах устранить старых кагальных и выбрать в кагал одного представителя от ремесленников. Узнав о подаче этой жалобы, кагал, по словам Самсонкина, стал притеснять ремесленников и склонил многих обывателей подписать бумагу, в которой выражалось доверие кагалу и одобрение его деятельности. И в результате губернское правление, ссылаясь на акт 20 ноября 1827 г., явленный в магистрате, отказалось дать ход жалобе ремесленников. Тогда Самсонкин обратился за помощью к высшим властям: к генерал-губернатору, к шефу жандармов и, наконец, подал (1841 г.) прошение на высочайшее имя, указывая на то, что кагал брал под стражу лиц, не подлежавших рекрутской очереди, т. е. сдавал в рекруты по своему произволу. Из Петербурга последовало распоряжение произвести расследование по этим жалобам. Представители местной администрации (из личных целей обычно стоявшие на стороне кагала) тормозили следствие, и оно затянулось. Но все же Самсонкин мог испытать моральное удовлетворение, когда в 1851 г. его официально известили, что дело о кагальных поступило в уголовную палату [30]).

Обстоятельства порою таким образом складывались, что ремесленники находили для себя выгодным действовать заодно с кагалом. Дело в том, что фактически рекрутские наборы производил кагал, но согласно закону общества для проведения наборов назначали „уполномоченных". Обычно между кагалом и уполномоченными устанавливались дружеские взаимоотношения, которые служили лишь к укреплению позиции кагала. Но бывало, что между ними разгорались конфликты, и в этих случаях ремесленникам приходилось взвешивать соотношение общественных сил, чтобы решить—на чью сторону стать? Так, когда уполномоченные общества в местечке Шаргородке обвинили (1834 г.) кагальных в том, что они подделали общественный приговор о сдаче рекрут, снабдив его фальшивыми подписями, и таким образом в рекруты вместо очередных сдали неочередных, а кагальные, в свою очередь, добились предания уполномоченных суду за противодействие кагалу, то представитель цеховых не только не сдался на просьбу уполномоченных, чтобы ремесленники не вмешивались в дело о сдаче рекрут, предоставив это уполномоченным, но явно стал на сторону кагальных, убеждая, по их просьбе, уполномоченных прекратить про-

[30]) Архив мин. вн. дел, 3 стол I отд. хозяйств. департамента, 1843 г., дело № 205 „По жалобе... Самсонкина на притеснения, терпимые обывателями того местечка от кагальных"...

тиводействие кагалу [31]). Однако, такие случаи, повидимому, редко повторялись—ремесленники обычно боролись с кагалом.

Вообще столкновения между ремесленниками и господствовавшим классом не прекратились и тогда, когда кагал был упразднен (1844 г.). Чтобы успешнее бороться с так называемым на официальном языке „обществом", которое унаследовало всю полноту власти кагала, ремесленники попрежнему стремились иметь свои организации.

В 1852 году евреи-ремесленники Белой Церкви просили об учреждении цехов, и сенат разрешил. А в 1854 году группа тамошних евреев-ремесленников возбудила ходатайство об учреждении общего ремесленного управления с подразделением на цехи, отделив ремесленников от прочих евреев в отношении платежа податей и отбывания рекрутской повинности натурою, чтобы „устроить лучший порядок в ремесленных делах" и чтобы *„избавиться нам от ига общества евреев*, которое по древнему еврейскому навыку, пренебрегая ремесленниками, усиливает взимание с нас противу обыкновенного все денежные и личные повинности"; если будет образовано из ремесленников отдельное общество, то они все эти повинности „без малейшей помехи в свое время за себя отбывали бы и были бы не столь угнетены".

Ремесленники-евреи г. Дубно, прося (1851 г.) о выборе из их среды одного ратмана, который защищал бы их интересы в городском самоуправлении, хлопотали вместе с тем об учреждении особого цехового участка по отбыванию рекрутской повинности, ибо „общество мещан (евреев), *презирая ремесленников наших*, несмотря, что они снискивают своего пропитания трудами рук своих и по званию своему имеют присвоенные законом преимущества", преднамеренно разбросали ремесленников по всем трем городским рекрутским участкам, дабы при наборах отдавать побольше рекрут от цеховых евреев, — напр., вместо следуемых 4 рекрутов забирают 6—8 и более,—и это привело к тому, что многие ремесленники вынуждены были покинуть город, а „местные мастера терпят поэтому убытки".

И ремесленники гор. Владимира (Волынск. губ.) просили (1853 г.) о дозволении избирать одного ратмана из цеховых, дабы не было неправильностей при рекрутских наборах [32]).

[31]) Архив сената, 5-ое отделение 5-го департамента, 1839 г., дело № 261 „О евреях, судимых за беспорядки при наборе с кагалу рекрут", стр. 212—223.

[32]) Архив мин. вн. дел, хозяйственный департамент, 1852 г., дело № 183 (Белая Церковь); 1851 г., дело № 25 (Дубно); 1853 г., № 153 (Владимир). Ср.: С. Ромбах, Из быта евр. ремесленников в первой половине 19 века (Сборн. „Труд в России", кн. 2).

Глава пятая.

Накануне борьбы с „еврейским фанатизмом".—Записка гр. Киселева.—Образование „Комитета для определения мер коренного преобразования евреев".—Программа намеченной реформы.—Мысль о „разборе" евреев на полезных и бесполезных с целью подвергнуть последних новым репрессиям. — Школьная реформа. — Макс Лилиенталь и отношение к нему общества.—Потребность в денежных средствах для школ и реформа коробочного сбора.—Поход против еврейской одежды.—Упразднение кагала.—Насаждение земледельческого труда.—Меры против „фанатизма".—„Разбор" в оценке гр. Воронцова.—Об'явление о грядущем „разборе".

Благодаря тому, что бывшие польские губернии в течение ряда десятилетий не выходили из тяжелого материального положения, борьба за существованье среди местного населения крайне обострялась. Вторгаясь же в это экономическое междуусобие, правительство не уясняло себе всей роли, которую играли еврейские торгово-промышленные группы в хозяйстве края, а также не предвидело, к каким печальным для всего населения последствиям должно привести обеднение евреев, а потому оно пыталось законодательными ограничениями обезоружить евреев в борьбе с конкурентами. В свою же очередь эти репрессивные постановления, стеснявшие экономическую деятельность еврейского народа, оскорбляли его гражданское достоинство в глазах соседей. Однако, не смотря на то, что евреи таким образом оказывались в неблагоприятных материальных и моральных условиях, в некоторых русских кругах, не приходивших в повседневном быту в соприкосновение с еврейским населением (преимущественно, как видно, в бюрократическом мире), создалось представление, в сущности—отвлеченное, о какой-то мощи, будто бы опасной для христиан, таящейся в его бытовом укладе. И так как тогдашний еврейский быт наиболее рельефно выступал в своих религиозно-национальных очертаниях, затушевывавших экономическую основу, то многие явления еврейской жизни приписывались „тлетворному" влиянию еврейского вероучения.

Укоренению такого превратного представления способствовали главари еврейского господствовавшего консервативного класса. Они заявляли правительству, что „всякое деяние еврея подчинено какому-либо законному обряду религии, упущение которого почитается действительным грехом", и поэтому, опасаясь, что с умалением власти кагала рухнут основы, на которых „утверждается верность к государю и по-

виновение к правительству" [1]), правительство упорно поддерживало этот особого рода религиозно-полицейский орган, чем искусственно консервировало разрушавшийся извнутри социально-экономический строй еврейской жизни.

Между тем, все нездоровые эксцессы, вспыхивавшие то в одной, то в другой общине, ставились правительством в вину кагалу в целом, потому что именно он олицетворял народную массу, благодаря чему создался взгляд на кагал как на гнездо народной деморализации, и это представление неоднократно подкреплялось тем, что члены кагала сплошь и рядом оказывались в той или иной степени прикосновенными к делам уголовного характера [2]). К тому же, как мы знаем, правительство не раз получало от прогрессистов сообщения о неприглядных чертах кагально-раввинского союза, выслушивало их заверения, что при существовании кагала тщетна всякая борьба с теми ненормальными социально-экономическими условиями еврейской жизни, державшими народ в тисках невежества и нищеты, не соответствовавшими ни нуждам самих евреев, ни государственному благу, которые поддерживались кагалом и раввинами в личных интересах. Наконец, деятельность кагала и раввината рисовали в мрачных красках также крещеные евреи, к голосу которых правительство особенно чутко прислушивалось [3]).

И все же правительство продолжало терпеть кагал из вышеотмеченных полицейских соображений, щадя его также как орган, собиравший для казны подать с населения. Что касается раввинов, то применительно к христианскому духовенству, обязанному освящать авторитет светской власти, правительство, расчитывая превратить их в своих послушных агентов, считало необходимым не только официально признавать раввинат и охранять его престиж в глазах еврейского народа, но и заблаговременно награждать его за будущую службу. Эта мысль приняла реальную форму уже к тому времени, когда подготовлялось введение рекрутской натуральной повинности: раввинов освободили от рекрутчины, „чтобы, с одной стороны, показать уважение к званию, евреями уважаемому, с другой — *более расположить их* сим преимуществом *к пользам и видам правительства*" [4]), а Положение 1835 г. установило ряд наград для раввинов.

[1]) См. том I, стр. 175.

[2]) См. выше, стр. 11—15.

[3]) Когда священник кронштадтской церкви прислал в 1828 г. в Петербург рапорт о том, что евреи-матросы, принявшие православие, открыли ему, как духовному отцу, „о злоумышлении раввинов и кагалей", Николай оставил у себя эту бумагу (Архив собст. его велич. канцелярии, дело № 5135).

[4]) Мемория директорского Комитета за сентябрь 1826 г. (архив деп. полиц. исполнит., 1827 г. дело № 624), глава „О правилах устава", § 8,

Под „пользами и видами правительства" разумелись в данном случае не столько общие интересы государства (соблюдение порядка на местах, своевременная уплата податей и т. п.), сколько специальные требования, пред'являвшиеся к одному лишь еврейскому народу и притом относившиеся, главным образом, не к тем или иным его действиям и поступкам, а к его национальной обособленности, религиозным верованиям и проч., т. е. к тому, что на языке тогдашних ведомственных канцелярий называлось „еврейским фанатизмом" и что многообразно угрожало, по мнению правительства, безопасности христианского общества.

В вопросе о необходимости обуздать „еврейский фанатизм", т. е. ослабить религиозно-национальную замкнутость, правительство не было одиноко—его союзниками были прогрессисты. Конечно, не могло быть речи о полном единомыслии между представителями власти и прогрессивных кругов, так как первые стремились, главным образом, к тому, чтобы посредством культурно-просветительной реформы сделать еврейский народ безвредным, безопасным для окружающего населения, и интересы самого еврейского народа отступали на задний план; прогрессисты же были воодушевлены надеждою, что, приобщившись к общему образованию, освободившись от кагально-раввинского деспотизма, отвергнув чрезмерные стеснения религиозно-бытового характера, народ возродится материально и духовно. Тем не менее помощь, которую предлагали прогрессисты в деле насаждения общего образования, должна была в значительной мере облегчить задачу, стоявшую пред правительством. Оно это сознавало. И все же в течение долгого времени не проявляло готовности реально взяться за осуществление хотя бы лишь частичной культурной реформы. Тут безрезультатным осталось даже вмешательство Николая. Еще в 1831 г. он дал знать директорскому комитету, что „в числе мер, могущих улучшить положение евреев, нужно обратить внимание на исправление их обучением и воспитанием, заведением фабрик, запрещением ранних браков, лучшим устройством кагалов и коробочных сборов, переменою одеяния", при чем в вопросе о школах он рекомендовал руководствоваться примером одесской школы[5]). Но разработанное в ту пору и изданное в 1835 г. Положение о евреях ничего не сделало для широкой культурной реформы, которую Николай наметил в нескольких строках.

Эта апатичность тем резче бросается в глаза, что правительство с исключительной активностью разрешало вопросы экономического характера. И именно это сопоставление дает возможность об'яснить

---

[5]) Департ. полиции исп., 1831, дело № 867 „Касательно улучшения положения евреев". Об одесской школе—см. выше, стр. 4.

медлительность, с которой мысль о культурной реформе приближалась к своему осуществлению. Как мы знаем, правительство не проводило никаких положительных мер для облегчения экономического положения еврейского народа. И вот почему: подобные меры требовали или значительных денежных издержек или отмены целого ряда правовых ограничений, установленных в отношении жительства и передвижения; но материальных средств, нужных для устройства земледельческих колоний, для массового переселения на новые места и т. д. казна не имела, взыскать же потребные для этого суммы с самого еврейского населения представлялось невозможным в виду его нищенского состояния; что касается ограничительных постановлений, то могло ли правительство от них отказаться, когда именно репрессивными постановлениями оно традиционно разрешало все экономические конфликты, возникавшие между еврейским и христианским населением.

Конечно, культурная реформа также требовала известных—правда, меньших—затрат (устройство школ), но главное препятствие, лежавшее на пути ее, заключалось в том, что одними запретительными постановлениями нельзя было обойтись в этой области; для проведения же положительных мер не хватало готовности на большую сложную работу.

Дело общей реформы не шло вперед. Между тем местные администраторы засыпали Петербург проектами то одних, то других частичных преобразований.

В середине 1840 г. Николай приказал рассмотреть несколько таких проектов в особом комитете из подлежащих министров, а затем в Государственном совете. Тут были затронуты различные вопросы: учреждение губернских раввинов, которые обуздывали бы местный раввинат; принятие мер против „тайного суда“ (бес-дина); насаждение просвещения; побуждение евреев к оседлой жизни; выселение из сел и деревень; полное устранение из органов сословно-городского самоуправления и др. Предложения носили репрессивный характер — осуществление некоторых из них должно было сопровождаться угрозою крайне суровых кар. И именно поэтому комитет из министров и Государственный совет отнеслись к упомянутым проектам весьма сдержанно, находя, что достаточно существующих ограничительных законов [6]). Тогда Николай поручил министру государственных имуществ графу Киселеву (одному из виднейших государственных деятелей той

---

[6]) Мемория общего собрания Госуд. совета 28 октября 1840 г. См. также: журналы и доклады Еврейского комитета (о котором речь ниже), ч. I—здесь имеется выписка из означенной мемории, а также записка министра внутр. дел от 10 июня 1840 г. в Госуд. совет.

эпохи) рассмотреть указанные проекты с точки зрения „общей цели устройства евреев". К этим материалам вслед затем была присоединена записка одного генерал-губернатора, который, в целях „улучшить" материальное положение евреев, предложил план: разделив евреев подведомственного ему края на *разряды* (купцов, ремесленников и др.), одних оставить на местах, а прочих, составляющих главную массу, обратить в военно-рабочие роты и поселить их в западных губерниях на казенных землях по примеру пахотных солдат.

Киселев вообще высказывался против углубления ограничительного законодательства, против крайних принудительных мер, но ему приходилось считаться со склонностью Николая и местных влиятельных администраторов разрешать вопросы еврейской жизни путем репрессивных постановлений, и это отразилось на представленной им Николаю записке *о коренном* преобразовании еврейского быта.

Необходимость такой коренной реформы мотивировалась тем, что „отсутствие между евреями всякого полезного труда и вредные занятия их мелочной промышленностью, сопровождаемые всякого рода обманами и хитростями", заставляли правительство устанавливать правовые ограничения или принимать меры для поощрения к земледелию и другим полезным занятиям, но все это осталось бесплодным благодаря тому, что не было общего плана преобразования; поэтому надо исследовать корень их упорного отчуждения от „общего гражданского быта", т. е. рассмотреть их религиозное учение, „в котором скрываются причины отчуждения их от гражданского быта".

Принимая во внимание тогдашнее духовное состояние еврейского населения, обросшего тиною религиозно-национальных предрассудков, суеверия и невежества, следует признать, что если записка и допустила неверные заключения о еврейском вероучении, то, в общем, она правильно учла последствия, к которым привело господство религиозно-национального момента в еврейском быте. Во всяком случае, духовное состояние евреев было охарактеризовано в записке соответственно тому, что говорили об этом известные нам прогрессисты—Ис. Б. Левинзон, Фейгин и Гезеановский [7]), на заявления которых записка неоднократно ссылалась.

Опираясь на примеры Запада, Киселев проектировал положить в основу будущей реформы — нравственно-религиозное образование, „согласно с целью общих гражданских установлений", и уничтожение или ослабление органов еврейского самоуправления, „отделяющих сей

---

[7]) См. о них выше, в первой главе настоящего тома. Записка Киселева опубликована С. Дубновым в „Восходе", 1901 г. кн. IV и V („Историч. сообщения"). Подлинник в архиве Еврейского Комитета (хранится в здании б. архива госуд. совета).

народ от гражданского устройства". Так как религия — читаем мы в записке — не может быть уничтожена ни равнодушием, ни гонением со стороны властей, то правительству следует в своих целях использовать моральную силу религии, действующую на народ; поэтому, не выступая против еврейского вероучения, надо стремиться лишь к постепенному ослаблению влияния Талмуда.

Основная цель реформы — гражданское сближение евреев с окружающим населением, а для этого необходимо: устроить особые еврейские школы, в которых наряду с еврейскими предметами преподавались бы общие науки; создать кадр образованных губернских раввинов, которые парализовали бы фанатизм раввината; запретить ношение традиционной одежды; упразднить кагалы, а вместе с тем урегулировать коробочный сбор, обратив его частично на учреждение школ, устройство фабрик, земледельческих поселений и пр.

Предполагалось, что эти меры приведут к благоприятным не только культурным, но и экономическим последствиям. Действительно, можно было ожидать, что просвещение уничтожит ряд бытовых явлений (ранние браки, отрицательное отношение к физическому труду, склонность надеяться на общественную помощь и др.), поддерживавших тунеядство, способствовавших массовой безработице. Но нельзя было ожидать, чтобы благодаря указанным мероприятиям все еврейское население обратилось к „полезным занятиям", под которыми разумелся земледельческий, фабричный и ремесленный труд, так как, с одной стороны, сохранялись ограничительные законы, лишавшие значительную часть населения возможности находить применение для своего труда, с другой же стороны — ниоткуда не ожидалась такая мощная материальная помощь, которая позволила бы неимущим подняться, чтобы устроиться на новом месте, при новых занятиях.

Приписывая столь сложное явление, как „праздность" множества евреев, их „закоренелым привычкам", т. е., считая, что масса могла бы найти заработки, но отказывается от некоторых видов труда в силу традиций, автор записки готов был примириться с тем, что не нынешнее, а только последующие поколения, просветившись, возьмутся за производственный труд и этим разрешат вековую экономическую проблему в черте еврейской оседлости. Но вместе с тем ему было очевидно, что царившая там нищета представляла собою слишком грозное явление, чтобы можно было терпеливо ждать нарождения новых поколений, что нужно было принять немедленно меры к смягчению ее.

Таким образом, всплывал старый вопрос о еврейской нищете. Как же он был разрешен Киселевым? Так, как обычно разрешались в отношении евреев вопросы экономического характера — путем при-

нудительных мер. Сам порицавший репрессивную политику, считавший ее осужденною на неуспех, признававший неосуществимым упомянутый выше проект о разделении евреев на „разряды", Киселев не предложил иного средства для разрешения тяжелой экономической проблемы, как следующее: разделить мещан (т. е. все еврейское население за исключением небольшого числа купцов) на *два разряда*: в первый включаются те, кто имеет прочную оседлость и имущество, во второй—лишенные оседлости и имущества; последним дается пятилетний срок, чтобы они — при поддержке со стороны коробочного сбора—стали цеховыми ремесленниками или земледельцами, по прошествии же этого срока всех, кто остался в прежнем состоянии, стеснить новыми правовыми ограничениями (выселением из деревень), а главное—подвергнуть особой военно-трудовой повинности: установить с них усиленные наборы рекрут (втрое против обыкновенного) с сокращенным сроком службы (в десять лет), дабы, „употребляя их в армии и флоте преимущественно в разных мастерствах, обращать потом, согласно с желанием их, в цеховые ремесленники или в состояние земледельцев", и таким образом „содействовать к увеличению класса полезных евреев, уменьшая в то же время число бесполезных и вредных".

Николай одобрил эту записку, и тогда же (декабрь 1840 г.) по предложению Киселева был образован „Комитет для определения мер коренного преобразования евреев" (обычно именуемый Еврейским Комитетом), чем было положено начало своего рода „эпохи великих реформ".

Характерно, что, наметив личный состав Комитета, Николай забыл о министре народного просвещения, хотя последнему предстояло сыграть важнейшую роль в реформе еврейского быта. Очевидно, внимание Николая было сосредоточено не на просвещении, а на мерах принудительного воздействия, и лишь по особому представлению Киселева в Комитет был назначен министр народного просвещения граф Уваров.

Комитет принял в общем программу, намеченную Киселевым, формулированную в следующих выражениях: „Действовать на нравственное образование нового поколения евреев учреждением еврейских училищ в духе, противном нынешнему талмудическому учению; уничтожить кагалы и подчинить евреев общему управлению; учредить губернских раввинов, которые, получая содержание от казны, влиянием своим могли бы содействовать видам правительства; запретить употребление особой еврейской одежды; открыть евреям способы заняться земледелием; привести в порядок коробочные сборы и отделить потребные суммы на содержание училищ, раввинов и на переселение на казенные земли; затем, разделив евреев, по свойству их занятий, на

полезных, как то: купцов, ремесленников и земледельцев, и на неимеющих постоянного, так сказать, *производительного*, способствующего общему богатству и благу, *занятия*, подвергнуть последних разным мерам ограничения, в том числе рекрутскому набору втрое более против обыкновенного".

Сознавая, что правительство не в состоянии дать денежные средства, без которых нельзя было приступить к реформе, Комитет возложил свои надежды на коробочные сборы, тем более, что по словам некоторых „благонамеренных" евреев для реформы было достаточно средств у самого еврейского народа, которые и можно было извлечь путем коробочного сбора (на коробочный сбор, как на источник для школостроительства, указал, между прочим, и Фейгин). Далее, основываясь на заверениях тех же евреев, Комитет пришел к заключению, что преобразования следует осуществить постепенно, одно за другим, так как если вся реформа в целом будет об'явлена сразу, то встретятся непреодолимые препятствия как в фанатизме массы, так и в личных интересах ее главных руководителей, которые приложат все средства противодействия. И поэтому была установлена следующая последовательность в издании законов о преобразовании различных сторон еврейского быта: 1) упорядочение коробочного сбора, а вместе с тем уничтожение кагала; 2) устройство училищ; 3) учреждение губернских раввинов; 4) поселение евреев на казенных землях; 5) разделение на полезных и не имеющих постоянного производительного труда; 6) запрещение носить еврейскую одежду.

После этого министры занялись разработкой реформы, каждый по своей части, а представителю жандармского ведомства было поручено распорядиться о „пристальном наблюдении за происками и действиями, могущими последовать во время производства сего дела".

Как мы видели, Комитет хотел, предварительно создав материальную базу для реформы и устранив противодействие со стороны организованного консерватизма, в первую очередь — учредить школы и принять меры к устройству земледельческих селений, и лишь потом приступить к разделению народа на классы. Комитет мыслил меру „разбора" лишь в далеком будущем и вряд ли рисовал ее себе в реальной форме. А между тем усиленная рекрутчина, к которой должен был привести „разбор", представлялась многим местным администраторам наиболее заманчивой и существенной частью реформы. Так, виленский генерал-губернатор предложил проект, который шел даже дальше „разбора": он рекомендовал сдавать в рекруты *поголовно всех* евреев, достигших пятнадцатилетнего возраста, дабы, бросив их в русскую среду, искоренить в них фанатизм. Комитет Киселева отверг этот план. Более того, чтобы положить конец таким домогательствам, он вновь

перечислил в своем журнале указанные выше меры в той последовательности, в какой они должны были быть осуществлены, расчитывая что журнал по обыкновению будет утвержден Николаем и таким образом будет окончательно установлено, что реформа должна быть достигнута путем школ, путем изменения бытовых условий еврейской жизни. Но случилось иное: мера „разбора" в порядке последовательности стояла на пятом месте—Николай велел перенести ее на третье; было предположено брать рекрутов с бесполезных евреев *втрое* против обычной нормы. Николай, найдя это число недостаточным, приказал довести его до *пяти* [8]).

Все прогрессисты были согласны в том, что оздоровление духовной и материальной жизни массы наступит лишь тогда, когда подрастающее поколение пройдет через общеобразовательную школу, и потому создание ее явилось ближайшей целью их стремления. Но между ними существовало острое разногласие по вопросу о характере школы: незначительное меньшинство, устами Гезеановского утверждавшее, что раввины „по силе своего Талмуда должны быть врагами образования", исключало из учебного плана преподавание Талмуда, остальные же, уверенные, что, научно-освещенный и тем самым освобожденный от вредных наростов, Талмуд перестанет служить источником религиозно-национальных предрассудков, решительно стояли за сохранение Талмуда в учебной программе. Фейгин, один из представителей большинства, проектировал устройство школы, в которой высший класс был бы посвящен изучению Талмуда.

Панически страшась таинственного Талмуда, правительство охотно пошло бы по стопам Гезеановского. Но опасение остаться в этом случае без надлежащей поддержки даже со стороны передовых еврейских кругов и сознание, что исключение Талмуда из учебной программы стихийно отвратит массу от новой школы, заставляло итти на уступку, допустить преподавание его. А в связи с этим возникал вопрос — как сочетать на практике две задачи: вызвать в обществе доверие к школе, а одновременно лишить ее, по возможности, многовековой религиозно-национальной окраски. Вообще, правительство предвидело, что по пути к осуществлению школьной реформы встретятся чрезвычайные препятствия, что одни чиновники не справятся со столь сложной задачей, что предстоит действовать в деловом общении с прогрессистами, для чего необходимо выбрать из них наиболее энергичного и тактич-

---

[8]) См. журнал Комитета от 11/I и 26/XI 1841 г. и дело Комитета № 2 „Об устройстве евреев".

ного и поручить ему ответственную роль посредника между правительством и еврейским обществом.

Среди педагогов, известных правительству по своей деятельности в еврейских училищах с общеобразовательной программой, наиболее выделялся Штерн [8-а]), руководитель Одесской школы, о которой и местное начальство и даже Николай были высокого мнения. Но на петербургском горизонте неожиданно появилось новое лицо—Макс Лилиенталь, и по воле случая выбор пал на него. Едва только окончивший Мюнхенский университет 24-летний Лилиенталь получил в июне 1839 г. (по рекомендации известного ученого Людвига Филиппсона) от еврейского общества предложение стать во главе вновь созданной в Риге школы с общеобразовательной программой. Направляясь в Ригу, Лилиенталь предварительно заехал в Петербург, чтобы представиться министру народного просвещения Уварову, к которому имел рекомендательное письмо от русского посланника в Баварии,—очевидно, Лилиенталь уже в ту пору возмечтал об активном участии в насаждении просвещения среди русского еврейства, для чего и нужно было стать известным министру народного просвещения. Уваров принял Лилиенталя весьма ласково и направил его к министру внутренних дел графу Строганову, который также встретил его радушно. От них Лилиенталь узнал об образовании Комитета из министров для обсуждения положения евреев в стране [9]), при чем оба министра заявили ему, что он может быть им полезен. Лилиенталь тотчас разработал для них два проекта: 1) учреждения „еврейской консистории", составленной из европейски образованных людей и из раввинов и долженствовавшей давать „наставникам и учащимся и всем паствам надлежащее гражданское направление, сообразное с видами правительства", и 2) учреждения „духовной семинарии" для подготовки раввинов и учителей „по общим, очищенным нравственным основаниям" [10]). Из этих проектов можно заключить, что в беседах с министрами Лилиенталь выказал себя решительным противником „закоснелых талмудистов", готовым на принудительные меры против них.

В Риге Лилиенталь в короткое время сумел поставить свою школу на высоту. Местное учебное начальство сообщало в Петербург об его изумительном успехе. И вот почему, когда в 1841 г. Уварову, как члену киселевского комитета, было поручено разработать школьную реформу, он тотчас вызвал Лилиенталя к себе.

[8-а]) О нем см. выше, стр. 4.

[9]) О Комитете см. выше стр. 78.

[10]) *Ю. Гессен.* Исторические миниатюры. Петербург в 1839 г. („Новый Восход" 1912 г. №№ 31 и 32). Проект Лилиенталя—см. архив мин. вн. дел, департ. иностр. испов., 19 дек. 1839 г., № 36 (по описи II бывш. III отд., 1820—63 г.г.).

Ведя по поводу будущих училищ переписку и личные переговоры с некоторыми русскими и заграничными евреями, Уваров пришел к заключению, что главным препятствием к распространению просвещения являются, как он писал в докладе Николаю, „корыстолюбие раввинов и ложное предубеждение, будто бы Талмуд должно считать необходимым для евреев учением". Он встретил некоторых „благомыслящих просвещенных евреев, готовых под руководством правительства противодействовать талмудистам", но среди них не нашлось ни одного, который согласился бы „провозгласить себя преждевременным их противником"; поэтому, имея в виду пример одесской и рижской школ, где частичное преподавание Талмуда оставлено только „для виду", где обучение „вовсе удалено от духа талмудистов", надо создать сеть школ, направленных против господства Талмуда в еврейской жизни; однако, цель новых школ не должна быть разглашена, пока общество не привыкнет к ним [11]).

Этот документ свидетельствует, что Уваров и представители прогрессивного лагеря не договорились до конца; последним оставалось неизвестным, что их стремлению сохранить за Талмудом известное место в условиях современности Уваров тайно противопоставлял желание совершенно исключить из обихода Талмуд, как кодекс, будто бы, антихристианской морали. И эта недоговоренность сказалась при фактическом осуществлении школьной реформы.

„Друзья просвещения" представляли небольшую горсть в массе ортодоксов и хасидов, и так как последние являлись наиболее консервативным элементом, то прогрессисты вместе с Лилиенталем намеревались склонить Уварова к принятию репрессивных мер против хасидов, в частности—против видного цадика р. Менделя Шнеерсона, называвшегося по своей резиденции Любавичским. Лилиенталь сообщал министерству неблагоприятные сведения о хасидах, указывал, что от них надо ожидать систематического сопротивления и что это потребует самых решительных мер со стороны правительства, при чем, чтобы воздействовать на Уварова, прогрессисты помещали в заграничных еврейских органах соответствующие статьи, которые и доставлялись ему. Но в министерстве призыв к борьбе с хасидами не встретил сочувствия. Впрочем, все же по предложению Уварова шеф жандармов установил тайный надзор за Менделем Любавичским.

Вообще прогрессисты склонны были применять к противникам просветительной реформы принудительные меры. Когда выборные виленского общества заявили Лилиенталю, что они не питают особого доверия к новым мероприятиям и с мрачным предчувствием взирают на

[11]) Архив мин. нар. просв., дело № 80574-а.

будущее, Лилиенталь, настаивая, чтобы они дали средства для открытия в Вильне школы, пригрозил, что всякое противодействие может навлечь на евреев лишь новые бедствия. На требование же виленского общества гарантировать, что правительство не посягнет на религию, Лилиенталь, указав, что воля монарха неограниченна, заявил: „Все, что я, как единоверец ваш, могу вам обещать, это то, что я не сделаю ни шага к осуществлению правительственного плана до тех пор, пока не буду иметь полнейшего ручательства в том, что ничего не будет предпринято против нашей священной религии, и пока мне не будет дозволено оставить свою службу во всякое время, как только удостоверюсь в противном, и что я не буду уклоняться ни от каких оскорблений со стороны моих собратьев в том случае, если я нарушу обет, данный мною в эту священную минуту".

Лилиенталь верил в силу „просвещенного абсолютизма", мнил, что, имея за собой правительственную власть, можно сильными ударами преобразовать культурный быт, проложить новые исторические пути. Он готов был итти на принудительные меры, лишь бы скорее побороть препятствия. Он заставил народных учителей-меламедов, влачивших нищенское существование, платить налог в пользу новых школ, столь ненавистных им, чем создал себе врагов, которые, пользуясь влиянием в широких еврейских массах, сумели настроить общество против него. В связи с этим в Минске ортодоксы обрушились на Лилиенталя с обвинением в предательстве. В ответ на это Лилиенталь обратился за содействием к губернатору, который и вызвал виднейших представителей общины, чтобы сделать им внушение.

Министерство народного просвещения было, повторяем, настроено против подобных воинственных выступлений, оно желало внешнего об'единения враждебных между собою общественных элементов. Поэтому было решено образовать особую комиссию, в составе наиболее видных раввинов, „для содействия видам правительства" по школостроительству. А дабы в комитет вошли надлежащие лица и правительство ближе ознакомилось с настроением общества, Лилиенталю было поручено об'ехать губернии черты оседлости, при чем местные власти получили предписание не препятствовать ему совещаться с общественными деятелями.

Поездка Лилиенталя по черте оседлости, сопровождавшаяся в ряде городов многочисленными собраниями, на которых он призывал общество оказать поддержку правительству в его просветительной деятельности, была для Лилиенталя сплошным триумфом. Открытого противодействия Лилиенталь нигде не встречал; напротив, даже ортодоксы и хасиды своим внешним миролюбием заглушили в нем гневные порывы, и в этой благоприятной атмосфере Лилиенталь в полной мере

проявил свои духовные силы. Его непосредственное общение с представителями различных религиозных течений, поддержкой которых он стал одинаково дорожить, а затем переписка из Петербурга с провинциальными деятелями значительно способствовали распространению идеи о необходимости общего образования.

Сперва было предположено пригласить учителей из-за границы. Лилиенталь и даже Уваров переписывались по этому поводу с выдающимися западно-европейскими учеными евреями; было намечено более сотни кандидатов. Но местные прогрессисты были крайне недовольны предпочтением, которое оказывалось заграничным педагогам. Даже то, что во главе школьной реформы был поставлен иностранец Лилиенталь, раздражало прогрессистов. Когда же было решено обратиться к местным силам, в черте оседлости образовались значительные группы людей, заинтересованных в учреждении школы и потому старавшихся об ее популяризации.

Впечатление было таково, что торжество прогрессивных элементов обеспечено. Но это был мираж. Пользуясь покровительстом администрации, передовые круги могли открыто действовать в пользу просвещения. Противники же реформы должны были не только молчать, но даже выказывать внешние знаки расположения к проектируемым школам. А их виднейшим представителям пришлось против воли официально санкционировать устройство этих училищ. В упомянутый выше комитет „для содействия видам правительства" были назначены глава ортодоксии Ицхак Воложинский и уже известный нам Мендель Любавичский. Кроме них, так как других авторитетных раввинов не оказалось, были определены педагог Базилий Штерн и бердичевский банкир Гальперин, пользовавшийся влиянием в консервативных кругах края [12]). Эта коллегия, разумеется, была вынуждена принципиально одобрить школьную реформу, хотя, конечно, единомыслия не могло быть среди представителей столь крайних мнений. Впрочем, комиссия внесла известные поправки в министерский проект.

Вскоре после этого настал момент, когда нужно было уже реально осуществить школьную реформу. Но к этому времени Лилиенталя не оказалось в России. Его от'езд из России (1844 г.) — если не бегство — окутан тайной. Еще в 1842 г., вскоре по опубликовании указа о пред-

---

[12]) Отметим, что Лилиенталь уклонился от посещения Ис. Бер. Левинзона и последний не был приобщен к просветительной реформе. Впрочем, книги Левинзона были значительно позже введены в школах в качестве учебников (архив мин. нар. просв.: № 83529 карт. 2965 „О причислении Л. к испыт. комитету при житомирском евр. училище", 1847 г.; № 111018 карт. 1865 „О принятии в руководство книг Л.", 1854—1861 г.).— Ср. письмо Левинзона к Уварову от 1848 г. („Пережитое, т. I, ч. II, стр. 35). См. „Смена общественных течений" („Пережитое" т. III).

принятой школьной реформе, Лилиенталь писал одному виленскому прогрессисту: „Если вы спросите: но ведь этот указ не даст нам ни хлеба, ни платья, зачем же нам знания и науки, когда нет материальной опоры? Тогда знайте, что указ этот является первым, за которым еще в этом году последуют три или четыре указа, из которых вы воочию убедитесь, что правительство действительно желает принести добро и благо нашим братьям. Наступающие дни будут лучше дней минувших, когда мы были отданы на смех и позор". Эти надежды Лилиенталя не сбылись—положение евреев не только не улучшилось, но „разбор" и другие мероприятия предвещали наступление еще худших дней. И, вероятно, эти обстоятельства, приведя Лилиенталя к мысли, что его труды не дадут желаемых плодов, побудили его покинуть Россию [13]).

При продолжавшейся развиваться репрессивной политике правительства школьная реформа должна была получить характер исправительной меры в самом грубом смысле этого слова, тем более, что правительство было далеко от мысли о насаждении просвещения в широких слоях русского народа [14]).

---

[13]) Лилиенталь в течение многих лет состоял раввином в Цинциннати (Америка), где развил деятельность в качестве педагога, журналиста и издателя (умер в 1882 г.). См. мою статью о нем в Еврейской Энциклопедии, т. X, стр. 214—15 (особенно—библиографич. указания).

[14]) Важнейшие архивные документы: архив мин. нар. просвещения № 80573 карт. 1254 „По отношению министра госуд. имуществ о доставлении к нему дел по предмету образования евреев". № 80578/1254 „О числе евреев, обучающихся в учебных заведениях, подвед. м-ству нар. просв.". № 80574 (80574-а) „Определение общих начал, на которых должна быть построена система образования евреев". № 80586/1254 „О вызове учителей для еврейских училищ в России из-за границы". № 80582/1254 „О совещаниях и переписке с Лилиенталем и другими учеными евреями". № 80575/3697, ч. II, „Учреждение особой комиссии из евреев для содействия видам правительства". № 80620/1101 „По прошению д-ра Лил-ля о дозволении ему оставаться в беспрерывных письменных сношениях с евр. обществами" (обширная переписка). № 80602/1254 „Об отправлении д-ра Лил-ля в губернии, населенные евреями". № 80612/1101 „О переписке д-ра Лил-ля с загр. учеными евреями" (письма Монтефиоре и Кремье напечатаны мною в „Пережитом", т. I, ч. II стр. 27—29). № 80585/1254 „По письму магдеб. еврея д-ра Филиппсона с препровождением письма на высоч. имя". № 83574/2962 „По отношению м-ра госуд. имуществ о главных видах правительства к устройству евреев".

Печатные источники: М. Моргулис, Вопросы евр. жизни (СПБ. 1889 г.), глава „К истории образования русских евреев". — Л. Леванда, По поводу статьи М. Моргулиса („Еврейская библиотека", т. 3, стр. 360—72). — А. Белецкий, Вопрос об образовании русских евреев в царств. Николая I (Спб. 1894 г.). — С. Цинберг, Ис. Б. Левинзон и его время („Евр. Старина", 1910 г., кн. 4). — С. М. Гинзбург, Русское правительство и вопрос об образовании евреев в первой половине 19 века (вступительная статья в книге „Описание дел бывшего архива мин. пар. просвещения.

Для учреждения и содержания школ необходимы были денежные средства. Взоры, как было отмечено выше, обратились на коробочный сбор, издавна покрывавший общинные нужды.

Был момент, когда правительство, как мы уже знаем, потребовало, чтобы коробочные сборы шли в первую голову на покрытие общинных долгов, и следовательно там, где эти долги были значительны, от сбора, столь тягостного для населения, ничего не осталось бы для общинных потребностей. Тогда в виде протеста против этого нововведения никто из Могилевской губернии не согласился взять коробочные сборы на откуп, и правительству пришлось разрешить производить из сумм коробочного сбора расходы, „относящиеся к исполнению обрядов еврейского вероисповедания", под каковое понятие могли быть подведены разнообразные общинные потребности [15]). Однако, министерство финансов продолжало возобновлять старые свои попытки использовать коробочные сборы в целях исправного взимания податей с еврейского населения. Это дало повод подвергнуть детальному рассмотрению вопрос о коробочном сборе вообще, и тогда стали говорить об упразднении его, так как уплата подати за неимущих из сумм коробочного сбора развивает в них склонность к праздности (Фейгин), освобождая их от забот, и так как значительная часть сбора остается в руках откупщиков и сборщиков; указывалось также, что сбор с предметов питания не соответствует общим государственным стремлениям о народном продовольствии, а потому, если сбор оставить, то во всяком случае надо взимать его не с съестных припасов, а только с предметов, „касающихся веры и обрядов евреев" (субботние свечи, райские яблоки и др.); с другой же стороны возникало опасение, что сбор с предметов культа окажется недостаточным для покрытия общинных нужд и что общины перестанут в этом случае вносить подати за неимущих. В конце концов одержало верх мнение, что коробочный сбор должен быть сохранен, так как, будучи косвенным, он является более легким, чем любой прямой налог: он „уплачивается в цене приобретаемой вещи", „нечувствительными мелкими долями, без всякого срока и условий" и

Казенные евр. училища", Спб. 1920. Составленное не компетентными лицами, „Описание" не может служить подспорьем при историч. изысканиях).—П. Марек, Очерки по истории просвещения евреев в России (М. 1909). Глава: Накануне просвещения.—Юл. Гессен, Смена обществ. течений („Пережитое", т. 3). Его же, Цадик Мендель Любавичский („Восход", 1905 г. кн. I. По материалу архива мин. нар. просвещения: № 80589 „О Менделе Любавицере", № 80575, ч. 2). Письмо Лилиенталя к М. А. Гинцбургу и письмо ортодоксов к отцу Лил-ля („Пережитое", т. II, стр. 289—295). — Jul. Hessen, Die russische Regierung und die Westeurop. Juden. Zur Schulreform in Russland 1840—44 („Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums, 57 Jahrgang. Отдельно Спб.1913).—Pauline Wengeroff, Memoiren einer Crossmutter (Berlin, 1908 г.), стр. 118—37.

[15]) См. выше, стр. 67.—Вт. собрание законов, № 3237 (1829 г.).

представляется более „уравнительным“, так как всякий оплачивает этот сбор соответственно своему материальному положению. И тогда в силу закона 1839 г. сбор стал обязательным, его должны были ввести и те общины, которые им ранее не пользовались. Коробочный сбор продолжал считаться принадлежащим еврейским обществам, но наблюдение за установлением размера сбора и его расходованием было поручено губернскому начальству.

По закону 1839 г. коробочным сбором повсеместно облагались: убой скота, резка птиц и продажа кошерного мяса, а там, где была надобность в больших средствах, сбором облагались также: право производить торговлю и промысел, капиталы, оставшиеся после умерших и т. д. Обложение же сбором предметов культа, допускавшееся в некоторых общинах, впредь было „навсегда“ запрещено „как не соответствующее целям правительства“.

Назначение сбора было следующее: оплачивать общинные долги, содействовать исправному поступлению податей, содержать благотворительные учреждения и проч., под наблюдением городских дум[16]).

При разработке закона 1839 г. имелось в виду предназначить части этого коробочного сбора на устройство казенных школ, речь о которых стала в ту пору заходить, но в самом законе это не было прямо оговорено. Когда же было решено произвести коренную реформу еврейского быта не только посредством школ, но и путем других мер (равинат на службе у правительства, привлечение к земледелию), требовавших значительных материальных средств, коробочный сбор по закону 1844 г. (во многом повторившему закон 1839 г.) перестал признаваться достоянием еврейского народа, причем сбор был частично обращен на устройство школ и на пособие евреям, желавшим поступить в земледельцы.

Для школьных нужд был предназначен так называемый „свечной сбор“, входивший в состав коробочных сборов.

Налог на свечи, зажигаемые по пятницам, был некогда введен самими еврейскими обществами, но постепенно он почти всюду вышел из обихода. Когда правительство занялось упорядочением коробочного сбора, возникла мысль о совершенном упразднении свечного сбора, так как он является не косвенным, а прямым налогом, и при этом падает бременем главным образом на беднейший класс, который не может отказаться от совершения религиозного обряда. Поэтому свечной сбор не только был отменен, но закон (1839 г.) потребовал, как мы видели выше, чтобы и на будущее время евреи не вводили налога с предметов культа.

---

[16]) Второе собрание законов, № 12808.

Однако, об этом забыли, когда правительству понадобились средства для школ, долженствовавших в его духе перевоспитать еврейскую массу. Первоначально было предложено, чтобы три свечи, требуемые религиозным предписанием, не подлежали сбору, дабы освободить бедняков от обложения, но Уваров, ссылаясь на „многих благонамеренных евреев духовного звания", заявивших, что еврейское население не признает этого сбора тягостным, высказался, согласно мнению состоятельных евреев, против льготы для трех свечей, так как иначе и богачи перестанут зажигать большее число свечей, которыми они тешат свое „тщеславие", и таким образом вовсе не окажется средств для школ. Поэтому был установлен налог на свечи без всякого изъятия [17]).

На дело просвещения был обращен и другой сбор — так называемый туалетный, т. е. сбор за ношение *традиционного платья*. Он, впрочем, имел, как мы знаем, и самостоятельную цель, так сказать культурную: одной из мер коренного преобразования еврейской жизни должно было явиться запрещение одежды, которая, по мнению правительства и передовых еврейских кругов, отделяла евреев в общественной жизни от христиан. Чтобы не возвращаться в дальнейшем к вопросу об одежде, мы здесь на нем остановимся.

Подобно тому, как в начале 19-го века, в сороковых годах вокруг одежды шла борьба между правительством и прогрессистами, с одной стороны, и широкими консервативными массами—с другой.

Хотя депутатам еврейского народа удалось (1818 г.) добиться отмены закона, запрещавшего евреям вне черты оседлости носить одежду, отличающуюся от платья прочего местного населения [18]), все же старый запрет был восстановлен в силе Положением 1835 г. А затем (1839 г.) еврейским обществам было дозволено вводить, в качестве одного из видов коробочного сбора, налог на „*шитье* еврейской одежды" — „со всякого мужского и женского верхнего платья", стоящего более десяти рублей, или вообще „с новых платьев", и сдавать его в откупное содержание. Этот налог на платье, как надо заключить,

---

17). Вт. собрание законов № 18545. Архив Госуд. совета, департамент экономии: 1836 г. № 177 „О проектах преобразования короб. сбора"; 1838 г. № 99 (по журналу) „Об устройстве коробочного с евреев сбора"; 1839 г. №№ 69 и 85 „О проекте Положения об устройстве кор. с евреев сбора"; 1843 и 1844 г.г.; №№ 118, 141, 91, 164 (общее дело) „О короб. сборе с евреев". Общая канцелярия мин. финансов: I ст. I отд. 1836 г. № 43 „Учреждение короб. сбора"; 1837 г. № 31 „Короб сбор". Журнал Евр. комитета от 9 января 1843 г. Ср. Ю. Гессен, К истории короб. сбора в России (СПбург 1911 г.); Материалы, относящиеся к образованию евреев (СПбург, 1865 г.), стр. 20—27; Еврейская энциклопедия, статьи: Коробочный сбор (т. IX), Свечной сбор (т. XIV).

18) См. том I, стр. 157, 191—92.

должен был склонить еврейское общество к замене традиционной одежды общепринятою в христианском населении. Но цель не могла быть достигнута, потому что даже прогрессисты далеко не всюду осмеливались отказаться от традиционнного платья, опасаясь общественного осуждения и даже преследования.

Комитет Киселева признал необходимым запретить ношение еврейской одежды, но эту меру решено было осуществить лишь тогда, когда другие, более важные, окажутся уже проведенными в жизнь. Между тем, в виду недоразумений, возникавших между откупщиками „туалетного сбора" и портными, обязаными уплачивать его, было решено, чтобы сбор уплачивался не за шитье, а за *ношение еврейской одежды,* каждым евреем в отдельности.

В это время (1843 г.) группа виленских евреев обратилась в министерство народного просвещения с ходатайством, чтобы последовало высочайшее повеление о запрещении носить еврейскую одежду. Указывая, что „первою преградою" к насаждению просвещения среди евреев является „странный" костюм, просители заявили, что этот костюм вовсе не установлен религиозным учением; все благонамеренные евреи желали бы переменить одежду, но боятся „преследования суеверов, лицемеров", составляющих, по словам ходатаев, самую малую часть народа, но с которыми прочие находятся в родственной или торговой связи; поэтому-то и необходимо высочайшее повеление.

И подписавшись—в страхе пред консервативным лагерем—не на самом прошении, а на отдельном приложенном листке, ходатаи просили министерство не выдать их имена раввинам, „которые не оставят нас без отомщения".

Это ходатайство было передано на рассмотрение известной нам комиссии по образованию евреев „для содействия видам правительства", в которой были представлены столпы консервативного лагеря. Она признала, что в еврейском законе нет никаких постановлений об одежде. Но вместе с тем комиссия высказалась против принудительных мер, об'яснив, что перемена одежды явится естественным результатом лучшего образования и со временем произойдет без насилий и строгих мер; во всяком случае, полицейские меры не помогут; упрямство евреев в данном отношении вызывается тем, что в каждом специальном для них законе они видят косвенное нарушение их веры; хасиды „простирают это упрямство до неистовства". Чтобы склонить евреев к перемене одежды без ропота, член комиссии р. Ицхак Воложинский предложил следующее: воля царя по еврейскому закону — говорил Ицхак — так же священна, как и божья, если она относится ко всем без различия подданным, а потому надо, чтобы общий закон предписал всем „низшим сословиям" в западных губерниях носить определенное

платье, хотя бы то, которое носит христианское население, а вместе с тем запретил высокие шапки с дорогим мехом, жемчужные украшения для женшин и пр.; большая часть еврейского населения с радостью подчинится требованию, так как почти все чувствуют тягость дорогой одежды [19]).

Комиссия резко осудила лиц, ходатайствовавших о запрещении носить традиционное платье. Она заявила, что подписи 20—30 лиц не составляют желания общества, особливо в Вильне, „ибо там составилась партия из людей, отринутых от общества и презренных всеми, которые из видов корысти бросаются во все министерства с предложениями и проектами как-будто от имени общества, и таким образом обманывают правительство и дают ему ложное понятие о состоянии евреев".

А между тем среди лиц, выступивших против традиционного платья, на ряду с представителями купечества фигурировали поэт и педагог Соломон Залкинд, библиофил Матес Стращун, пользовавшийся большим авторитетом в еврейском научном мире, и, наконец, выдающийся писатель Мордехай Арон Гинцбург. Широко образованный, Гинцбург ополчался против религиозного фанатизма и предрассудков, но вместе с тем он выступал против нарушения религиозных предписаний и сам в личной жизни строго следовал традиционной обрядности. Однако, в вопросе об одежде Гинцбург сходился с радикальной интеллингенцией, считая, что в одежде—корень чуть ли не всех еврейских бед: „только благодаря различию в платье — писал Гинцбург — существует стена, отделяющая еврейское население от христианского; только из-за этого оба населения смотрят друг на друга как на людей двух разных пород".

Решив запретить ношение еврейской одежды с 1850 г., о чем население было заблаговременно предуведомлено, правительство установило (1844 г.) в виде временной меры взимание налога с традиционного платья, разрешив освобождать от сбора лишь детей и стариков; купцы уплачивали бо́льшую сумму, чем прочие. *Ермолка* являлась принадлежностью костюма; но она была обложена специальным сбором, а именно на основании резолюции Николая: „по 5 рубл. сер. за каждую, не более и не менее" (1848 г.).

Когда наступил срок расстаться с вековой одеждой, евреи, во избежание преследований, стали ее маскировать. Вообще возникли различные сомнения относительно ношения традиционного платья,

[19]) К этому времени (1845 г.) относится составление домашнего регламента для Белоруссии, имевшего целью побудить еврейское население к сокращению и удешевлению гардероба как в видах экономии, так и для того, чтобы ослабить в христианах зависть к евреям, одевающимся слишком богато („Еврейская Старина", 1910 г. стр. 110—117).

и поэтому были установлены (1852 г.) особые туалетные правила, в силу которых было запрещено, между прочим, „ношение пейсиков", а также ермолок вне молелен; женщинам же было возбранено брить головы и носить парики.

Эти правила не привели к практическим результатам—масса продолжала придерживаться старины; только под влиянием общего образования и новых бытовых условий традиционная одежда стала вытесняться общеевропейской в более крупных городах[20]) и при том лишь в отдельных еврейских кругах.

Одновременно с разрешением вопроса о материальной базе для будущих училищ необходимо было подумать об устранении противодействий школьной реформе и вообще „культурным" мероприятиям правительства, ожидавшихся со стороны консервативного лагеря, находившего опору в кагале. Еще незадолго до того — Положением 1835 г.—было подтверждено, что кагал предназначен „для управления делами, особенно касающимися до них (евреев) по раскладке податей и повинностей", т. е. для фискальных функций. Но теперь правительство уже перестало считаться с тем, что кагал заботится о взносе податей в казну. На кагал взглянули лишь как на очаг „фанатизма". В 1844 г. его упразднили[21]). Еврейское население перешло в ведение общих органов управления, из коих важную роль в его хозяйственной жизни стали играть городские думы, ратуши и магистрат, т. е. те учреждения, в которых участие еврейских представителей было доведено до наименьших размеров[22]). С другой же стороны, при упразднении кагала не была отменена круговая порука еврейских обществ за поступление податей в казну и за сдачу рекрут. „Еврейское общество", как финансово-административная единица, продолжало существовать, и те лица, которым были поручены функции по сбору податей и по сдаче рекрут—сборщики и старосты, заменили прежних кагальных старшин. И так как в ближайшие годы рекрутская повинность стала

---

[20]) Ю. Гессен, Борьба правительства с еврейской одеждой („Пережитое", т. I, часть 2-ая. Использовано дело из архива мин. нар. просв. № 80643. „По письму виленских евреев о перемене нынешней евр. одежды"). Журнал Евр. Комитета 9 янв. 1843 г. Дело Евр. Комитета № 36 „Об одежде евреев". Архив Департ. дух. дел. иност. испов. Комиссия по устройству быта евреев, дело № 45. Вт. собранне законов № 18545 (Положение о короб. сборе 1844 г. § 14), № 21985 (1848 г.), № 24127 (1850 г.) — О. Лернер, Евреи в Новоросс. крае, стр. 60 и след. — См. „Гонения на женские головные уборы" в 1856 г. („Евр. Старина", 1915 г., стр. 399 — 403). П. Левенсон, Туалетный налог („Восход", 1880 г., кн. XI—XII).

[21]) Вт. собрание законов, № 18546.

[22]) См. выше, стр. 52—53.

особенно тяжелой для евреев, а их экономическое положение продолжало ухудшаться, то эти носители власти, исполнявшие волю господствующего класса, явились олицетворением самого ужасного насилия [23]).

В число преобразовательных мер, как мы видели выше, было включено „учреждение губернских раввинов". Назначаемые от правительства и получая жалованье от казны (за счет еврейских обществ), они должны были „содействовать видам правительства".

Вместе с тем возникла мысль превратить *всех* раввинов в слуг правительства путем расширения тех льгот, которые оно уже раньше стало им предоставлять с целью привлечь их на свою сторону [24]) — освободить от всех податей и повинностей, давать награды и т. д. А чтобы уничтожить зависимость раввинов от общества, было предположено точно установить размер их жалованья (вместо существовавших свободных соглашений), а главное—отменить выборное начало, передав назначение раввинов в ведение местной администрации. Это мотивировалось тем, что пока раввины будут зависеть от обществ, еврейская масса останется попрежнему погруженной в невежество; надо назначать на раввинские должности таких людей, которые достаточно образованны, чтобы бороться с заблуждениями, „коими наполнены евреи и их религиозные книги" [25]).

Это, впрочем, осталось лишь в области планов, так как даже дело с губернскими раввинами оказалось более сложным, чем правительство предполагало, — никто из генерал-губернаторов не нашел ни одного раввина (1843 г.), который по своему образу мыслей подходил бы для роли губернского раввина. Только новороссийский генерал-губернатор предложил своего кандитата, но то был не раввин, а знакомый нам ученый педагог Базилий Штерн. Это обстоятельство заставило отказаться от губернских раввинов (в числе до 15 душ) и удовольствоваться назначением при генерал-губернаторах по два или три *инспектора* [26]).

Инспектора из „благонамереннейших" ученых евреев и преимущественно из раввинов, „пользующихся общественным доверием", предназначались к использованию их генерал-губернаторами „собственно по

---

[23]) Архив Госуд. совета, департ. законов, дела об уничтожении кагала: 1843 г. № 88, 1844 г. № 83.

[24]) См. выше, стр. 76.

[25]) Записка министра вн. дел от 24 янв. 1841 г. Еврейский Комитет, дело № 2, ч. I, стр. 261—64.

[26]) Архив госуд. совета, департ. зак., 1843 г., дело № 88 „О подчинении евреев общему управлению... и об учреждении губ. раввинов"; 1844 г., дело № 89 „Об учреждении между евреями губ. раввинов".

делам религиозным (кроме рассмотрения книг), где нужно нравственное влияние их к ослаблению *фанатизма* и тех еврейских установлений, которые не сообразны с общими нашими гражданскими законами".

В связи с этим вставал вопрос: в чем же реально выражается „фанатизм"? Если до сих пор, говоря о фанатизме, русские люди имели в виду лишь общую отчужденность евреев от окружающего общества и расплывчатые намеки, что какие-то явления еврейской жизни опасны для соседей, то, назначая инспекторов для повседневной борьбы с этим злом, надо было, наконец, узнать в подробности его содержание. Как водилось, об этом были запрошены генерал-губернаторы, которые, в свою очередь, снеслись с местными властями, и результаты собранного таким образом материала были сообщены в Петербург.

Виленский, гродненский, ковенский и минский генерал-губернатор Миркович заявил, что в подчиненных ему губерниях фанатизм евреев, в общем, „имеет одинаковое главное свойство: ненависть к иноверцам и направление понятий к правилам, противным общим гражданским учреждениям; цель действий или по крайней мере намерений евреев не составляет существенной принадлежности их веры, но возбуждается в них воспитанием, тщательным изучением Талмуда и других раввинских книг, удаляющих их от чистых оснований еврейского закона, и поддерживается разными религиозными обществами, суеверным и недостаточным своему назначению образованием".

Киевский генерал-губернатор Бибиков уведомил, что особенных видов фанатизма не замечается между евреями управляемых им губерний; но что, однако, живущие там евреи „все более или менее суеверны по невежеству своему, а иногда даже и смешны своими странностями и понятиями, чуждыми всякого благоразумного рассуждения".

Князь Долгоруков сообщил, что фанатизм евреев в Харьковской, Полтавской и Черниговской губерниях „проявляется наиболее в неискренних их отношениях к коренному населению, по которым еврей при удобном случае не упустит извлечь для себя пользу во вред христианину"; далее, евреи „по привязанности к закону своих предков, ревностно соблюдая установленные обряды их веры, внушают своим детям исполнять их с тем же усердием и для сего читают, толкуют по субботам и дням праздничным в домах священные книги, всевозможными происками стараясь не допускать ищущих св. крещения евреев к исполнению сего благого намерения"; они „скрывают и поддерживают всеми способами проступки и виновных из среды себя"; следуя Талмуду, не признают „противными нравственности и правилам своего закона поступков и действий во вред христианам и, занимаясь мелочною торговлею, дозволяют себе всякого рода обманы и ухищрения,

особливо против поселян“; кроме того, „некоторыми обрядами причиняют соблазн, как то: криком при богомолии в школах и синагогах, совершением браков не всегда в молитвенных домах, а чаще в дворах, на местах нечистых, ночными торжественными процессиями с факелами, совершаемыми при бракосочетаниях и погребениях“; вообще вражда к христианскому населению имеет началом своим учение Талмуда—„оно поселяет в его последователях дух гордости, превознесения над всеми другими народами, по понятиям евреев нечистыми и богопротивными, питает в них ненависть и жестокость к людям, чуждым еврейского закона“.

Прибалтийский генерал-губернатор Головин писал, что евреи в Остзейском крае, преимущественно в Курляндии—все „Раввинисты и Талмудисты“ (т. е. не хасиды), но что между ними „нет ни единого еврея или раввина, которые бы знали и вполне понимали умозрительные толки Талмуда и которые бы могли проповедническим влиянием своим распространять между единоверцами правила Талмуда, не сообразные с общими гражданскими законами“. Поэтому там издавна „не проявляется признаков вредного суеверного фанатизма“. Но тем не менее образ жизни и занятий евреев вообще противен началам государственного благоустройства: евреи, „резко отделяемые верою от других частей народонаселения, лишенные многих прав, предоставленных христианам, не имея ни хороших школ для образовавия юношества, ни цехов для правильного обучения и усовершенствования в ремеслах, большею частию вынуждены снискивать себе дневное пропитание способами безнравственными и предосудительными, и это составляет существенное зло сего населения“.

Новороссийский генерал-губернатор Федоров, опираясь на заявление бессарабского областного правления, что „раввины и ученые“ поощряют евреев к ложной присяге, предложил воздействовать на еврейскую массу не чрез посредство раввинов и ученых, а через „ученых и других добросовестных евреев, *принявших христианство*“; впрочем, он прибавил, что единственный и вернейший путь к искоренению фанатизма заключается „в образовании еврейского юношества и сближении его с нравами и обычаями коренных русских жителей“. Когда же Федоров получил отзывы других местных властей, из которых большинство решительно заявило, что местные евреи, даже прибывшие из западных губерний, не проявляют никакого фанатизма, он в новом докладе министру не упомянул больше о содействии со стороны крестившихся евреев, а вместе с тем повторил, что единственное средство уничтожить „заблуждение“ (не фанатизм!)—это просвещение.

На основании полученных сведений министр внутренних дел составил *секретную* инструкцию, согласно которой генерал-губернаторы

должны были пользоваться услугами инспекторов. В ней были указаны различные противообщественные действия еврейского народа, с которыми инспекторам предстояло бороться. Но Государственный совет нашел недопустимым подобный перечень даже в секретной инструкции, не подлежавшей оглашению, и следующим образом определил задачи инспекторов, переименованных им в *ученых евреев*: пользуясь их содействием, власти местные должны стремиться „к ослаблению а) фанатизма, происходящего от превратных толкований или неправильных понятий о истинном ветхозаветном учении, и б) тех еврейских установлений, которые не сообразны с нашими общими гражданскими законами". Вслед за тем (1850 г.) был учрежден институт „ученых евреев"[27]).

Чрезвычайно важным по замыслу представлялся проект насаждения земледельческого труда среди евреев. Но в практическом отношении он не мог иметь серьезного значения, так как в виду отсутствия свободных земель в количестве, соответствовавшем потребности в них, а также отсутствия громадных денежных средств, без которых не могла быть организована широкая колонизация, дело распространения земледельческих занятий среди евреев ограничилось скромными размерами. Но все же кое-что было сделано для развития земледельческого труда. Те еврейские земледельческие колонии, которые возникли на юге в начале 19-го века при изгнании евреев из деревень, не достигли желанного развития: пионеры гибли от эпидемий, голода, климата и других невзгод. Приток колонистов увеличился, когда земледельцы были освобождены от рекрутской повинности (1835 г.) и когда в 1844 г. им вообще были предоставлены различные льготы, а также отпущены средства из сумм коробочного сбора—в ту пору в различных местностях возникли новые колонии.

Но при всем том, повторяем, к земледелию могла перейти лишь незначительная часть еврейского населения [27-а]), и таким образом широкие массы остались без поддержки со стороны правительства для перехода к производительному труду.

---

[27]) Вт. собрание законов, № 24298. Архив госуд. совета, департ. зак., 1850 г., дело № 41 „О еврейских инспекторах". Архив новоросс. генер.-губернатора (в Одессе), 1846 г., дело № 44 „О фанатизме евреев и евр. инспекторах". На основании последнего дела составлен мой очерк „Из прошлого. О фанатизме евреев" (еженед. „Восход", 1904 г., № 3), в котором приведены любопытные донесения местных властей.

[27-а]) С 1807 по 1844 г. поселено было в Новороссии 6570 душ. А с 1845 г. по

Между тем, усилившаяся, как будет дальше указано, рекрутская повинность еще более расшатала их экономическую жизнь, а насаждение школ потребовало от них новых денежных жертв.

Предстояло осуществить еще одну меру преобразования быта — „разбор“. Еврейский комитет относился к ней далеко не сочувственно, но, скованный волею Николая, он обязан был ее разработать. Эта мера, как показало будущее, была встречена скептически и некоторыми местными администраторами, но они не смели заявить об этом открыто. Только один новороссийский генерал-губернатор, граф (впоследствии светлейший князь) Михаил Воронцов, громко высказал свой отрицательный взгляд на меру „разбора“ и вообще на систему насильственной реформы.

Получив прекрасное образование в Англии, усвоив здесь известного рода „свободолюбие“, Воронцов во многих отношениях не походил на обычных николаевских администраторов. В частности, на его суждениях по еврейскому вопросу, повидимому, отразились встречи и беседы с некоторыми европейски просвещенными евреями. Однако, выступление Воронцова не должно быть приписано единственно его личным качествам. Тут сыграли роль особые местные условия, в силу которых еврейская жизнь в Новороссийском крае значительно отличалась от социально-экономического быта в западных губерниях.

Благодаря отсутствию в Новороссии скученности евреев, столь характерной для западных губерний (как это видно из таблицы на стр. 102), а вместе с тем благодаря лучшему экономическому состоянию Новороссии торгово-промышленная деятельность южно-российских евреев, будучи свободна от нездоровых наслоений, которые вызывались в западных губерниях нищетою самих евреев и бедностью прочего населения, содействовала экономическому развитию края. Мы видели, что жалобы на рост податных недоимок раздавались только в западных губерниях и только тамошние власти предлагали обратить рекрутскую повинность в орудие борьбы с этим явлением.

То же отсутствие скученности благоприятно отражалось на внутреннем быте новороссийских евреев, в значительной мере утратившем на просторе специфический религиозно-национальный характер, чему способствовали связи с зарубежными торговыми домами.

Наконец, в Новороссии тогда еще слабо слышались отзвуки той

---

* 1852 г. вновь поселилось на казенных землях: в Новоросс. крае—2586 душ, в Западных губерниях—8544, а на собственных и частных землях—4771, в итоге 15901 д., а с предыдущими всего—22471 д. (журнал Евр. комитета от 18 июля 1852 г.).

вражды к евреям со стороны господствовавшего христианского класса в западных губерниях, которая, будучи рождена экономическими интересами, столь искусно обставлялась иконами, „мощами" и церковными проповедями, что она проникала даже в круги, вовсе не приходившие с евреями в соприкосновение в повседневной жизни. Известные нам ограничительные постановления об участии евреев в органах сословно-городского самоуправления были изданы под влиянием общественных отношений, сложившихся в западных, а не в южных губерниях. В Новороссии в пестрой смеси различных национальностей евреи не стояли лицом к лицу, как в Польше, с вековым недругом. Конечно, и здесь на почве материальных интересов возникали конфликты между евреями и соседями. Но все же общественная атмосфера в Новороссии была спокойнее и чище, чем в западных губерниях, и ограничения в сословно-городском самоуправлении стали вводиться здесь позже, медленнее, да и не всюду. Так, в Одессе евреи наравне с христианами избирали городского голову, чего, конечно, не могло бы быть в западных губерниях.

Нет сомнения, что своим благоприятным экономическим и общественным положением евреи в значительной мере были обязаны Воронцову, который оказывал им всяческую поддержку, имея в виду направить их силы на развитие края. Но, с другой стороны, успехи, достигнутые евреями в этом направлении, заставляли Воронцова ценить их творческую деятельность. И это сказалось на его отношении к „разбору" [28]).

Узнав в Петербурге от Киселева, какое направление вообще дано политике по еврейскому вопросу, Воронцов поспешил (1843 г.) прислать из Лондона, где отдыхал, министру внутренних дел записку для представления государю. „Сообразив все, что я знаю о евреях как по 20-ти летнему управлению краем, в котором пребывание оных допущено, так и по тому, что во время прежней моей службы мне случалось неоднократно и проходить, и квартировать в западных губерниях,—писал гр. Воронцов, — я изложил со всею откровенностью, по долгу службы и присяги". Осудив план, выработанный в Петербурге и сказав новое слово по еврейскому вопросу, Воронцов не без тревоги отсылал свою записку. „Не мне судить, ошибаюсь ли я или нет в понятии моем по всему делу. Его императорскому величеству известно, что я столь же откровенно представляю свои мнения, когда оные

---

[28]) См. выше, стр. 2—3.—Интересна высокая оценка благожелательного отношения Воронцова к евреям, данная сенатором Щербининым, указавшим на действенную роль евреев в развитии края как на результат доброжелательной политики Воронцова. Архив Еврейского Комитета, дело № 2, том IV.

от меня требуют, как после того усердно и беспрекословно исполняю все, что уже решено и мне предписано исполнить".

Прежде всего Воронцов заявил, что называть несколько сот тысяч человек бесполезными, как это было допущено в записке Киселева, „круто и несправедливо"; в эту категорию включен, между прочим, многочисленный класс мелких торговцев и посредников; их занятие „оклеветано", а между тем они полезны для сельской промышленности и торговли. К числу бесполезных отнесены восемьдесят процентов еврейского населения! „Столь насильственная мера... была бы совершенно непонятна, если бы не было очевидно, что об ней представляли под влиянием надежды, что она может и даже непременно будет иметь следствием немедленное обращение всех евреев к полезнейшим занятиям... Но именно это предположение... по моему убеждению, совершенно ошибочно". Мера „разбора" обрушится на нищую массу, которая, желая улучшить свою участь, не в силах этого осуществить: в заботах о насущном хлебе она не может взяться за изучение ремесл или за незнакомый земледельческий труд. „Грозный характер этой меры,—заявил далее Воронцов, — и невозможность успеха от оной, по моему мнению, совершенно ясны". Удаление из деревень разорит не только изгнанных, но и жителей тех городов, куда прибудет эта масса нищих. Мера эта уничтожит тысячи рук, помогающих торговой промышленности и незаменимых другими; вместе с тем, „плач и вопль столь огромного числа несчастных, которых постигнут печальные действия сей меры, будут служить порицанием и у нас, и за пределами России, правительства нашего". Следует обратиться к другому средству, менее стеснительному и опасному. И хотя Воронцов обязан был представить отзыв лишь по поводу намеченных мер, он заявил, что никакой особенной, тем более крупной и принудительной меры предпринять против евреев не надо: и без того в последнее время проведены разные стеснительные меры, а между тем цель, к которой правительство стремится, может быть достигнута путем распространения среди евреев просвещения, — „довольно было бы и всего полезнее заняться теперь учреждением училищ, как мужских, так и женских".

Эта записка, несомненно, встречена была в Комитете Киселева с полным сочувствием. Комитет еще раньше отказался от наименования „бесполезные", заменив его словами „неимеющие производительного труда", а главное—отменил предполагавшееся выселение „бесполезных" из деревень в города [29]). Указание же Воронцова на то, что „разбор"

[29]) О. Лернер, Евреи в Новоросс. крае, стр. 48—57. — В моем исследовании „Попытка эмансипации евреев в России" („Пережитое", I), а также в статье „Разбор" в р. энциклопедия, т. XIII) я ошибочно указал, будто Комитет отказался от слова бесполезные и от выселения из деревень не по собственному решению, а под влиянием записки Воронцова.

Численность евреев (обоего пола) и их отношение ко всему населению [1]).

ОБЛАСТИ.	1838 года.				1847 года.			
	Число евреев по губерниям.	% отношение евреев губерн. ко всему евр. населению	Общее число жителей.	Отношение евреев к общему числу жителей.	Число евреев по губерниям.	% отношение евреев губерн. ко всему евр. населению.	Общее число жителей.	Отношение евреев к общему числу населения.
Западные губернии.								
Волынская	195.000	18,92	1.314.000	1 : 6,74	174.000	16,75	1.445.000	1 : 8,28
Подольская	150.000	14,37	1.548.000	1 : 10,29	164.000	15,79	1.703.000	1 : 10,36
Киевская	103.000	10,57	1.459.000	1 : 14,13	135.000	12,96	1.605.000	1 : 11.90
Гродненская	77.000	7,49	791.000	1 : 10,25	98.000	9,43	907.000	1 : 9,23
Могилевская	83.000	8,12	846.000	1 : 10,11	88.000	8,43	931.000	1 : 10,60
Минская	98.000	9,54	1.034.000	1 : 10,52	88.000	8,42	1.046.000	1 : 11,95
Ковенская	—	—	—	—	81.000	7,83	915.000 [2])	1 : 11.23
Виленская	128.000	12,49	1.315.000	1 : 10,22	68.000	6,57	863.000	1 : 12,62
Витебская	47.000	4,62	717.000	1 : 15,06	50.000	4,83	789.000	1 : 15,66
Белостокская область	36.000	3,40	251.000	1 : 6,95	—	—	—	—
Всего в Зап. крае	920.000	**89,52**	—	—	948.000	**91,01**	—	—
Южные губернии.								
Бессарабская	42.000	4,11	720.000	1 : 16,99	33.000	3,23	792.000	1 : 23,50
Екатеринославская	6.000	0,59	791.000	1 : 128,84	4.000	0,47	870.000	1 : 181,81
Полтавская	16.000	1,56	1.621.000	1 : 100,47	16.000	1,48	1.783.000	1 : 114,94
Таврическая	4.000	0,24	517.000	1 : 125,88	3.000	0,28	572.000	1 : 204,08
Херсонская	22.000	2,17	765.000	1 : 34,15	10.000	0,98	842.000	1 : 81,97
Черниговская	18.000	1,78	1.300.000	1 : 70,65	18.000	1,78	1.430.000	1 : 77,53
Одесское градоначальство	—	—	—	—	7.000	0,74	—	—
Таганрогское „	—	—	—	—	400	0,03	—	—
Керчь-Еникальское градоначальство	—	—	—	—	100	—	—	—
Всего в Южн. крае.	109.000	**10,48**	—	—	93.000	**8,99**	—	—
В России всего душ.	*1.030.000*	—	*15.000.000*	—	*1.041.000*	—	*16.697.000*	—

[1]) Приведенные данные взяты из двух таблиц в книге *Б. М-на* (Милютина), Устройство и состояние еврейских обществ (СПбург, 1849—50), стр. 202, 204. Цифры вряд ли вполне соответствуют действительности, но они дают общее представление. Цифры мною округлены.

[2]) В книге *М-на* указано, 501090, что является, очевидно, опечаткой.

вызовет осуждение в Зап. Европе, должно было усугубить отрицательное отношение Комитета к этой мере. Но приходилось подчиняться воле Николая, и когда настал (1846 г.) момент для опубликования „об'явления“ о грядущем „разборе“, Киселев постарался придать в этом извещении „разбору“ по возможности мягкий характер—напечатанное в губернских ведомостях черты оседлости „об'явление“ по распоряжению Киселева появилось также во французской и немецкой газетах, выходивших в Петербурге, дабы Европа получила надлежащее осведомление о том, что эта мера, вызываемая крайней необходимостью, в конце концов, не окажется столь страшной. Возможно, что помещение этого об'явления в последних двух газетах было отчасти вызвано приездом в те дни в Россию из Англии Моисея Монтефиоре, с которым мы встретимся в следующей главе.

В „об'явлении“ указывалось, что, переселившись в давнее время из стран Зап. Европы, евреи не получили от польского правительства ни права гражданства, ни права на приобретение недвижимой собственности, а потому оставались в зависимости от местных владельцев и ограничивали деятельность свою мелочною торговлею и особенно шинкарством. По переходе края к России правительство распространило на евреев все гражданские права наравне с другими подданными: разрешило им вступление в городское торговое состояние с правом участвовать в выборах и быть избираемыми в члены городского—полицейского, хозяйственного и судебного—управления; дало им право на приобретение недвижимой собственности, право вступать в земледельческое состояние; открыло им путь к просвещению, разрешив учиться в общих учебных заведениях, не исключая университетов и академий, и, наконец, расширило границы их оседлости...

К сожалению, гласило об'явление, евреи не воспользовались всем этим: „постоянно чуждаясь слияния с гражданским обществом, среди которого живут, они большею частию остались при прежних способах существования на счет труда других, и от того со всех сторон возникают справедливые жалобы местных жителей“. Поэтому с целью устройства евреев и поднятия их благосостояния прежде всего, согласно „с отзывом благонамереннейших евреев“, необходимо из'ять их из зависимости от кагалов и подчинить общему городовому управлению; в то же время для распространения между евреями просвещения и практических познаний правительство не только расширило возможность к вступлению в учебные заведения, но, „уважая предубеждение“ многих евреев против общих учебных заведений, учреждает особые еврейские училища; вместе с тем даны средства к вступлению в полезные состояния, особенно земледельческое; наконец, чтобы уничтожить „неприятное для многих евреев“ различие в одежде, отделяющей

их от коренных жителей, запрещено употребление (с 1850 г.) особой еврейской одежды.

„Предоставив таким образом евреям все средства к улучшению своего нравственного и материального состояния, правительство считает себя в праве надеяться, что евреи прекратят всякие предосудительные способы жизни и обратятся к труду истинно производительному и полезному. Уклоняющиеся от сего должны по всей справедливости подвергнуться мерам побудительным, как тунеядцы и как тягостные и вредные для общества члены. Но чтобы отделить евреев полезных от неимеющих производительного труда и оседлости и подвергнуть сих последних необходимым ограничениям", правительство приглашает евреев устроить себя в полезных состояниях: купеческом, мещанском, цеховом и земледельческом, причем включение в эти сословия должно быть не номинальным, а фактическим. Те, которые к 1850 г. не войдут в число этих „полезных" обывателей, будут выделены в особый разряд и подвергнутся всем тем ограничениям, которые будут признаны необходимыми для обуздания тунеядства.

„За таковым предварением евреев, от них совершенно будет зависеть воспользоваться предоставленными им выгодами устройства своего состояния и тем самым отклонить от себя все последствия мер, к коим правительство будет вынуждено" [30]).

[30]) Архив Еврейского Комитета, дело № 2, т. II, стр. 305 и след., и журнал от 26 янв. 1846 г., а также: архив Гос. совета, департ. законов, 1851 г., дело № 76 „По проекту положения о разборе", стр. 31—36.

Глава шестая.

Бессилье прогрессивной части бюрократии.—Эпизод с врачами.—Монтефиоре, Киселев и Николай I.—Настойчивые попытки осуществить меру „разбора".—Непомерное усиление рекрутской повинности: Мстиславское „буйство". Катастрофические последствия рекрутчины в экономическом быте. — Отражение идеи „разбора" в социально-экономической борьбе.—Насаждение казенных еврейских школ.—Евреи в общих учебных заведениях.

То прогрессивное течение в бюрократических кругах, вернее — более сознательное отношение к здоровым экономическим потребностям страны, которое сказалось, напр., в спорах о проживании евреев в Киеве или о расширении пред евреями поля для промышленно-торговой деятельности[1]), было представлено рядом видных государственных деятелей, но оно не могло претвориться в непосредственные практические мероприятия, так как численно превосходившие их противники, разделявшие ретроградную, так называемую „традиционную" точку зрения, обычно находили твердую поддержку в царе. Наибольшее, что прогрессивным элементам было под силу — это лишь до некоторой степени препятствовать дальнейшему росту репрессивной политики.

Люди, как Воронцов и Киселев, стремились к тому, чтобы наряду с преобразованием внутреннего быта евреев (долженствовавшим привести их к общественному сближению с окружающим населением) было также улучшено правовое, а следовательно и социальное положение еврейского народа. Но до поры до времени подобные попытки были обречены на неудачу, так как в „верхах" им противополагалось решительное желание пойти вспять, т. е. там, где это возможно, еще более развить систему правовых ограничений. Характерен в этом отношении эпизод с врачами.

Евреи-врачи издавна принимались на государственную службу. Попытка сената (1828 г.) лишить их этого права—в ту пору состояло на службе девять врачей и несколько лекарских учеников—не удалась, так как ощущался крайний недостаток во врачах по гражданскому ведомству. „Положение" 1835 года предоставило право на государствен-

---

[1]) См. выше, стр. 42, 46—48.

ную (учебную и гражданскую) службу евреям, получившим в любой области науки степень доктора, но лишь „по засвидетельствованию министра народного просвещения об отличных способностях их" и притом с высочайшего разрешения в каждом отдельном случае. Относительно же лиц, получивших *медицинские* ученые степени, было сказано, что со вступлением на службу они производятся наравне с прочими подданными и приобретают право на повсеместную вольную практику. Из этих постановлений лекарь Иосиф Бертенсон сделал вывод, что и лекари могут с высочайшего разрешения поступать на службу. И, действительно, комитет министров признал за лекарями право на службу с высочайшего в каждом случае разрешения. Но Николай положил резолюцию: „не иначе, как в одних западных губерниях"[2]), и таким образом с вступлением на службу лекари не приобретали права на повсеместное жительство (1836 г.). В течение всего этого времени евреи принимались и на военно-медицинские должности, причем некоторые достигали видных постов, как, напр., известный на юге борец за просвещение евреев Бернард Абрагамсон[3]).

Но вот, в 1844 г. Николай потребовал „преграждения евреям пути для вступления в гражданскую службу, доколе они остаются в еврейском законе" (и по военному ведомству состоялось распоряжение не производить евреев в чины, дающие „права высшего состояния"). Это повеление смутило Киселева — ведь именно в ту пору правительство призывало евреев к общему образованию, к общегражданской жизни, сулило льготы прошедшим общеобразовательную школу. Можно ли было в такой момент издавать закон, в корне противоречивший обещаниям правительства? Это дискредитировало бы в глазах прогрессивных еврейских кругов всю намеченную реформу еврейского быта. И, видя себя вынужденным, с одной стороны, удовлетворить решительное требование Николая, а, с другой, стараясь хотя бы внешне сохранить старые законы, дававшие евреям право на службу, Киселев предложил: не отменяя открыто этих законов, секретно предписать министру просвещения не выдавать евреям аттестаций[4]), что фактически

---

[2]) Вскоре право службы было предоставлено и в южных губерниях.

[3]) См. о нем: Еврейская Энциклопедия, т. I, стр. 144.

[4]) Ю. Гессен, К судьбе евреев-врачей в России („Евр. Старина", 1910 г. кн. V). Архив мин. вн. дел., канцелярия генерал-штаб-доктора: 1828 г., дело № 4683; 1834 г., дело № 1341; департ. полиции исполн., 1833 г., дело № 390 („О недопущении евреев в гос. граждан. службу"); архив мин. нар. просв., дело № 80659 („По секретному отношению... о преграждении евреям пути и т. д."; медиц. департ. I ст., I отд. 1836 г. № 207 „По отношению гражд. штаб-доктора об определении из евреев лекаря Бертенсона и т. д."; журнал комитета министров 22 сент. 1836 г. (№ 1481); всеподд. доклад Киселева 10 апр. 1844 г. (книга журналов и докладов Евр. комитета т. I, стр. 222—24). Вт. собрание законов, №№ 2233, 9664, 11616.

было равносильно отмене существовавших законов. Так и было сделано.

И ясно, что если в горячие преобразовательные дни Николай не остерегся уничтожить старые права, которыми могла воспользоваться лишь горсть евреев, и притом—по своему умственному уровню вполне отвечавших наибольшим требованиям, которые правительство могло пред'являть евреям в отношении „европейского образования", то легко было предвидеть, с какой твердостью будут отклоняемы прогрессивные предложения о предоставлении *новых* прав широкому кругу евреев, в большей своей части не получивших образования. И тем не менее такие предложения делались, потому что этого требовали экономические интересы как западных губерний, страдавших от обилия торгово-промышленного люда, так и внутренних губерний, нуждавшихся в коммерческой инициативе, столь свойственной евреям.

Остановимся на том случае, когда вопрос о расширении прав евреев был поставлен на очередь в связи с приездом в Россию в 1846 г. известного английского филантропа Моисея Монтефиоре[5]), задумавшего добиться улучшения участи еврейского населения.

Снабженный рекоментательным письмом королевы Виктории, Монтефиоре встретил в России радушный прием. Он был принят Николаем I (24 марта), который в беседе обещал ему улучшить положение евреев. Затем три министра, среди них Киселев, посетили Монтефиоре, чтобы ознакомить его с „благожелательной" политикой правительства по отношению к евреям и обнадежить, что в судьбе народа произойдет счастливая перемена.

По предложению Николая Монтефиоре совершил поездку по некоторым городам, густо населенным евреями. Предварительно же Киселев ознакомил его с какими-то документами, которые должны были убедить его в том, что государь относится к евреям отечески. Со своей стороны, государь имел в виду, что, одинаково пользуясь доверием как в консервативных, так и в прогрессивных кругах, Монтефиоре убедит евреев, что правительственные мероприятия, не посягая на религию, направлены на их пользу[6]).

По возвращении же в Англию, исполняя предложение Киселева, Монтефиоре прислал ему для представления Николаю обширное письмо, посвященное жизни евреев в Империи (и записку о положении их в Царстве Польском). Этот документ заслуживает некоторого внимания.

---

[5]) 1784—1885 г.г. См. о нем в Евр. Энциклопедии, т. IX.

[6]) Во время этого путешествия Монтефиоре завоевал себе широкую популярность: в течение многих десятилетий в еврейских семьях не переставали хранить на видном месте портрет Монтефиоре.

Не прибегая к резким словам, Монтефиоре тем не менее в твердых выражениях указал на то, что ограничительное законодательство о евреях парализует их экономическую деятельность, приводит их в нищету, понижает их нравственный уровень. Нет, не беспомощная масса, — говорил он, — должна добиваться человеческих прав путем „доброго поведения", а правительство обязано предоставить ей права, без которых она не в силах достичь должной нравственной и экономической высоты. Только от равноправного гражданина можно требовать исполнения обязанностей, налагаемых на подданных. Обычные обвинения, возводимые на евреев (праздность, предпочтение мелкой торговли земледельческому труду, спаивание крестьян, контрабандные промыслы), если и справедливы по отношению к отдельным лицам, не могут быть распространены на весь народ; однако, они производили тяжелое впечатление на правительство, и государь велел исследовать причины малоудовлетворительного состояния еврейского населения. В результате же этого расследования — заявил Монтефиоре — евреи были представлены в ложном и неблагоприятном свете, а это привело к мысли о „разборе".

Во время пребывания в России Монтефиоре мог составить себе достаточно ясное представление о настроениях виднейших членов правительства и различных общественных кругов по отношению к еврейскому народу. Ему стало вполне очевидным, что комитет Киселева, будучи образован со специальной целью разработать и провести реформу еврейского быта, был фактически лишен возможности придать реформе характер положительных мер, и Монтефиоре отметил в своей записке, что репрессивную политику он приписывает не комитету, но влиянию лиц, поддерживающих в правительственных кругах враждебные чувства к евреям. Подчеркиув далее, что неблагоприятные правовые условия, от которых страдают евреи всех общественных классов, все более и более ухудшает их положение, что „разбор", долженствующий по мысли правительства улучшить состояние евреев, приведет к обратному результату, если число категорий „полезных" не будет увеличено, Монтефиоре, действуя, быть может, в принципиальном согласии с Киселевым, заявил, что есть лишь один путь исправить зло — незамедлительно даровать евреям фактически во всей полноте то благодеяние, которое, судя по словам министров, правительство желает дать еврейскому населению, — т. е. *„равноправие со всеми прочими подданными"*. А до того надо возможно скорее: уничтожить ограничения в праве жительства и передвижения в пределах черты оседлости; дозволить купцам и их приказчикам, ремесленникам и мастеровым приезжать по торговым делам во внутренние губернии; разрешить услужение христиан, награждать солдат чинами и проч., восстановить кагал (бла-

годаря которому, будто бы, еврейские общества поднимали благосостояние своих городов) и т. д. Все это, пояснил Монтефиоре,—лишь пересказ того, что государь намерен предоставить еврейскому народу согласно документу [7]), сообщенному Монтефиоре Киселевым.

Нет сомнения, что результаты шестилетней деятельности Еврейского Комитета не удовлетворяли Киселева: были внесены преобразования в еврейскую жизнь (упразднение кагала, подготовка к учреждению школ и т. д.), но еще ничего не было сделано с целью непосредственно улучшить условия существования еврейской массы, нищета которой требовала положительных мер. Однако, был нужен случай, чтобы заявить об этом. Внимание, оказанное государем Монтефиоре, могло внушить мысль, что для этого настал час. И, представив государю записку Монтефиоре, Киселев сопроводил ее своим докладом (1847 г.).

Засвидетельствовав, что замечания Монтефиоре о правовом положении евреев соответствуют действительности, Киселев указал, что правовые ограничения „произошли частью от необходимости принятия противу евреев мер предупредительности, но *большею частью или по видам частных интересов местных жителей или по понятиям прежнего времени противу евреев, а некоторые без всяких видимых оснований*". Приведя несколько примеров, как несообразные постановления не дают евреям возможности воспользоваться предоставленными им правами, Киселев далее писал: „Таким образом евреи, нетерпимые в губерниях российских и стесненные на местах постоянной своей оседлости, по необходимости должны были обратиться к разным недозволенным средствам существования и вызвать против себя новые ограничения". Теперь же, когда в отношении евреев принят другой образ действия в целях соединить их с общим населением и направить к полезному для государства труду, „*необходимо... пересмотреть все прежние ограничения* и предоставить евреям, в пределах нынешней их оседлости, права торговли, ремесленной промышленности и земледеления в равной, по возможности, степени с коренными жителями, тем более, что они приглашаются к сему и что не избравшие одного из сих состояний, как люди бесполезные и вредные для общества, должны быть подвергнуты новым ограничениям и преследованию".

Принимая во внимание, что в ту пору официальные бумаги составлялись в исключительно-осторожных выражениях, что „идеи„ тща-

---

[7]) Нам неизвестно в точности, о каком документе говорил Монтефиоре. Возможно, что речь идет о том „об'явлении", которым евреи были предупреждены о „разборе", но в этом случае надо предположить, что он был представлен Монтефиоре с комментариями, которые рисовали „разбор" в чрезмерно мягких тонах.

тельно укрывались деловитой фразеологией, надо признать, что доклад Киселева подверг смелой критике значительную часть законов о евреях.

Конечно, Николай отверг мысль Монтефиоре о предоставлении евреям равноправия: „это допустить не можно, и я на свой век этого не допущу" — вот что гласила царская реплика; если попытка правительства обратить их к труду увенчается успехом, то время — заявил Николай — само собою приведет к постепенному уменьшению ограничений, которые пока еще необходимы; однако, следует исправить и устранить противоречия в законах, отмеченные Монтефиоре, но при том — отнюдь не нарушая привилегий, которыми пользуются некоторые местности.

Эта резолюция заставила Киселева послать Монтефиоре обширное письмо, составленное, повидимому, по указанию государя, гласившее, что в отношении евреев будет проводиться прежняя репрессивная система, от которой ожидается благоприятный результат; евреи сами во всем виноваты, и пока они не исправятся, они не могут расчитывать на новые условия гражданской жизни; кое-какое облегчение стеснений последует, но в основе все останется попрежнему [8]). Однако, одновременно с этим Киселев поспешил воспользоваться разрешением Николая внести поправки в законы—он тотчас же разослал членам Еврейского Комитета перевод письма Монтефиоре и наметил, какие ограничительные постановления должны быть пересмотрены.

Между тем, расположение, встреченное Монтефиоре в столице, и те заверения в добрых чувствах, которые он передал еврейскому населению от имени правительства, внушили еврейскому обществу несбыточные надежды на уравнение их в правах с коренными жителями, но в ответ на просьбы еврейских обществ об этом Киселев об'явил „высочайший отзыв на просьбу сира Монтефиоре, что доколе в нравах евреев не произойдет желаемого преобразования, нельзя вдруг уничтожить постановленных противу евреев остережений и из'ятий; но должно замеченные в законах противоречия и несообразности с нынешними видами правительства о слиянии евреев с коренными жителями исправить" [9]).

---

[8]) Ср.: Ю. Гессен, Из сороковых годов. Граф П. Киселев и Моисей Монтефиоре („Пережитое" т. IV). Этот очерк написан на основании дела Евр. Комитета № 26 „По замечаниям г. Монтефиоре и т. д.". См. также архив госуд. совета, 2-ое отд. собст его велич. канцелярии, 1847 дело № 18 (замечания об Остзейском крае). О записке Монтефиоре касательно Царства Польского—см. следующую главу.

[9]) Об облегчении положения возбудили просьбу (1846 г.) шкловские евреи — см архив мин. нар. просв., № 83605; общ. канцелярия мин. финансов, отд. I, ст. I, № 14. Евр. Комитет, дело № 22.—Ср. также: департ. полиц. исп., 1846, № 1787 „Записка евреев относительно дарования некоторых льгот".

„Исправления“, конечно, не могли быть сколько-нибудь значительны. Если в ближайшие годы смягчались некоторые стеснения в отношении лишь отдельных малолюдных групп, то, с другой стороны, вводились новые ограничения, и отношение законодателя к евреям по-прежнему носило печать суровой решительности.

Возобновились частичные выселения евреев из уездов (напр., из военных поселений, где можно было оставаться лишь при условии сдачи всех сыновей до 15-летнего возраста в кантонисты), а позже над проживающими в деревнях и селах нависла угроза изгнания [10]).

Наряду с указанными репрессиями еврейская экономическая жизнь подверглась разрушительным ударам со стороны рекрутчины.

Одна из существеннейших мер коренного преобразования еврейского быта, а именно мера „разбора“, была основана, как мы говорили выше, на том, чтобы мещане, не имеющие ни производительного труда, ни недвижимой собственности (оседлости), подверглись усиленной рекрутской повинности. Предстоявший улов рекрутских душ побуждал Николая торопиться с осуществлением „разбора“, но, повидимому, именно ожидавшиеся непомерные наборы отпугивали администраторов от этой меры.

Согласно предуведомлению, опубликованному в 1846 году, в течение 1850 года должно было быть завершено выделение евреев, принадлежавших к так называемым *полезным* группам (купцы, цеховые ремесленники и др.), с тем, чтобы на прочих, под новым наименованием „мещан 2-го разряда“, могли быть обрушены различные репрессии. В виду этого были разработаны правила о „разборе“, которые и поступили на рассмотрение Государственного совета. Здесь „разбор“ был встречен несочувственно. Но требование Николая, чтобы эти правила были непременно приведены в действие и не позже января 1852 г., не позволяло высказаться против них или прибегнуть к спасительным отсрочкам. Совету пришлось утвердить опубликование правил, но все же он осмелился заявить, что при такой спешке неизбежны разнообразные затруднения, так как многие евреи не успеют запастись документами, удостоверяющими принадлежность их к полезным группам; к тому же, не разрешен вопрос о цехах, что может отразиться на судьбе ремесленников, и т. д. Однако, все доводы совета привели лишь к тому, что Николай согласился на отсрочку до июля того же года.

Вслед затем были намечены правовые ограничения для мещан 2-го разряда. Тут мы находим и усиленную рекрутчину, и запрещение

---

[10]) См. выше стр. 39—40. Ср. Ю. Гессен, Закон и жизнь, стр. 64.

отлучаться из города, к которому приписан данный мещанин 2-го разряда, и употребление их на казенные и частные работы и др. Эти правила были столь суровы, что Еврейский комитет не признал возможным опубликование их в обычной для законов форме; указывая, что при установлении „разбора" не имелось в виду учредить особый непроизводительный класс, что вводимые правовые ограничения должны носить лишь временный характер, как мера побуждения к труду, Еврейский Комитет постановил привести правила в действие под видом „частной инструкции" генерал-губернаторам.

Однако, при первых же шагах к фактическому разбору еврейской массы на разряды встретились, как предсказал Государственный совет, всевозможные затруднения; возникли сомнения относительно ряда отраслей труда, причисляются ли они к полезным; из провинции посыпались запросы властей, жалобы евреев. Все это требовало громадной работы со стороны петербургских канцелярий. И дело, несмотря на решительные требования Николая, не подвинулось вперед [11]).

Но неудача, постигшая „разбор", не спасла еврейского населения от усиленной рекрутчины. Не дожидаясь осуществления „разбора", правительсто перешло к непосредственному планомерному захвату возможно большего числа рекрут.

Известна страсть Николая I расправляться с неугодными ему людьми посредством сдачи в солдаты, служившей вообще, согласно тогдашнему уголовному кодексу, карою за различные преступления. По отношению же к евреям эта страсть приняла поистине паталогический характер, начав проявляться в резкой форме после того, как „разбор", вся цель которого заключалась в усиленной рекрутчине, был признан одною из мер коренного преобразования еврейского быта. Болезненная жадность к еврейским рекрутам сказалась, между прочим, в известном, так называемом, „мстиславском бунте".

В последние дни 1843 г. в Мстиславе при выемке контрабандного товара из лавки между несколькими солдатами и евреями произошло небольшое столкновение. Виновники его, стараясь себя обелить, описали его, донося по начальству, в превратном виде. Между тем могилевский губернатор, имея личные счеты с мстиславскими евреями, только и ждал случая, чтобы с ними расправиться. А потому, получив первые непроверенные известия о мстиславском происшествии, он поспешил изобразить его в своем всеподданнейшем докладе как на-

[11]) Архив Госуд. совета, департамент законов, 1851 г., дело № 76 „По проекту положения о разборе"; мемория общего собрания Гос. совета 5 ноября 1851 г. (книга 160, ч. 4); журнал Евр. комитета от 18 июля 1852 г. (утвержд. 19 авг.); департамент полиции исполнит. 1851 г., дело № 1814 „По высоч. утвержд. мнению Гос. совета о разборе евреев". Второе собрание законов, № 25766 (правила 1851 г. о разборе).

падение евреев на воинский отряд! И Николай, в свою очередь не пожелавший дождаться более подробных сведений, приказал: „за буйственный поступок евреев того города взять с них *с десяти человек одного рекрута*". Тотчас после этого губернатор приказал принять меры, чтобы жители Мстислава не покидали город и чтобы по всей губернии евреи в возрасте от 12 до 35 лет, приписанные к Мстиславу, были разысканы и доставлены в Мстислав. При таких условиях численность мстиславского еврейского общества должна была возрасти, а следовательно, и увеличиться число жерв.

Узнав об ужасном царском повелении, местные евреи провели три дня на кладбище, надеясь, что покойники вымолят им прощение. По словам христиан, „вопль и стенание их превосходили всякое вероятие". Между тем лица, назначенные для сбора рекрут, „без всякого сострадания днем, а более в ночное время ездили на подводах и забирали, начиная с 7 лет, всех возрастов евреев в полицию и так называемый пожарный дом и без всякого стыда торговались за выпуск и освобождение от рекрутства". Через несколько дней были сданы в рекруты 32 человека. Оставалось добрать 161. Но сдача была задержана вмешательством генерал-губернатора и министра внутр. дел. А затем началось осторожное влияние последнего на Николая. Тем временем жалобы мстиславской общины заставили высшую власть задаться вопросом, действительно ли евреи были виновны в приписанном им деянии? К тому же стало известно, что в виду запрещения выезда из города евреи лишились средств к существованию и начали голодать, местные же начальствующие лица занялись вымогательствами с них. Благодаря этому началось серьезное расследование всего дела, и тогда обнаружилось, что никакого буйства не было, что только несколько евреев могут быть преданы суду по обвинению в учинении беспорядка. В конце концов после долгих страданий мстиславские евреи были освобождены от рекрутской кары и сданные в солдаты были возвращены домой.

Бегло описанное здесь мстиславское событие изобиловало столь трагическими подробностями, что вокруг него сплелись легенды[12]). И оно в течение царствования Николая служило напоминанием всему еврейскому населению о ежеминутно угрожавшей им рекрутской расправе.

---

[12]) Ю. Гессен, „Мстиславское буйство" (сборн. „Пережитое", т. 11) — написано на основании дела из архива департам. полиции, 1844 г., № 479 „О буйстве, произведенном евреями Мстиславля против местной полиции и воинской команды". — С. Ан-ский, Из легенд о мстиславском деле („Пережитое", т. II).

На еврейском населении числились рекрутские недоимки. Общества не останавливались ни пред чем, чтобы доставлять требуемое число рекрут, но ужасы, ожидавшие на службе, заставляли евреев всячески избегать рук „ловчиков". Каждый старался спастись подкупом, бегством. С другой же стороны физическое состояние нищей, полуголодной массы было таково, что нехватало здоровых людей для удовлетворения рекрутской повинности. Но так как считалось, что недоимки накопляются по злой воле евреев, то было велено (конец 1850 г.) за каждого недоставленного к сроку рекрута *брать новых трех рекрут сверх недоимочного.*

Иллюстрацией к положению, создавшемуся благодаря этому распоряжению, может послужить Бердичев.

По 9-му частному набору на тамошних евреях осталось в недоимке 45 рекрут. На основании последнего закона надлежало за каждого недоимочного взыскать по три рекрута в виде штрафа, т. е. добрать еще 135 человек не моложе 20 лет. Но так как в возрасте 20—25 лет не оказалось пригодных к службе или все это были единственные работники в семье, губернатор предложил взять штрафных из числа малолетних в возрасте 12 — 15 лет. Чтобы вырешить этот вопрос, была образована особая комиссия при участии флигель-ад'ютанта. И тогда выяснилось, что в бердичевском обществе людей в возрасте 20—25 лет числилось по ревизии 840 душ, а за исключением убылых и не подлежавших рекрутству оставалось 192 человека. Из них никого не было налицо. Но если бы они и присутствовали, то все же, по словам комиссии, нельзя было бы предполагать среди них 125 человек, пригодных к службе, потому что при освидетельствовании захваченных до того 207 человек — пригодных оказалось лишь 10 человек. Далее, когда при помощи военной команды и усилий еврейского общества удалось захватить в окрестности города 720 человек, то из 339 душ, приписанных к Бердичеву, было найдено пригодных к службе не более 10 душ. После двухкратного, таким образом, захвата 20 пригодных человек осталось в недоимке 115. Было дозволено пополнить их малолетними. Тогда было собрано 496 чел., и из них пополнено недостающее число, причем были взяты 81 человек в возрасте 12 — 15 лет.

Вообще недохватка в людях обнаружилась по Бердичеву еще тогда, когда наборы в отношении евреев ничем не отличались от наборов с прочего населения. Но вскоре после того, говоря словами одного официального документа, „увеличен размер с них (евреев) наборов и постановлены многие взыскания и штрафы".

27 декабря 1850 г. было велено за каждого недоставленного в срок рекрута брать в виде штрафа новых трех рекрут сверх недо-

имочного, каковое новшество и было применено, как мы только что видели, в Бердичеве.

В тот же день состоялось постановление взыскивать за каждые две тысячи рублей недоимок по одному взрослому рекруту.

Последняя мера вызвала тревогу. С одной стороны, военный министр заявил, что если подобным путем наберется много рекрут, он не будет знать, что с ними делать, потому что евреи определяются не во фронт, а в нестроевые команды, в рабочие и ластовые экипажи морской строительной части; с другой стороны — возникло опасение, что еврейские общества будут охотно давать рекрут вместо уплаты недоимок, от чего пострадает казна. Поэтому, чтобы лишить еврейские общества повода к отдаче рекрут, а вместе с тем побудить их исправно уплачивать подать, было постановлено, что в указанном случае рекруты являются *штрафными*, и если недоимка в 2000 рублей, уже, так сказать, покрытая штрафным рекрутом, не будет погашена в течение года, за нее возьмут еще одного рекрута.

Получился страшный заколдованный круг: общины бедствовали и не могли вносить подать; за это у них забирались кормильцы, что, в свою очередь, еще больше понижало платежеспособность населения.

Но взимание рекрут на этом не остановилось. В июле 1852 г., чтобы положить предел росту податных недоимок, было велено брать в конце каждого года по одному рекруту за каждые триста рублей недоимки и эту сумму списывать с долга, „дабы — как мотивировал Еврейский Комитет это предложение—таким образом прекратить тщетную переписку о недоборах и по истечении каждого года оканчивать счеты в податях с евреев взиманием с них соразмерного недоимке числа рекрут".

В том же месяце „для предупреждения укрывательства евреев от рекрутства" было дозволено как еврейским обществам, так и всем вообще евреям—каждого укрывающегося от рекрутства и вообще беспаспортного или с просроченным паспортом еврея (хотя бы он принадлежал к обществу другой губернии) задерживать и сдавать в рекруты с правом получения в свою пользу зачетной квитанции.

Трудно описать, каким кошмаром явился этот закон для всех еврейских обществ. Спасая себя или близких, или просто с корыстной целью, ради торговли зачетными квитациями, евреи стали хватать беззащитных единоверцев и, уничтожив паспорт, сдавать в рекруты. „Ловчики" продавали свои услуги и при помощи насилия и обмана доставляли своим нанимателям этих несчастных „пойманников". Начался чуть ли не открытый торг людьми, особливо детьми! „Ловчики" в полном смысле слова охотились за детьми, забирали их на улице около дома, выхватывали их из кроваток.

Несмотря, однако, на полную очевидность, что еврейское население не может давать требуемое число рекрут, на него надвинулась новая кара, ни с чем несравнимая.

Так как для мещан 2-го разряда, как мы говорили выше, рекрутчина была установлена по личному распоряжению Николая в пятикратном числе [13]), то Еврейский комитет предположил взимать с них по 25 рекрут с 1000 душ при каждом наборе с Западной полосы (черта еврейской оседлости входила в эту полосу) и при наборах, общих для всей России. Но вслед затем—4 августа 1852 г.—появился высочайший указ: взимать *со всех* евреев—*при каждом очередном частном наборе*, об'явленном в Империи (т. е. тогда, когда брали в Западной полосе, и тогда, когда брали в Восточной полосе, в отличие от прочего населения), по 10 человек с 1000 евреев вместо 5, как было установлено для прочего населения. Повидимому, это безумное повеление вызвало сомнения—в ноябре того же года оно было подтверждено.

Наконец, 4 декабря 1852 г. за сокрытие евреев от рекрутства велено было отдавать в рекруты *без зачета* начальников семейств и поверенных обществ.

„Таким образом,—заявил несколько позже Еврейский Комитет,—набор рекрут с евреев увеличен в несколько раз более обыкновенного, а с тем вместе должно ожидать в той же степени и новых затруднений в выборе способных людей, тем более, что при отсутствии ближайшего над евреями, рассеянными по разным местечкам, управления, общество... не в состоянии наблюдать за каждым членом, а потому и самые штрафы, как они ни значительны, не достигают своей цели“ [14]).

Описанная рекрутская расправа не только не привела к той цели, которую она официально преследовала, т. е. к уменьшению податных недоимок, но еще увеличила их. Лишая население наиболее здоровых людей, изгоняя с мест тысячи лиц, которые или сами убегали от рекрутчины или укрывали своих близких, непомерная рекрутчина, совместно с частичными выселениями и вообще правовыми ограничениями, до крайности ограничила экономическую деятельность еврейского населения, и в результате недоимки за восемь лет возросли более чем

---

[13]) См. выше, стр.

[14]) Второе собрание законов, №№ 24768, 24769, 26177. — Департамент полиции исполнит., 1851 г., дело № 1073 „Относительно взимания с евр. обществ по взрослому рекруту и т. д.“; журнал Еврейского комитета 19 декабря 1853 г. (высоч. утвержд. 11 янв. 54 г.).—Потрясающая картина рекрутской расправы дана О. Рабиновичем в рассказе „Штрафной“ (сочинения, т. I, СПБург, 1880 г.).—Ср.: Записка о пойманниках 1855 г. („Еврейская Старина“, 1915 г., кн. II).

на 83%, как это видно из приводимой таблицы, с 4.358.000 руб. до 8.018.000 рублей [15]),

Губернии:	*В тысячах рубл.* Насчитывалось недоимок: К 1845 году.	К 1853 году.	Прибавилось недоимок.
Волынская	1143	1898	755
Подольская	448	973	525
Витебская	389	712	323
Могилевская	702	1341	639
Курляндская	102	175	73
Ковенская	176	465	289
Херсонская	19	32	13
Екатеринославская	1	6	5
Черниговская	86	139	53
Полтавская	12	22	10
Виленская	508	796	288
Киевская	139	314	175
Минская	183	434	251
Гродненская	450	711	261
	4358	8018	3660

Этот рост недоимок был, главным образом, вызван прогрессировавшей нищетой обществ,—в своей значительной части он не мог быть приписан недобросовестному уклонению от уплаты подати. Если еще в 1842 г. министр финансов удостоверил, что недоимки происходят не столько от системы обложения и от наличия коробочного сбора (на который масса расчитывала, не желая лично вносить подать), сколько „от большой бедности евреев“ [16]), то в начале 50-х годов причина роста недоимок была уже для всех вполне очевидной. И при этом не могло быть сомнения, что именно непомерная рекрутчина довершила дело разорения.

Экономические последствия, к которым привела рекрутская вакханалия, могут быть иллюстрированы и следующими цифровыми данными, сообщаемыми Еврейским Комитетом: к 1827-му году, когда только была введена натуральная рекрутская повинность, недоимки с еврейского населения простирались, в среднем, до одного рубля с души; к 1854-му году недоимки с каждой души достигли суммы в пятнадцать рублей пятьдесят копеек!

---

[15]) Еврейский комитет, дело № 4 „О податях и денежных сборах с евреев“ стр. 150. Здесь цифры мною округлены.

[16]) Еврейский комитет, дело № 4, стр. 118.

Помимо того, самая организация наборов обходилась обществам крайне дорого, благодаря необходимости разыскивать беглецов и доставлять их под охраной к месту приема. Около 1854 г. сдача одного рекрута в Курляндии обходилась в 400 рублей! [17]).

Еврейский Комитет ясно представлял себе гибельные последствия, к которым привела рекрутчина. Но он не смел высказать свое суждение, боялся открыто сказать, что среди еврейского населения не было в наличии того количества мальчиков и мужчин, которое с него требовалось. Впрочем, однажды Комитет решился сделать некоторую попытку повлиять на царя. Рассматривая ходатайство евреев касательно рекрутчины, Комитет записал в своем журнале, который должен был быть представлен Николаю: *„не останавливаясь на затруднениях, в возможности* выбора способных для службы людей в определенном размере, по 10 с 1000 душ, *так как сей размер указан положительно высочайшей волей,* Комитет счел... и т. д.“ [18]). Этими словами Комитет хотел в осторожной форме указать царю на неосуществимость набора в таком необычайном размере. Но Николай не обратил на это замечание никакого внимания.

„Разбор“, как мы увидим в дальнейшем, не был осуществлен; еврейское население фактически не было разбито на разряды. Но многолетние толки о разборе не прошли бесследно для общественных отношений внутри еврейства. Идея, лежавшая в основе „разбора“, т. е. идея о разделении народа на *разряды*, в зависимости от „полезности“ занятия, успела привиться в „верхах“ еврейского общества, и благодаря этому поле, на котором происходила социально-экономическая борьба, как бы расширилось: группы, более сильные в общественном и материальном отношении, приобрели новое орудие для защиты своих интересов в ущерб остальной массе.

Когда был издан закон о взыскании со всего еврейского населения при каждом наборе в количестве 10 рекрут с одной тысячи душ, „от многих евреев—как гласит официальный документ—поступили просьбы об уравнении полезных евреев в отправлении рекрутской повинности с другими состояниями (т. е. с христианами) и об обращении усиленных наборов собственно на разряд евреев непроизводительных“. Ходатаи говорили, что если набор останется в одинаковом размере для полезных и для не имеющих производительного труда, тогда вся тягость наборов падет на полезных, что не соответствует цели прави-

---

[17]) Журнал Евр. комитета 9 апреля 1855 г. (утвержд. 3 мая).

[18]) Журнал Евр. комитета 19 дек. 1853 г.

вельства — избавить народ от праздношатающихся; „неоседлые евреи всегда будут иметь возможность укрываться, и в результате полезное население будет приведено в совершенное расстройство и разорение". Еврейский Комитет постановил, чтобы с разряда „непроизводительных" евреев взималось при каждом наборе вдвое больше, чем с оседлых. Но это, как видно, не было своевременно осуществлено, и в следующем году двенадцать купцов и почетных граждан возбудили то же ходатайство об обращении усиленной рекрутской повинности на группу непроизводительных евреев[19]).

В дальнейшем идея, лежавшая в основе „разбора", была использована господствовавшим классом в иной, особо характерной форме.

Многообразные репрессии, вызывавшиеся ограничительным законодательством и сопровождавшиеся вымогательствами со стороны местных представителей администрации, беспрерывно держали еврейский народ в возбужденном состоянии — нельзя было быть спокойным за завтрашний день! Каждый законодательный акт приносил с собою новые испытания, и вести о добрых намерениях некоторых государственных деятелей сменялись натиском ограничительных мероприятий. Казалось, что все исходящее из столицы должно неминуемо принести одни только бедствия и тревоги. И какой злой насмешкой звучали заверения правительства, что репрессивные меры принимаются из сочувственного отношения к бедственному положению евреев. Испытывая тяжкие последствия подобных благодеяний, народ проникался все большим недоверием к власти, и власть платила ему тем же.

Школьная реформа должна была представиться еврейскому обществу одним из тех даров, которые против воли приходилось, во избежание худшего, принимать из вражеских рук. Тем более, что школьная реформа была насыщена недоверием правительства даже к прогрессивным кругам еврейского народа.

Школы стали открываться с 1847 г. Во главе их были поставлены смотрители-христиане, преподававшие и общие предметы. Лишь много лет спустя министерство согласилось доверить этот пост евреям. На должность смотрителя назначались нередко грубые и невежественные люди, неспособные вызвать к себе симпатии со стороны еврейского населения. Возлагать надежды на смотрителей не могло и правительство, ибо они охотно становились слугами общинных заправил, получая от них за это известное вознаграждение. Обязанные следить за

---

[19]) Журналы Еврейского комитета 19 дек. 1854 г. и 9 апреля 1855 г. (утвержд. 3 мая).

тем, чтобы стародавние народные учителя, меламды, враги казенных школ, имели свидетельство на право преподавания (меламды должны были подвергаться специальному испытанию), чтобы их школы, хедера, отвечали известным требованиям педагогического и санитарного характера, смотрители были очень снисходительны к этим несчастным „педагогам", будучи связаны с ними денежными расчетами. „Люди, поставленные у кормила еврейского просвещения, оказались чиновниками, одновременно занимающими две платные должности: по министерству народного просвещения—в качестве официальных культуртрегеров, и у местного еврейского населения—в качестве наиболее верных пособников в борьбе с просветительной политикой того же министерства".

Подобно тому, как население уклонялось от рекрутчины, оно спасалось от школ, боясь отдавать детей в эти рассадники „свободомыслия". *Школобоязнь* — это было широко распространенное явление. Между тем смотрители должны были заботиться о том, чтобы в школах был надлежащий контингент учеников, и при таких условиях они вынуждались вступать с представителями общины в известные соглашения. И опять-таки, подобно тому, как общины были обязаны сдавать рекрут, так им приходилось сдавать и школьников в казенные училища, чтобы не навлечь на себя обвинение в противодействии правительственным мероприятиям.

Общества разыскивали беднейших, бесприютных детей, и смотрители вносили их в школьные списки; порою бедные родители отдавали детей в школу лишь за некоторое вознаграждение. Суммы, поступавшие в училищные кассы в виде пожертвований от почетных блюстителей и от еврейских обществ, уходили на привлечение учеников путем выдачи им платья, обуви и проч. Конечно, общества доставляли минимальное число учеников, лишь бы школа могла считаться существующей хотя бы на бумаге. Даже цадик Менделе Любавичский, который ни в какой мере не мог сочувствовать казенным школам, вынужден был оказывать материальную поддержку ученикам любавичской школы, чтобы прослыть в правительственных кругах поборником просвещения.

Уроки посещались крайне неаккуратно: многие ученики только фиктивно числились; но смотрители делали благоприятные представления по начальству, ибо от существования школы зависело их собственное благополучие.

Первая школа 1-го разряда (низшая) была учреждена, как мы выше отметили, в 1847 г.—в Минске, а в следующем году такая же школа возникла в Вильне (просуществовала до 1863 г.). Прочие школы

1-го разряда из числа существовавших в 1864 г. были открыты в следующем хронологическом порядке:

1849 г.— 6 шк.	1853 г.—12 шк.	1857 г.—2 шк.	1861 г.—3 шк.
1850 г.—10 „	1854 г.—23 „	1858 г.—5 „	1862 г.—1 „
1851 г.—13 „	1855 г.— 7 „	1859 г.—2 „	1863 г.—2 „
1852 г.— 8 „	1856 г.— 2 „	1860 г.—1 „	1864 г.—1 „

Школ более высокой ступени (2-го разряда) было открыто всего несколько.

В 1855 г. во всех школах 1-го разряда обучалось около 2000 учеников. Наибольшее число учеников — по сравнению с численностью местного еврейского населения — обучалось в губерниях Дерптского учебного округа, где один ученик приходился на каждые 40 здешних евреев; в Одесском — 1 ученик приходился на 66 душ; в остальных округах соотношение было менее благоприятно: в Виленском—1 на 190 и в Киевском—1 на 272 души [20]).

Эти цифры дают некоторое представление о культурном уровне тогдашних евреев по районам.

Не только смотрители-христиане, но в большинстве случаев и учителя-евреи, преподававшие еврейские предметы на немецком языке, отнюдь не были на должной высоте.

То, что педагогический персонал в главной своей массе не будет на первых порах соответствовать задачам, поставленным казенной школе, было предусмотрено при самой разработке школьного плана,— одновременно с учреждением казенных училищ было решено устроить высшую школу для подготовки учителей. Этой же высшей школе предстояло создать кадры более образованных раввинов, которые и действовали бы в прогрессивном направлении на народную массу. Такие „раввинские училища“ были учреждены в Вильне и Житомире (1847 г.), и опять-таки, подобно казенным училищам, их вверили не евреям, а христианам; лишь надзор за собственно еврейскими предметами был поручен инспекторам-евреям.

Однако, при всех своих недостатках школы принесли известную пользу (хотя и далеко не в той мере, как это ожидалось прогрессистами и правительством), они привели, по крайней мере, к тому, что подрастающее поколение стало знакомиться с русской речью и с русской грамотой; узнав об общих науках, многие из воспитанников ка-

[20]) Цифры мною несколько округлены.

зенных училищ устремились к знанию и, пройдя средние и высшие учебные заведения, увеличили собою кадры интеллингенции [21]).

Казенные еврейские училища не являлись единственным рассадником общего образования. В то время, как они первоначально лишь принудительно наполнялись учащимися, преимущественно из малоимущих семей, параллельно шло добровольное устремление более состоятельных кругов в общие учебные заведения. Это течение, в начале 19-го века представленное отдельными единицами, уже к сороковым годам приняло достаточно заметные размеры и в дальнейшем быстро возрастало. По неполным официальным данным, относящимся в 1841 году, в общих учебных заведениях, находившихся в ведении министерства народного просвещения, обучалось, согласно нижеприводимой таблице, 238 евреев (в том числе несколько девочек).

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Высшие школы.	Гимназии.	Уездные училища.	Уезд. для дворян.	Приходские училища.	Начальные училища.	ВСЕГО.
Дерптский	12	28	32	—	1	50	123
Одесский	1	26	10	—	2	—	39
Киевский	—	26	—	5	7	—	38
Белорусский:							
Дирекции:							
Виленская	—	6	—	2	6	—	14
Гродненская	—	6	—	1	—	—	7
Минская	—	3	—	—	5	—	8
Белостокская	—	6	—	—	2	—	8
Витебская	—	—	—	1	—	—	1
	13	101	42	9	23	50	238

[21]) П. Марек, Очерки по истории просвещения евреев в России (Москва, 1909 г.). М. Г. Моргулис, Вопросы еврейской жизни (СПБург, 1889 г.), очерк „К истории образования русских евреев". Его же, Из моих воспоминаний („Восход", 1895 г., кн. II, IV, VII, IX, XI—XII; 1896 г., кн. 5—6; 1897 г., кн. IV и VI). Рув. Кулишер, Итоги. Надежды и ожидания передовой части русских евреев за 1838 — 88 годы (Киев, 1896 г.). А. Белецкий, Вопрос об образовании русских евреев в царств. Николая I (СПбург, 1894 г.)—цифровые данные на стр. 156. Л. Леванда, Школобоязнь еврейская библиотека", т. V). Материалы, относящиеся к образованию евреев в России—отчет Постельса (СПбург, 1865 г.)—цифровые данные на стр. 100—116. А. И. Георгиевский, По вопросу о мерах относительно образования евреев—доклад, представленный Высшей комиссии для пересмотра действующих о евреях в России постановлений (1883—88 г.г.).

Но еще в более значительном числе евреи обучались в частных училищах, руководимых как христианами, так и евреями, поскольку можно заключить из нижеследующих цифр (несколько отличных от предыдущих) об учащихся в общественных и частных школах около того же 1841 г.

	МУЖЧИНЫ		ЖЕНЩИНЫ	
	обществ. школы	частные школы	обществ. школы	частные школы
Дерптский округ	112	196	9	22
Одесский „	39	272	—	96
Белорусский „	38	27	—	52
Киевский „	38	—	—	—
	227	495	9	170

Приведенные данные [22]), как мы видим, подтверждают то представление о культурном уровне еврейского населения в отдельных районах, какое можно было себе составить на основании указанных выше сведений о соотношении, существовавшем между числом учащихся в еврейских казенных училищах и численностью местного еврейского общества. Районы, еврейское население которых дало наибольший (по отношению к своей численности) процент учащихся в еврейских казенных училищах, послало относительно больший процент учеников в общие учебные заведения.

[22]) Архив минист. нар. просвещения, дело № 80578 „По предписанию министра нар. просв. об истребовании от попечителей сведений о числе евреев, обучающихся и т. д.“

Глава седьмая.

Евреи в Царстве Польском.—Попытка улучшить их положение и противодействие варшавского правительства. — Восстание 1831 г. Участие в нем евреев. Враждебное отношение польского общества.—Введение рекрутчины (1843 г.).—Сохранение „кошерного" налога. — Записка Монтефиоре о плачевной участи евреев. — Безуспешное стремление петербургского правительства установить в Царстве Польском права, предоставленные евреям в Империи.—Развитие капитализма и его последствия.

Евреям Царства Польского были страшны не столько ограничительные законы, умалявшие их гражданские права и сковывавшие их экономическую деятельность, сколько ожидания, что завтрашний день может принести новые стеснения. Варшавское правительство устанавливало правовые ограничения с чрезвычайной легкостью, идя навстречу каждому ведомству в отдельности, предлагавшему принудительные меры. При установлении ограничительных законов принимались в соображение лишь интересы переживаемого момента, доводы данного ведомства, — в будущее никто не заглядывал, никто не размышлял о согласовании различных постановлений.

В комитете, который был образован в 1825 г. с целью пересмотреть законоположения о евреях и редактировать новые постановления [1]), прежде всего был поднят вопрос об образовании евреев чрез посредство подготовленных с этой целью раввинов и учителей, и поэтому вскоре было учреждено в Варшаве раввинское училище (1826 г.). Вслед затем комитет одобрил предложения об отмене всех ограничений, касавшихся жительства и передвижения, об упразднении всех специальных налогов, об уничтожении законов, препятствовавших свободе ремесленного труда и проч.

Лишь одно предложение, сделанное в комитете, не соответствовало общему направлению, а именно, чтобы записи о рождении евреев делались католическими священниками, дабы таким путем еврен подверглись благотворному влиянию со стороны католического духовенства; некоторые из евреев, участвовавших в комитете, согласились на эту меру, но другие запротестовали.

---

[1]) См. т. I, стр. 238.

Все указанные предложения были приняты в согласии с тем, что было высказано „воеводскими комиссиями",—мнение местной администрации было таково, что реформа еврейской жизни может быть достигнута лишь путем расширения прав евреев, вернее — уравнения их в гражданских правах.

Эти результаты возбудили радужные надежды не только среди прогрессивных элементов еврейского населения; они были благожелательно встречены и в консервативном лагере, несмотря на открытие раввинского училища, рассматривавшегося как рассадник „вольнодумства"; совершались даже богослужения в честь комитета. Однако, в еврейской среде нашлись и противники реформы. Это были сборщики специальных еврейских налогов; отмена этих налогов не соответствовала интересам сборщиков. Началась агитация против реформы.

Впрочем, встретилось более серьезное препятствие извне: представлениям комитета не было дано хода. Член комитета Валериан Красинский жаловался, что проекты были задержаны в министерстве духовных дел и не переданы по назначению. Однако, не здесь был скрыт камень преткновения,—противодействие исходило, как видно, из высшего государственного учреждения: в 1829 г. статс-секретарь об'явил административному совету, что имп. Николай I, одобрив проект еврейской реформы, представленный министром духовных дел, выразил свое удивление по поводу того, что столь важный вопрос в течение четырех лет не удостоился внимания совета... Государь приказал внести в государственный совет все проекты еврейской реформы, дабы по тщательном рассмотрении их государю было доложено о результате.

Однако, представители более состоятельных и образованных кругов не расчитывали на общее улучшение положения еврейского народа в Царстве Польском и группа их в десять человек обратилась к Николаю с просьбой уравнять их в правах „с христианами и магометанами", так как они всегда старались удовлетворить тем условиям, которые были указаны в декрете 17 октября 1808 г. [2]). Николай велел административному совету рассмотреть эту просьбу.

Но вскоре вспыхнуло Польское восстание (в 1831 году). Оно было делом рук высших классов польского общества; прочие элементы примкнули к революционным действиям лишь тогда, когда движение приняло стихийный характер. Руководительство, таким образом, принадлежало тем кругам польского общества, в которых сильнее господствовал предрассудок по отношению к евреям, и этим в известной мере определилась роль евреев в восстании. Евреи присоединились к революции тогда, когда она стала массовым движением. Вместе

---

[2]) См. том I, стр. 216.

с варшавской академической молодежью под знамя восстании стала группа евреев-учащихся, среди них несколько воспитанников раввинского училища, — все они вошли в состав почетной академической гвардии. Примкнули к возмущению и другие евреи. Синай Герниш, от имени 20 — 30 единомышленников из богатых семей, обратился к диктатору Хлопицкому с просьбой разрешить образовать особый еврейский полк, но последовал ответ, что евреи, как не имеющие гражданских прав, не могут участвовать в военных действиях, а должны лишь уплачивать специальный сбор. Правда, по просьбе Иосифа Берковича, сына героя Берека Иоселовича [3]), евреям было предоставлено образовать на свой счет кавалерийский полк, при чем добровольцам обещали равноправие, которое должно было распространиться и на их потомство. Однако, против еврейских отрядов выступила варшавская община, представленная „божничным дозором", которому были переданы заявления Герниша и Берковича; община высказалась за то, чтобы евреи-добровольцы вступали в общие отряды, так как гражданское единение может быть вызвано лишь совместной службой; к тому же было опасение, что в случае военной неудачи на еврейский полк падут незаслуженные подозрения; наконец, готовая всячески помогать добровольцам, община не располагала средствами, необходимыми для содержания целого полка.

Многие добровольцы вступили в польские полки. Помимо того евреи вошли также в состав национальной гвардии благодаря ее начальнику Островскому, проникнутому демократическими идеями; не желая допускать различия между национальностями, он добился того, что народное представительство дозволило евреям вступать в гвардию.

Островский свидетельствовал, что в то время, как некоторые гвардейцы из среды польской буржуазии враждебно относились к товарищам-евреям и выражали опасение, что последним будут даны права, более демократические элементы относились к евреям вполне дружелюбно и избрали офицерами свыше десяти евреев.

Так как гвардейцы не могли носить бороду, что мешало вступить в их ряды более консервативным еврейским элементам, которым традиция не позволяла брить лицо, Островский образовал отряд „еврейской городской гвардии", членам которого было разрешено сохранить бороды.

В национальную гвардию шли более состоятельные классы; добровольцы из неимущей среды поступали в ряды „стражи безопасности" („strazy bezpieczenstwa"), на долю которой выпала тяжелая и опасная

[3]) Участник варшавского восстания и польских войн (умер в 1809 г. в стычке под Коцком), перешедший в память потомства, окруженный легендами.

работа; здесь в общем деле сплотились христиане и бедный еврейский люд.

Отрицательное отношение варшавского божничного дозора к особому еврейскому полку вызывалось, как можно думать, не только соображениями, высказанными открыто; были люди, которые не сочувствовали или не верили в успех революции; многим она не могла не представляться чужим делом. Безучастное отношение к восстанию проявилось среди еврейского населения в провинции; здесь начальники революционных отрядов вешали евреев без суда, как шпионов; а когда на смену являлись русские войска, они подражали полякам [4]).

Когда после подавления восстания вожаки и многие участники движения — среди последних и евреи — бежали за границу, идея об эмансипации евреев не встречала сочувствия даже в эмигрантских кругах, несмотря на то, что отдельные деятели революции пропагандировали ее. На родине же все осталось по-старому. Не успело еще замолкнуть бряцанье оружия, как варшавяне начали заниматься спорами об угловых домах, выходящих на „дозволенную" и на „запретную" для евреев улицы. В 1832 г. было об'явлено, что, проживая в угловых домах, евреи обязаны сделать для себя выход на дозволенную улицу; но зато угловые магазины в таких домах должны рассматриваться как находящиеся у дозволенной улицы [5]).

Трудно сказать, что было более драматичным—то ли, что бесправные евреи, находясь в рядах „стражи безопасности", помогали делу восстания, или то, что эти бывшие герои должны были попрежнему хорошенько знать план Варшавы.

В это время группа евреев, именовавшая себя „депутатами евреев Царства Польского", обратилась (1832 г.) к наместнику Паскевичу Эриванскому, князю Варшавскому, с просьбой о расширении их гражданских прав и об уничтожении упомянутого выше комитета. Комитет успел вызвать недовольство не только среди консервативных еврейских кругов, но и прогрессивных, не исключая тех евреев, которые участвовали в комитете. Вошедший в состав комитета аббат Киарини склонил комитет придать просветительной реформе характер борьбы с Талмудом. Вообще Киарини нападками на евреев усилил в польском обществе антисемитское движение, и это отразилось на отношениях евреев к комитету.

Князь Варшавский поддержал просьбу евреев. Он представил о ней государю, доложив, что некоторые обстоятельства, указанные ходатаями, должны быть признаны уважительными и что вообще по-

---

[4]) В Литве евреи остались верными русскому правительству.

[5]) О более ранних стеснениях—см. т. I, стр. 230.

ложение евреев заслуживает внимания, „ибо они, без сомнения, наиболее привержены к законному правительству из жителей Польши"; дабы привязать их еще больше, надо, чтобы правительство поддерживало их; с этой целью и следует учредить комитет, который занялся бы рассмотрением просьб евреев. Государь согласился. Тем не менее, ничего не было предпринято к облегчению положения еврейского народа. Напротив, он стал испытывать новые стеснения в жительстве и хозяйственной деятельности.

Между тем евреи были сравнены (1843 г.) с прочим населением в отношении натуральной рекрутской повинности, вместо которой до того времени уплачивали особый сбор. Сперва было предложено ввести для евреев Царства Польского те же исключительные правила о рекрутской повинности, которые существовали в Империи. Но кн. Варшавский воспротивился этому.

Введение натуральной повинности было вызвано соображением, что рекрутский сбор, издавна установленный, по своему размеру не соответствовал более численности еврейского населения, сильно возросшего. Однако, в виду плачевного состояния бюджета Царства Польского было предложено продолжать взимать с евреев рекрутский сбор и при несении ими натуральной повинности. Впрочем, государь разрешил взыскивать деньги лишь с тех, кто, будучи принят на службу, пожелает от нее отказаться.

Было обстоятельство, которое очень тревожило евреев — возраст для принятия на службу был определен с 12 лет. Являлось опасение, что будут брать преимущественно малолетних, и евреи добились постановления: брать рекрут лишь с двадцатилетнего возраста; малолетних же принимать только в том случае, если семья, не желая отдать своего кормильца, сама предложит в солдаты малолетнего. Таким образом, институт кантонистов остался неизвестным еврейскому населению Царства Польского, и рекрутская повинность в Царстве Польском не омрачилась ужасами, наполнявшими жизнь евреев в Империи. Евреи Царства Польского избегли и тех моральных язв, которые породила в Империи сдача рекрут самими еврейскими обществами. Божничные дозоры хотели было принять на себя эти функции, но кн. Варшавский не согласился, имея в виду, что это откроет простор для злоупотреблений как с корыстною целью, так и с целью борьбы фанатически настроенных общинных заправил с прогрессивными еврейскими кругами.

Рекрутские наборы производились успешно без всяких недоимок. Вот почему, когда в Империи, в виду недоборов, был введен институт „штрафных" [6]), эта суровая мера не была применена в Царстве Польском.

---

[6]) См. выше, стр. 115 и след.

Как мы знаем, с еврейского населения взимался специальный сбор в пользу казны—так называемый „кошерный“ с потребляемого мяса [7]). Несмотря на нищету населения, он быстро возрастал. Составляя в 1814 году всего 15 тыс. рублей, он достиг в 1815 году суммы в 228 тысяч, в 1836 г. — 264 тысяч, а в 1844 г. — 313 тысяч. Этот налог был более всего обременителен для неимущих кругов, падая на необходимый продукт питания. Не раз возбуждался вопрос о замене его каким-либо постоянным платежом — личной или посемейной податью, размер которой определился бы имущественным положением плательщика. Но зажиточные евреи противились такой реформе; они об'ясняли, между прочим, что при существующих условиях беднейшие вовсе не уплачивают налога, употребляя такие части животного (голова, внутренности и ноги), которые не облагаются сбором, и что подать, покрываемая косвенным сбором, гораздо менее обременительна, чем прямая. Но главная причина противодействия заключалась в том, что при реформе налога зажиточные были бы вынуждены уплачивать большую сумму. А правительственная комиссия, рассматривавшая этот вопрос опасалась, что прямая подать даст казне меньший доход, чем кошерный сбор, так как даже экзекуции не помогут взыскать с евреев подать. Если же кошерный сбор тягостен для бедных, то пусть они не едят мяса—ведь крестьяне не употребляют мяса без всякого для себя вреда!

В оправдание взыскания с евреев кошерного сбора указывалось, что они — не граждане страны. С введением рекрутской повинности этот довод утрачивал свое основание; тем не менее сбор сохранили, отвергнув даже предложение преобразовать его, чтобы сделать его менее обременительным для массы.

В возмещение за рекрутскую натуральную повинность варшавское правительство согласилось лишь на одну „милость“. Когда Варшава стала расширяться, евреев начали выселять с улицы, которая была причислена к разряду главных. Но потом, в виде особого „облегчения“, приняв во внимание, что евреи обязаны переменить одежду и что они несут рекрутскую повинность, варшавское правительство разрешило жить впредь: на одних запретных варшавских улицах не трем привилегированным семьям, как раньше, а пяти; на других таких же улицах Варшавы и на главных улицах прочих городов привилегированные евреи могли жить без всякого счета (1848 г.).

Когда в 1840 г. в Империи была предпринята коренная реформа еврейской жизни, в комитет Киселева был приглашен министр статс-секретарь по делам Царства Польского И. Туркул для соглашения по-

[7]) См. том I, стр. 216.

становлений о евреях Царства Польского с началами, принятыми в Империи. Однако, в Царстве Польском не было приступлено к реформе.

Как и в Империи, вопрос об улучшении положения евреев был возбужден в 1846 г. благодаря Моисею Монтефиоре [8]). Совершив, по предложению Николая I, поездку по губерниям, населенным евреями, Монтефиоре посетил также Царство Польское и в особой записке описал плачевное положение местных евреев. Прося распространить на евреев Царства Польского те реформы, которые были намечены для евреев Империи, Монтефиоре указал на ряд особых правовых ограничений, тяготевших над евреями Царства Польского: во многих городах им совершенно запрещено жительство, в иных—право проживания ограничивается лишь несколькими улицами; запрещено селиться вблизи дорог, а также в пограничной полосе, что в таком крае, как Царство Польское, составляет значительную часть территории; ремесленники чрезвычайно затруднены тем, что не могут пользоваться услугами учеников и поденщиков, не в праве поступать в обучение к мастерам христианам, не могут получить звание мастера; бременем для еврейского населения является кошерный сбор с мяса и птицы; посещение Варшавы также облагается сбором; еврей не может свидетельствовать на суде в деле против христианина и мн. др. Как и евреи Империи, польские евреи обвиняются в том, будто они уклоняются от производительного труда и предаются мелочной торговле, имея отвращение к земледелию и не любя ремесленного труда, что они занимаются контрабандным промыслом, отличаются одеждою от прочего населения и т. д. А между тем ремесленники составляют среди евреев больший процент, чем среди прочего местного населения; легко доказать, что они дают значительное число каменщиков, кузнецов, мостовщиков и др.; несомненно, число евреев, занятых производительным трудом, увеличилось бы, если бы были отменены правовые стеснения, которые они встречают на своем пути в поисках работы.

Записка Монтефиоре была передана министру статс-секретарю Туркулу для представления своих соображений. Туркул остановился на всех существовавших для евреев правовых ограничениях, указанных Монтефиоре, и осветил их в историческом развитии. Высказавшись за смягчение и даже отмену большинства стеснений, Туркул признал, что замечания Монтефиоре по поводу обвинений, пред'являемых еврейскому населению, не легко опровергнуть. „Что же касается прав гражданских,—гласило заключение Туркула,—которые следовало бы предоставить евреям, то я полагаю, что можно было бы издать новый указ о даровании им таковых прав с теми ограничениями, которые прави-

[8]) См. выше, стр. 10 и след.

тельством признаны будут необходимыми, ибо доселе *никогда еще правительство Царства положительно не выразило, что почитает евреев гражданами Царства,* как это имело место в Империи... Вообще польское законодательство по этому предмету, ежели только можно назвать его законодательством, есть не что иное, как смесь старинных средневековых австрийских фискальных постановлений и прусских, изданных в 1798 г.; из всех этих источников извлечены одни только стеснения для евреев, не взирая ни на обстоятельства, в которых те постановления изданы, ни на то, что каждое правительство основывалось на совершенно различных между собою видах".

Записка Монтефиоре и извлечение важнейших мест из записки Туркула были представлены Киселевым государю при докладе. Приведя заключение Туркула о характере польского законодательства о евреях, Киселев, обратив внимание государя на то, что на наместника уже возложено поручение применять к евреям Царства Польского, поскольку это возможно, те меры, которые вводятся в Империи, испросил (1847 г.) подтверждение такового распоряжения. Но и это не привело к практическим результатам...

Изолированное в гражданской жизни от окружающего общества, еврейское население не выходило из вековой религиозно-национальной замкнутости. Немногочисленная интеллигенция порывала со своим народом, и таким образом не было посредников, которые взаимно сближали бы соседние народности. Раввинское училище, имевшее целью внести, чрез посредство раввинов и учителей, луч света в царство фанатизма, не имело успеха; подобно раввинским училищам Империи оно превратилось в обычный рассадник просвещения. Хотя во главе варшавского училища находился Авраам Штерн, столь верный религиозной традиции, оно не могло вызвать к себе доверие в ортодоксальных кругах; фактический руководитель училища Антон Эйзенбаум [9]) и другие преподаватели, отличавшиеся свободомыслием в религиозно-обрядовых вопросах, вели воспитанников к отказу от традиции. Училище не дало ни одного раввина. Окончившие училище становились учителями, бухгалтерами и т. д., но большинство воспитанников (за 18 лет—817 душ), не завершив курса училища, ушли в общие учебные заведения, поступили в конторы, отдались коммерческой деятельности, мастерству и проч. Из числа воспитанников училища многие крестились—с 1830 г. по 1848 г., насколько стало известно училищному начальству, перешли: в православие—6, в католичество—18, в евангелическую веру—7; один стал миссионером в Лондоне.

---

[9]) См. том I, стр. 237.

Как уже было сказано, законодательство о евреях, действовавшее в Империи, не распространялось на Царство Польское. Между прочим, не было преобразовано и школьное дело, при чем это об'яснялось тем, что в Империи на открытие еврейских школ был ассигнован особый сбор с евреев, между тем в Царстве Польском такой сбор не мог быть установлен, потому что специальный налог с евреев и без того поступал полностью в пользу казны...

Все же одну „культурную" меру здесь ввели по образцу Империи— запрещение носить еврейскую одежду, а еврейкам брить голову. Низшей администрации было предписано (1851 г.) использовать всевозможные способы к немедленной перемене платья, „даже личное принуждение". Это распоряжение вызвало ряд насильственных действий со стороны полицейской власти, но все же евреи остались при прежней одежде.

Хотя масса бедствовала [10]), еврейская буржуазия стала быстро завоевывать себе место в торгово-промышленной жизни страны и упрочивать свое благосостояние, когда с 30-х годов местная экономическая деятельность начала значительно прогрессировать. Капитализм, способствуя развитию промышленности, создавая фабрики и заводы, банки и железные дороги, дал евреям возможность найти широкое поле для трудолюбия и инициативы, а вместе с тем способствовал установлению более близкого общения евреев с поляками в деловой и повседневной жизни. В результате этого, буржуазия и примыкавшая к ней интеллигенция, усвоив европейское образование, уподобившись в домашнем и общественном обиходе польской буржуазии и интеллигенции, увлекаясь польскими национально-политическими интересами, стала утрачивать былую внешнюю связь с массой. Такие новшества, как, напр., проповеди в синагоге на польском языке, свидетельствовали о преднамеренном отречении от векового религиозно-национального быта, издавна создававшего некую общность между различными социально-экономическими группами еврейского народа. Представители крупного капитала и свободных профессий, широко участвуя в хозяйственном и культурном развитии края, почувствовали потребность образовать с польским обществом нечто единое в социально-политическом отно-

---

[10]) Показателен проект переселения нескольких сот еврейских семейств из Царства Польского в Алжир на средства западно-европейских еврейских богачей. См. в „Евр. энциклопедии" (т. II, стр. 19—22) статью „Алтарас, Яков Исаак", в коей использован материал из архива гос. совета: собст. его величества канцелярия по делам Ц. Польского, 1846 г., дело № 43 „О дозволении евреям переселяться в Алжир".

шении. Отсюда развилось ассимиляционное течение, с одной стороны встреченное сочувственно в некоторых польских кругах, а с другой— придавшее давней вражде аристократии к еврейскому народу большую остроту, в известной мере усугублявшуюся тем, что упадок материального благополучия аристократии совпал с накоплением капиталов в руках евреев [11]).

[11]) С. Мстиславская, Евреи в польском восстании 1831 г. „Евр. Старина", 1910 г., вып. I, II. Там же, стр. 419—21; „Евр. Старина", 1909 г., вып. III, стр. 128—148.—Из истории варш. раввинского училища („Пережитое", т. I).—Ю. Гессен, Борьба правительства с евр. одеждой и т. д. („Пережитое", т. I; источники по вопросу об одежде см. выше, стр. 94, подстрочное примечание 20. Материал о позднейших годах— см. „Еврейская Старина" 1912 г., стр. 334). — Его же, К истории коробочного сбора (СПбург, 1911 г.), стр. 62—65.—Статья „Царство Польское" в „Евр. энциклопедии", т. XV. — Материалы комиссии по устройству быта евреев. По Царству Польскому. СПбург, 1874 г.: „Справка из дела об упразднении короб. сбора в г. Варшаве и вообще в Ц. Польском". Тоже в деле означенной комиссии № 16.—Дневник законов Ц. Польского. — Департамент духовных дел иностр. исповеданий, дело № 45 (1863 г.) „О распространении на евреев Ц. Польского... правил, воспрещающих евреям носить особую... одежду и т. д.".—Архив госуд. совета собств. его величества канцелярия по делам Ц. Польского: 1833 г., дело № 23 „По просьбе депутатов евреев Ц. П. о предоставлении им некоторых гражд. прав и об упразднении Евр. комитета"; 1842 г., дело № 39 „О рекрутском наборе евреев"; 1841 г., дело № 7 „Об устройстве евреев"; 1847 г., дело № 39 „По поводу писем Г. Монтефиоре о положении евреев в Ц. Польском"; 1842 г., дело № 38 „О кошерном и короб. сборе с евреев"; 1830 г., дело № 128 „По просьбе некоторых евреев о правах"; 1849 г., дело № 25 „О евр. раввинском училище". Архив Еврейского комитета, дело № 26 „По замечаниям г. Монтефиоре о разных ограничениях в правах евреев в Империи и Ц. Польском".

Глава восьмая.

„Эпоха великих реформ". — Саратовский процесс и суд над еврейским вероучением.—Отмена рекрутских репрессий и перелом в правительственной политике.—Прежний режим правовых стеснений уступает место системе смягчения ограничительного законодательства. — Еврейские советчики.—Отказ от николаевской меры „разбора". — Отрицательное разрешение вопроса о гражданском равноправии. — Выступления „Рассвета". — Споры о черте оседлости и выяснение ее пагубной экономической роли.— Отмена местных ограничений. — Льготы для купцов и лиц с высшим образованием. — Ходатайства еврейских деятелей. — Выход ремесленников и бывших нижних чинов из черты оседлости.—Ничтожное экономическое значение указанных льгот.—Падение крепостного права и ухудшение материального положения евреев. — Вопрос о владении землею. — Общественная и государственная служба.

Наступил переходный период, фактически продолжавшийся недолго, но несомненно представлявшийся передовому русскому обществу тягостно-длительным, когда могло казаться, что с кончиною Николая I (18 февраля 1855 г.) Россия останется попрежнему в мертвящих тисках окаменелого самодержавия. Это опасение вызывалось тем, что в первое время по воцарении Александра II правительственная машина продолжала действовать по „заветам" Николая. Но такое движение государственного аппарата было лишь инерцией тридцатилетнего николаевского режима, и ее могло хватить лишь на считанные часы. Севастопольская трагедия в полной мере обнаружила, к каким гибельным последствиям привело государственное устройство, основанное на крепостничестве, крайнем абсолютизме, на совершенном отрицании общественной самодеятельности, и этим самым падение Севастополя приблизило день, когда необходимость переустройства русского государственного быта стала жизненно-неотложной. Уже вскоре правительство Александра II приступило к той преобразовательной деятельности, которая на мрачном фоне предшествующего царствования и дальнейшей быстро надвинувшейся реакции получила название „эпохи великих реформ". Отмена крепостной зависимости (1861 г.), автономия университета (1863 г.), земское самоуправление и новые судебные уставы, в основу которых были положены гласность и отделение судебной власти от административной (1864 г.), наконец, цензурные смягчения (1865 г.)—все это в со-

вокупности в известной мере освежило государственно-общественный быт, приободрило интеллигенцию.

Наряду с прочим населением благодетельные последствия обновления государственной жизни испытали на себе и евреи. Конечно, не широкая масса. Попрежнему сдавленная в черте оседлости ограничительным законодательством извне и религиозно-национальным общинным строем извнутри, она оказалась, как мы потом узнаем, еще в худших материальных условиях. Но свежим воздухом, повеявшим в ту пору над страной, могли в некоторой мере насладиться, помимо представителей капитала и интеллигенции, также некоторые другие группы еврейского народа, для которых ограничительное законодательство вскоре было смягчено.

Первоначально правительство Александра II продолжало по отношению к евреям политику репрессий, усердно проводившуюся в предшествующие 30—40 лет. Появились даже новые стеснительные постановления о военной службе [1]), о праве владения недвижимым имуществом [2]); по просьбе некоторых помещиков евреям запретили жить в селах и деревнях Витебской и Могилевской губерний, хотя они пользовались таковым правом в прочих губерниях черты оседлости [3]). Однако, вслед за тем некоторые из этих ограничений были отменены, и в течение ближайших лет была разрежена сеть ограничительных законов, сотканная при Николае. Столь быстро наступившее смягчение прежней репрессивной политики было, конечно, обусловлено общей напряженно-деятельной атмосферой „эпохи великих реформ“. Однако, органической связи между обновлением общерусской жизни и преобразованием еврейского быта не чувствуется. Общественные силы, сыгравшие роль в деле государственного переустройства страны, не приняли участия в изменении условий еврейской жизни. Печать говорила о предоставлении евреям гражданских прав, но далее литературной пропаганды русское общество не могло пойти, и частичные смягчения ограничительного законодательства протекли в уединении ведомственных канцелярий при некотором воздействии только со стороны представителей еврейской буржуазии и интеллигенции [4]).

---

[1]) Вт. собр. законов, №№ 29808, 30484, 30493, 36233.

[2]) Там же, № 29277 (3 мая 1855 г., опубл. 24 июня)—в Полтавской и Черниговской губерниях, № 36029 (1860 г.)—в Крыму.

[3]) О проживании в деревнях — см. выше, стр. 39—40.—Журнал Евр. комитета 17 дек. 1856 г. (запрет в Вит. и Могил. губерниях).

[4]) С. М. Гинзбург. Забытая эпоха („Восход“, 1896 г.; также в сборнике его статей „Минувшее“ изд. 1923 г., „Забытая страница“)—обзор русской печати того времени.—И. Сосис. Общественные настроения эпохи великих реформ („Еврейская Старина“, 1914 г.).—См. также: „Евр. энциклопедия“, статья „Антисемитизм в России“ (т. II).

Как в ходе общегосударственных преобразований воля Александра нередко служила тормозом, так и при смягчении условий еврейской жизни сказывалось его противодействие. Побеждаемый духом времени и настойчивостью членов правительства, он неоднократно утверждал проекты об отмене отдельных ограничительных законов, но наряду с этим он порой требовал сохранения даже маловажных репрессивных постановлений, подчиняясь, повидимому, какому-то чувству недоверия к евреям, смешанному с некоторым страхом перед ними, которое наложило свою тяжелую печать на николаевское законодательство. Такое отношение, распространенное и в бюрократических, и в общественных кругах, питалось давними предрассудками, среди которых, как можно полагать, видное место занимала легенда об употреблении евреями крови христиан—она служила потайным компасом, которым в некоторой мере правительство негласно руководствовалось при установлении общей политической линии по еврейскому вопросу. Между тем, по прихоти судьбы случилось, что подобно тому, как Николай I, приняв власть, получил в наследие от своего предшественника „велижское дело“ [5]), так и Александру II пришлось завершить подобный же ритуальный процесс, саратовский, возникший в 1853 году, благодаря чему вызванный воцарением Александра II пересмотр еврейского вопроса совпал с оживлением кровавого навета.

В Велиже к ответственности были привлечены ветхозаветные евреи, крепко спаянные со своей религией, со своим народом. В Саратове, лежавшем далеко за пределами черты оседлости, а потому почти лишенном еврейского населения, умерщвление христианского ребенка было приписано, между прочим, еврею Юшкевичеру, с 14-летнего возраста проживавшему вне еврейской массы, окруженному в семье крещеными, и его сыну, нареченному при крещении Федором Юрловым, человеку опустившемуся, нанявшемуся в рекруты, чтобы пьянствовать до времени, когда забреют лоб. Роль обвинителя-соучастника сыграл рядовой Богданов, некогда странствующий акробат, пропойца и картежник; однажды за буйство его хотели арестовать. но он крикнул: „Я хочу открыть еврейское дело“, и стал рассказывать, что Юрлов позвал его в дом своего отца, где в его присутствии было совершено источение крови у ребенка. Показание Богданова не соответствовало ряду установленных фактов, но все же оно послужило основанием для обысков и арестов. Свидетелями выступили также юноша Локотков, пьяница, побывавший в остроге, и чиновник Крюгер, имевший за собою сомнительное прошлое, который, находясь в кабаке, разгласил, будто его впустили в синагогу, когда совершалось злодеяние, а так

[5]) См. том I, стр. 211—212, том II, стр. 21—27.

как это сообщение было мало вероятно, то Крюгер об'яснил, что он сам тайно придерживается иудейской веры. Несмотря на столь тяжкое самообвинение, Крюгер оставался на свободе и помогал следователям в их розысках. Доказчиком против Юшкевичера выступил и его зять, попавший под следствие за мошенничество и для облегчения своей участи принявший крещение во время процесса. Участвовали в деле и женщины, интимно знакомые местному гарнизону. Все они давали показания, взаимно противоречащие.

Вокруг саратовского происшествия создалась атмосфера, в которой самый нелепый донос влек за собою особое следствие. В районе Саратова возникло несколько дел о „похищениях мальчиков". Местные тюрьмы и полицейские части не могли вместить всех арестованных—евреев, „хохлов", немцев-колонистов и др. Вся эта шумная затея приняла столь внушительные размеры, что в 1854 году в Саратове была образована специальная „судебная комиссия" под председательством чиновника министерства внутренних дел А. Гирса с целью преследовать весь материал, собранный по делу Юшкевичера, особо остановившись на роли Богданова и Крюгера, а также исследовать „в возможной степени *тайные догматы* религиозного изуверства евреев". Посвятив разбору дела два года, судебная комиссия не признала подсудимых виновными; она оставила некоторых лишь в „сильнейшем подозрении". А департамент сената (в Москве) постановил (1858 г.) привлеченных евреев освободить, одного лишь Юшкевичера оставить в сильнейшем подозрении, а доносителей присудил: Богданова — к каторжным работам, Крюгера—к сдаче в солдаты и пр. Министр юстиции присоединился к решению департамента сената, но военный министр не согласился с оправданием евреев, и дело перешло в государственный совет. Известный деятель судебной реформы Д. Замятин всячески доказывал несостоятельность обвинения; он отметил, между прочим, что непонятно, для чего надобно было бы евреям — если предположить, что они действительно совершили злодеяние — привлекать христиан? Он также указал на то, что если комиссия, работавшая на месте, не нашла данных для признания евреев виновными, то может ли государственный совет вынести обвинительный приговор. Но из 24 членов государственного совета к нему присоединились только двое, остальные признали обвинение доказанным, а потому трое евреев, в том числе выкрест Юрлов, были присуждены к каторжным работам; некоторые оставлены в подозрении; христиан присудили к легкому сравнительно наказанию, при чем, „во внимание к чистосердечному их, подсудимых, сознанию, через что обнаружены главные преступники", было возбуждено ходатайство о смягчении их участи.

Государственный совет оставил, однако, открытым вопрос о цели и характере самого преступления. Его сентенция гласила: „Вопрос об употреблении евреями христианской крови для религиозных целей или для излечения болезней занимает несколько столетий богословов и других ученых; но... все еще остается неразрешимым, почему он и не может быть принимаем в соображение при постановлении судебного решения. Устраняя от себя вследствие того все суждения как о сокровенных догматах еврейской веры или тайных сект ее, так и о влиянии, какое подобные догматы могли иметь на предлежащее обсуждению государственного совета дело, и обращаясь единственно к обстоятельствам этого дела, соединенные департаменты, не колеблясь, признают, что существование самого преступления (какие бы ни были побуждения к нему) здесь вполне и несомненно доказано".

Таким образом, могло бы казаться, что саратовское дело не носило „ритуальной" окраски. Но фактически по этому процессу скамью подсудимых заняли не только отдельные лица, но и еврейское религиозное учение. Как бы подражая своим велижским собратьям, саратовские следователи пытались обосновать обвинение еврейским вероучением и поэтому даже у посторонних евреев в разных местах забрали книги. Особенно интриговала следователей картинка, изображавшая, по их мнению, источение евреями крови у христианских детей. Двое солдат из выкрестов [6]), ознакомившись со всем книжным материалом, заверяли, что обвинение в ритуальном злодеянии ложно. Но им не поверили.

В декабре 1855 г. по постановлению комитета министров литературный материал перешел на рассмотрение специальной комиссии, образованной в Петербурге при департаменте духовных дел иностранных исповеданий под председательством упомянутого выше Гирса. В ее состав вошли со стороны министерства народного просвещения — профессор петербургского университета Д. Хвольсон (крещеный еврей), а со стороны духовного ведомства — профессор духовной академии Левисон (крещеный еврей), протоиерей Павский и священник Сидонский. В течение нескольких лет Хвольсон и Левисон [7]) изучали собранный материал, и на основании их подробного доклада комиссия заявила, что „не нашла ничего такого, чтобы могло относиться до употребления евреями вообще или кем-либо из них в частности христианской крови в видах осуществления какой-либо религиозной или

[6]) Один из них — Александр Алексеев. См. о нем: „Евр. энциклопедия", I, стр. 839—40.

[7]) Д. Хвольсон (1819—1911 г.г.), ориенталист-семитолог, автор исследования о кровавом навете „О некоторых средневековых обвинениях против евреев", 2-ое изд. 1880 г. (1-ое изд. 1861 г.) — В. А. Левисон жертвовал на дело распространения православия среди евреев (умер в 1869 г.).

суеверной цели; равным образом в книгах не открыто и таких мест, внутренний смысл коих был бы прямо или косвенно направлен к оскорблению христианской веры или поруганию над св. таинством оной". Между прочим комиссия установила, что картинка, будто бы изобличавшая евреев в употреблении крови, оказалась иллюстрацией из пасхальной агады; изображающей фараона, купающегося в крови еврейских детей, чтобы излечиться от проказы.

Вопрос о содержании молитвенных книг не вызвал разногласия в комиссии. Совершенно иное произошло с общим вопросом об употреблении евреями крови. Хвольсон и Левисон отвергли как существование догмата употребления человеческой крови, так и возможность подобного изуверства, но протоиерей Павский дал уклончивый ответ, заявив, что в данное время разрешение вопроса невозможно, а священник Сидонский, считая, что случаи, когда евреев обвиняли в детоубийстве, вполне достоверны, „предлагал и об'яснение цели и религиозного значения подобного изуверства". Это разноречие не позволило председателю комиссии Гирсу представить по начальству какое-либо общее заключение. И он высказался в таком же смысле, как Николай I по поводу велижского дела [8]): раз и среди последователей христианства имеются „отдельные примеры величайшего изуверства, прямо противоречащие смыслу и даже букве христианского учения, то во всяком случае нельзя отрицать, чтобы и среди еврейского населения не могло быть отдельных преступных изуверов". Но в дальнейшем пути Николая и Гирса разошлись: Николай пошел в сторону репрессий, Гирс—в сторону раскрепощения еврейского населения. Ссылаясь на опыт западно-европейских государств, он заявил, что лучшим средством к искоренению возможности подобного изуверства являются предоставление евреям гражданских прав наравне с прочими подданными и распространение среди них просвещения.

Мысль о наделении евреев общегражданскими правами в корне противоречила той „исторической традиции" [9]), согласно которой будто бы судьба навеки обрекла еврейский народ в России на бесправное существование. Поэтому можно было бы подумать, что мнение, высказанное Гирсом, будучи плодом его собственных размышлений, не служило отражением общественного настроения. Но оказалось, что к мнению Гирса присоединился министр внутренних дел Валуев, по словам которого только поднятием материального и нравственного состояния евреев можно предотвратить возможность ритуальных преступлений и установить лучшие отношения между евреями и христианами. Затем,

---

[8]) См. выше, стр. 27.

[9]) См. выше, стр. 47—48.

взгляд, высказанный Валуевым, встретил полное сочувствие в Еврейском комитете и, наконец, вызвал (1862 г.) одобрение Александра II [10]).

Мы видим, следовательно, что мысль о смягчении ограничительных законов успела завоевать себе право гражданства в правительственных кругах. Как же это случилось? Выше было отмечено, что первоначально правительство Александра по инерции продолжало вести по отношению к евреям репрессивную политику, утвердившуюся в предшествующее царствование. Но уже вскоре наметился перелом.

Отход от репрессивной политики начался с рекрутчины, безрассудно доведенной, как мы знаем, в последние годы Николая до совершенно невыполнимых размеров. Те двенадцать купцов и почетных граждан, которые пытались оградить от рекрутчины „производительную" часть народа, отмечали с тревогой, что вообще не хватает людей для удовлетворения рекрутских наборов и что поэтому на евреев падет обвинение в уклонении от военной службы [11]). И поэтому они просили, чтобы с евреев брали такое же число рекрутов, как и с прочего населения. Тогда же и более решительные администраторы сочли необходимым указать на катастрофические последствия непомерной рекрутчины. Генерал-губернатор Прибалтийских губерний кн. Суворов заявил, что усиленные наборы со всех слоев еврейского населения вредны для государства, так как „не уничтожают еврейского населения" (чего добивался Николай I), потому что плодовитость его покрывает убыль, вызываемую рекрутчиной, а между тем эти наборы разоряют еврейские общества. На это же обратил внимание виленский генерал-губернатор Бибиков, предупредив, что еврейские общества вследствие истощения вскоре окажутся не в состоянии отправлять государственные повинности. Оба администратора настаивали на уравнении евреев в отношении рекрутчины с прочим населением. И это позволило Еврейскому комитету заявить о необходимости отменить

[10]) Архив Евр. комитета, дело № 53 „По вопросу об употреблении евреями христианской крови с религиозной целью" (1855—62 г.г.). —Журнал Евр. комитета 19 апр. 1862 г.—П. Левинсон, Памяти старого суда (Журнал гражд. и угол. права, 1880 г., кн. 2, 3, 4).—Его же, Еще о Сарат. деле („Восход", 1881 г., кн. 4). — Материалы канцелярии совета двор. обществ (ч. V, стр. 208—243). — Алексеев, Употребляют ли евреи христ. кровь? (Новгород, 1886 г.).—М. Львович, Ритуальн. убийства (СПБург, 1911 г.).—Его же, Последняя позиция.—Роковая ошибка недавнего прошлого („Восход", 1889 г., №№ 15 и 16).—Хвольсон, О некоторых среднев. обвинениях—см. предисловие.—„Саратовский свиток"—летопись, составленная одним из привлеченных по делу (сборник „Меасеф" за 1902 г.).—„Евр. энциклопедия", т. 14 (стр. 2—9).—Х. Коробков, Памяти мучеников („Пережитое", т. IV). — Д. Фейнберг, Кремье и освобождение Юшкевичера („Пережитое", т. IV).—Ю. Гессен, К Сарат. делу—сообщение извлечено из упомянутого дела Евр. комитета, № 53 („Пережитое", т. IV, стр. 322—24, напечатанная здесь записка не была передана царю).

[11]) См. выше, стр. 119. Журнал Евр. комитета 9 апр. 1855 г.

не только усиленные наборы, но и такие исключительные меры, как прием малолетних и штрафных, а вместе с тем пересмотреть закон о ловле „беспаспортных", установленный в виде опыта на три года, каковой срок истекал [12]). Александр выразил согласие на это, но из-за ведомственной волокиты все оставалось по-старому. Между тем каждый день был дорог. Тогда Суворов вторично представил царю о необходимости отказаться от усиленных наборов и ловли „беспаспортных", и Александр подтвердил свое первое решение. Это дало возможность Еврейскому комитету миновать некоторые формальности, и законом 26 августа 1856 г. все рекрутские репрессии были отменены.

Трудно даже вообразить себе, какое впечатление произвела весть о этом на еврейское население. Рассеялся тяжкий кошмар, наполнявший еврейскую жизнь! Институт штрафных, „помайников" и кантонистов, поглотивший бесцельно множество жертв, был упразднен. Страшное слово „ловчики" перестало пугать детей и взрослых. Правда, в арестантских ротах инженерного ведомства продолжали томиться поверенные еврейских обществ, которые были туда сданы по повелению Николая I (1 июня 1853 г.), „без всякого освидетельствования, несмотря на неспособность к крепостной работе и на старость лет", впредь до того, что будут покрыты недоимки по рекрутским наборам, на этих „преступников" не был даже распространен манифест 1856 г., облегчавший участь прочих арестантов инженерного ведомства. Но в конце 1859 г. и эти жертвы рекрутских репрессий были возвращены домой. Все это принесло еврейскому народу неописуемое физическое и моральное облегчение, чем и было создано в еврейском народе неверное представление об Александре, как о человеке высоких гуманных чувств [13]), как о печальнике еврейского народа.

Отмена рекрутских репрессий, конечно, ничего не говорила о возможном смягчении ограничений в общегражданских правах, о ломке пресловутой „исторической традиции", так как при всей своей суровости законодательство о евреях было чуждо тенденции возлагать на них большие повинности, чем на остальных подданных, а потому рекрутская вакханалия являла собою столь кричащую аномалию, что для

[12]) См. выше, стр. 114—115.

[13]) Журналы Евр. комитета: 9 апр. 1855 г. (утв. 3 мая), 31 марта 1856 г. (утв. 5 июня), 6 июля (утв. 16 июля); доклад Киселева от 14 июня. Ср. также журнал 17 дек. (утв. 18 янв. 1857 г.) – об отмене взимания по одному рекруту за каждые 300 руб. недоимки (см. выше, стр. 115—согласно журнала Евр. комитета 19 дек. 1853 г., одобренного журналом комитета министров, утв. 28 апр. 1853 г., но еще не приведенного в действие), журнал 16 ноября 1859 г. (утв. 3 дек.)—Второе собр. законов, № 30888 (26 авг. 1856 г.).—В „Евр. Старине", 1915 г. (вып. II, стр. 216—224) напечатана записка о пойманиках, представленная в марте 1855 г. Александру II. В конце записки сказано, будто она привела к изданию закона 1856 года, но это неверно.

ее отмены не требовалось каких-либо государственных размышлений в связи с общим положением еврейского народа. Но при всем том, освобождение евреев от специально для них установленного рекрутского бремени было показательно, свидетельствуя о готовности правительства порвать с николаевским режимом.

И действительно. Еврейский комитет, не сочувствовавший Николаю в его безудержной репрессивной политике—вспомним об его неудачной попытке склонить Николая к смягчению ограничительного законодательства—стал при Александре готовиться к улучшению условий еврейской жизни, подбирая соответствующие материалы. Наконец, председатель комитета Киселев представил государю (14 марта 1856 г.) доклад, в котором — как десять лет назад Николаю [14]) — заявил, что признает всю предшествующую работу комитета безрезультатной: целью комитета было—„ослабив религиозные убеждения евреев, вести их к слиянию с общим населением и обратить к полезному труду", между тем со времени учреждения комитета беспрестанно поступали сообщения о том, что „законоположения о евреях в соединении с разными мерами, временно постановленными, содержат в себе многие противоречия и ограничения", затрудняющие достижение „слияния евреев с общим населением". И Киселев предложил „пересмотреть все существующие постановления о евреях для соглашения их с общими видами слияния сего народа с коренным населением, поколику нравственное состояние евреев может сие дозволить".

Это предложение было утверждено. И тотчас министерские канцелярии развили энергичную деятельность, каждая по своей части выдвигая разнообразнейшие вопросы еврейского бесправия [15]).

Указание на „нравственное состояние" евреев предопределило границы и характер преобразовательной деятельности: она могла коснуться лишь частных вопросов, лишь некоторых сторон еврейской жизни, поскольку „нравственное состояние" евреев (т. е. приписываемые им фанатизм и экономическая вредоносность) не угрожало интересам государства и прочего населения. Но вместе с тем утверждение доклада Киселева открыло новый путь для разрешения еврейского вопроса. Господствовавшая до тех пор идея, что преобразование евреев может быть достигнуто лишь помощью репрессий, должна была усту-

---

[14]) См. выше, стр. 109—110.

[15]) Архив мин. внутр. дел, департамент полиции исполнит., 1856 т. № 3499 „О слиянии евреев с коренными жителями"; 1856 г. № 3500 „Об устройстве быта евреев"; 2-ое отд. собств. его величества канцелярии, 1856 г. № 85 „О соглашении постановлений о евреях с общими видами слияния их с коренными жителями".

пить место мысли о необходимости в этих целях постепенно смягчить если не все, то отдельные правовые ограничения.

Были намечены разнообразные вопросы, подлежавшие пересмотру. Одни из них касались частных стеснений в занятиях. Но об основной причине бедственного состояния народа, о черте оседлости, которая препятствовала свободному приложению труда, не было упомянуто. И это потому, что черта оседлости почиталась фундаментом того многогранного ограничительного законодательства, углы которого, по мнению правительства, можно было в некоторой мере сгладить, но без которого не мыслилось соседское существование христиан с евреями. А между тем экономическая потребность в выходе за пределы черты оседлости была столь ощутима, что едва только появилась надежда на возможность грядущих общегосударственных реформ, едва только повеяло первым дыханием ожидаемого обновления государственной жизни, как в среде еврейской интеллигенции возникло смелое намерение поднять вопрос об уничтожении черты оседлости. Нужда в просторе для торгово-промышленной деятельности еврейского народа была столь остра, что мысль об отмене черты оседлости, в годы Николая совершенно недопустимая, представилась теперь возможной. Рижский купец Брайнин, вряд ли действовавший на свой личный риск и страх, обратился к царю с просьбой о предоставлении еврейскому народу права повсеместного жительства. Это ходатайство, при всей своей исключительности, не было оставлено без внимания. Оно поступило на рассмотрение Еврейского комитета. И тогда обнаружилось, сколь призрачны были мечты об упразднении черты оседлости.

Киселев предложил (июль 1856 г.) оставить просьбу Брайнина без удовлетворения, так как „для массы евреев нынешние ограничения должны существовать во всей силе". Царь с этим согласился, при чем было „высочайше повелено неизменно следовать этому правилу" [16]), что и было исполнено.

Отметим, что сам Александр неоднократно выступал в качестве бдительного стража черты оседлости. Когда (1855 г.) комитет министров постановил дозволить евреям, в виду военных действий, производить маркитантский торг повсюду при войсках, не считаясь с законами о жительстве, государь отклонил решение комитета, положив резолюцию: „оставить на нынешнюю войну, где есть, но вновь не допускать". Тогда же было запрещено полкам и военно-учебным заведениям иметь вне черты оседлости более, чем по одному портному и закройщику из евреев [17]). Еврейский комитет намеревался предоставить отставным

[16]) Журналы Евр. комитета, стр. 119—120.
[17]) Второе собр. законов, №№ 29378, 29850.

нижним чинам право жить всюду в Империи (1858 г.), но государь написал на журнале комитета: „я решительно на это несогласен“ [18]). Правда, в 1860 г. он разрешил отставным нижним чинам, служившим в гвардии, жить в Петербурге [19]), но все же, когда Еврейский комитет задумал вновь поставить вопрос о всех бывших нижних чинах, Александр резко воспротивился—„на это я решительно несогласен, кроме того, что мною уже допущено для тех, которые служили в гвардии“ [20]), а когда великий князь генерал-адмирал предложил комитету министров распространить льготу, предоставленную бывшим гвардейцам и на евреев, служивших в морских командах в Петербурге и Кронштадте, государь положил резолюцию: „его высочеству генерал-адмиралу не следовало с подобным представлением и входить в комитет министров, не испросив на это моего разрешения, так как резолюция моя ясно относилась только до гвардии“.

При всем том, однако, царь принципиально не был противником нарушения законов о черте оседлости в пользу отдельных групп еврейского населения. И когда Киселев, предложив отвергнуть домогательства Брайнина о полном упразднении черты оседлости, все же нашел возможным допускать частичные отступления от общего правила, Александр выразил согласие, о чем были извещены министры внутренних дел и финансов. Таким образом, пред отдельными группами еврейского народа возникла возможность выйти из тесного гетто на всероссийский простор, и вставал лишь вопрос, какие именно группы и в какой постепенности получат право повсеместного жительства?

Этим занялись, с одной стороны, само правительство, а с другой—еврейские общественные деятели.

В первой половине 19-го века советчиками правительства по еврейскому вопросу выступали преимущественно более просвещенные евреи. Теперь эта роль перешла к именитому купечеству. Советчики из прогрессивного лагеря действовали, за редкими исключениями, каждый отдельно, на свой риск и страх; представители же купеческого мира стали выступать сообща, являя собою как бы особую организацию, имеющую право говорить если не от имени народа, то за народ. И вот, когда правительство решило пойти по пути частичной эмансипации, несколько еврейских купцов обратились (июнь 1856 г.) к государю с просьбой о даровании льгот не всему еврейскому населению, а лишь отдельным категориям. „Если молодое поколение,—заявили ходатаи,—воспитанное в духе и под надзором правительства, если высшее купечество, много лет развивавшее жизнь, деятельность и бо-

[18]) Журнал Евр. комитета 13 мая 1858 г. (утв. 18 мая).

[19]) Вт. собр. законов № 36339.

[20]) Журнал Евр. комитета 4 июня 1861 г. (утв. 29 июня)

гатство в крае, если добросовестные ремесленники, добывающие хлеб свой в поте лица, будут отличены правительством большими правами от тех, которые ничем еще не засвидетельствовали об особенной своей благонамеренности, пользе и трудолюбии, тогда весь народ, видя в этих немногих избранных предмет справедливости и благоволения правительства и, так сказать, образцы того, какими, по его желанию, должны сделаться евреи, с радостью устремится к достижению указанной правительством цели (т. е. слияния с прочим населением)... Ходатайство наше—говорили далее просители—состоит в том, чтобы милосердный монарх пожаловал нас и, отличая пшеницу от плевел, благоволил, в виде поощрения к добру и похвальной деятельности, предоставить некоторые умеренные, впрочем, льготы достойнейшим, образованнейшим из нас" [21]).

Как видим, общественные деятели провозгласили принцип неравенства евреев пред законом — они добивались смягчения участи не всего народа, а только определенных групп, становившихся таким путем в привилегированное положение по сравнению с прочей массой. Возможно, что купцы только потому выступили с подобным проектом, что им были известны намерения правительства действовать в таком же направлении. Однако, при всем том записка как бы санкционировала от имени еврейского общества принцип „разбора", принцип выделения привилегированных групп, что вполне соответствовало понятиям, утвердившимся среди имущего класса благодаря известному нам, проектированному при Николае, „разбору" всего еврейского населения. Эта мера, которую еще не успели осуществить, но которая со дня на день угрожала евреям, заключалась в том, чтобы всех, не имеющих производительного труда или имущества, подвергнуть новым правовым стеснениям, а также усиленной рекрутчине [22]) — последняя кара осталась в силе и после отмены различных рекрутских репрессий, так как при распространении на евреев общих рекрутских правил было предусмотрено, чтобы в первую голову направлялись в рекруты „бесполезные" евреи.

„Разбор" должен был повлечь за собою не только увеличение числа нищих, но также и обострение социальной розни, которая и раньше разгоралась вокруг сбора податей и рекрутчины [23]). По мере расширения прав так называемых полезных евреев и параллельного усиления репрессий для бесполезных, должна была все больше расширяться пропасть, раз'единявшая эти две социально-экономические

[21]) Ю. Гессен, Попытка эмансипации евреев в России („Пережитое", I).—Департамент полиции исп., 1856 г., дело № 3499.—Архив Евр. комитета, дело № 61 „По просьбе евреев об уравнении полезнейших и образованнейших из них в правах".

[22]) См. выше, стр. 81—83, 99 и др.

[23]) См. главу четвертую.

группы. Между тем, малейшее усугубление ограничительного законодательства, хотя бы только для части народа, в корне противоречило новому курсу, принятому правительством—повысить материальное благосостояние и моральный уровень еврейского народа посредством смягчения правовых стеснений, сковывавших их экономическую деятельность. Поэтому министр внутренних дел С. Ланской (связавший свое имя с делом освобождения крестьян от крепостной зависимости) задумал покончить с „разбором". Чтобы обосновить свое предложение, он предварительно обратился с запросом к местным властям, и полученные отзывы дали ему возможность заявить о необходимости отказаться от этой меры как не соответствующей цели правительства—сблизить евреев с прочим населением. Еще тогда, когда при Николае I от губернского начальства требовалось, чтобы „разбор" был приведен в действие, местные администраторы предупреждали, что эта мера приведет к результатам, противоположным тем, которые ожидались, что она не только не положит предела все возраставшей нищете еврейского населения, но создаст в каждом еврейском обществе особый класс людей, которым не останется никаких иных способов к существованию, как нищенство, так как с уходом большего числа рекрут, вызванного „разбором", семьи будут состоять из стариков, калек, женщин; когда же теперь местные администраторы были запрошены Ланским, насколько мера „разбора" целесообразна, в их отзывах „мысль о неудобствах и бесполезности" разбора была „выражена уже с большею решительностью, чем прежде". В результате было повелено оставить проект „разбора" без дальнейшего движения [24]).

Рассмотрение вопроса о „разборе" побудило высших администраторов глубже вдуматься в исключительные условия еврейской жизни, и если иные из них не замедлили возбудить ходатайство об отмене различных ограничений для некоторых кругов еврейского народа, то новороссийский генерал-губернатор гр. А. Г. Строганов счел возможным выступить с предложением о полном уравнении евреев в правах с прочим населением. Пока в западно-европейских государствах существовали правовые ограничения—указывал Строганов (1858 г.) — евреи в нравственном отношении стояли низко; „по мере же того, как правительства начали показывать себя более благоприятными евреям... они тотчас становились полезными членами общества наравне с другими гражданами... Такой удачный опыт слияния их с коренными обитателями Западной Европы вполне заслуживает быть принятым в соображение и у нас при обсуждении мер слияния евреев с коренными жителями Империи, и что касается меня, то, говоря со всею откровен-

[24]) Журнал Евр. комитета 17 февр. 1859.

ностью, я считаю самою успешною мерою для достижения упомянутой цели правительства уравнение евреев во всех правах с другими подданными податного сословия... Это вполне соответствовало бы духу нынешнего времени и совершенно было бы согласно с законами справедливости, а вместе с тем принесло бы пользу народной нашей промышленности и тем самым, нет сомнения, много способствовало бы даже ослаблению религиозного фанатизма евреев, о чем так сильно заботится само правительство" [25].

Ланской всецело поддержал Строганова. Ссылаясь на него, он заявил, „что слияния или, выражаясь точнее, сближения еврейского народа с коренными жителями по образованию, занятиям и тому подобное... можно достигнуть только уравнением евреев в правах с прочими жителями Империи, и потому всякого рода исключительные постановления для них, если только они не относятся до религии, разные стеснения и ограничения следует признать положительно препятствующими сближению их с прочим народонаселением и едва ли не главною и единственною причиною того жалкого положения, в каком они остаются у нас до сих пор" [26].

Но, как и следовало ожидать, проект Строганова и Ланского не был принят. Еврейский комитет (руководимый преемником Киселева Блудовым) не согласился на уравнение евреев в правах с прочим населением, поставив им в виду то, что в то время как западноевропейские евреи по первому приглашению правительства стали посылать своих детей в общие школы и сами более или менее обратились к полезным занятиям, русскому правительству приходится бороться с предрассудками и с фанатизмом евреев; вот почему „уравнение евреев в правах с коренными жителями не может иначе последовать, как постепенно, по мере распространения между ними истинного просвещения, изменения их внутрен-

---

[25]) Ю. Гессен, Попытка эмансипации евреев в России („Пережитое", т. I).— Подлинная записка Строганова — см. Особый архив департамента духовных дел иностранных исповеданий, Комиссия по устройству быта евреев (образованная в 1871 г.), дело № 41 („По отношению хозяйств. департ-та с запиской еврея Гинцбурга и т. д."), копия—в деле той же комиссии № 21. См. также департ. полиции исполн. 1856 г., дело № 3499 „О слиянии евреев с коренными жителями" (записка Строганова о „разборе" 25 окт. 1858 г.).

[26]) Архив мин. вн. дел, департ. полиции исполн., 1856 г., № 3499.—Князь Н. Орлов, сын председателя госуд. совета, представил (1858 г.) государю записку об улучшении положения раскольников, в которой высказался за предоставление евреям прав, которыми пользуются прочие подданные, а также допущение в страну иностранных евреев. Орлов писал: „Мы предвидим и ожидаем, что мысли наши встретят сильных порицателей. Предрассудок против евреев еще силен в России, и им, быть может, еще долго не воздадут должного" (С. Гинзбург, „Забытая страница", сборн. „Минувшее", стр. 44).

ней жизни, обращения их деятельности на полезные занятия". Эта сентенция, одобренная царем [27]), утверждала, в сущности, принцип „разбора". Если предполагавшийся „разбор", требуя, чтобы в отношении „бесполезных" были усилены репрессии, вводил неравенство в бесправии, то теперь путем смягчения ограничительных законов в отношении одних только „полезных" элементов новый „разбор" устанавливал неравенство в правах. И действительно, в соответствии с приведенной сентенцией между высшими администраторами — а отчасти и в еврейском обществе — разгорелись споры о том, каким именно группам и при каких условиях может быть дозволено водворение за пределами черты оседлости в целях торгово-промышленной деятельности.

По поводу указания виленского генерал-губернатора Назимова на то, что евреи в крае представляют самую печальную картину, министры внутренних дел (Ланской) и просвещения заявили (1861 г.), что важнейшая причина бедственного положения евреев таится в ненормальном количественном соотношении между ними, являющимися преимущественно торгово-промышленным элементом, и остальной земледельческой массой, также находящейся в жалком материальном положении; благодаря этому численному несоответствию, крестьяне неизбежно делаются жертвою евреев, будучи как бы обязаны отдавать часть своих средств на их содержание; с другой стороны, конкуренция среди самих евреев столь чрезмерна, что ставит их „почти в невозможность снискивать себе законными путями средства к существованию". Нравственный упадок и невежество евреев—говорили министры—являются результатом стеснений в жительстве и занятиях, и только с отменой этих ограничений возможно распространение между ними образования и „возвышение их нравственного уровня". А потому ставить постепенное улучшение нравственности евреев обязательным условием для постепенного предоставления им общих прав, и прежде всего права на свободу передвижения, а вместе с тем и на занятия,—„значит навеки осудить евреев на настоящее их положение не только к собственному их несчастию", но и к бедствию территории, входящей в состав черты оседлости. И министры всецело поддержали предложение Назимова о том, чтобы предоставить право повсеместного жительства купцам всех гильдий, а также окончившим курс среднего или высшего учебного заведения.

С своей стороны, и министр финансов Рейтерн говорил, что нравственный упадок еврейского населения зависит, главным образом,

---

[27]) Журнал Евр. комитета 17 февр. 1859 г. — Департамент полиции исп., 1856 г., дело № 3499.

от отсутствия у него возможности приобретать средства к существованию; поэтому необходимо „устранение тех материальных препятствий, которые еврей встречает на каждом шагу в попытках к улучшению своей участи; умственное же образование и нравственное развитие евреев будут несомненным последствием улучшения их материального быта". Промышленный элемент, вносимый евреями на рынок, значительно полезен там, где он удовлетворяет требованиям рынка, где предложение соответствует спросу; но в Западном крае — средоточии евреев—соразмерность эта давно уже нарушена; там они составляют от 10 до 12 процентов общей массы населения, а если из девяти жителей один вынужден снискивать себе средства к пропитанию преимущественно посредничеством между производителями и потребителями, и „притом с разными ограничениями в этом занятии, то заработки эти, в общей массе, до того скудны, что почти не предоставляют евреям возможности существовать законными способами приобретения". Конкуренция в Западном крае развилась до крайних пределов, благодаря чему они обречены на бедность, а прочее население лишено возможности принять участие в промышленности, так как соперничество евреев сильно понизило размер прибыли. Чтобы устранить это, необходимо направить промышленную деятельность евреев туда, где чувствуется потребность в ней. Между тем в большей части внутренних губерний, особенно в местностях земледельческих, промышленная деятельность развита чрезвычайно слабо, а потому внедрение торгово-промышленного еврейского элемента в земледельческую массу принесло бы неисчислимую пользу, с одной стороны, самим евреям, а с другой, как Западному краю, который освободился бы от излишка еврейского населения, так и прочим местностям Империи, куда евреи внесли бы капиталы, предприимчивость и полезную конкуренцию. Опасение, что евреи отстранят русских от торговли, говорил Рейтерн, не имеет основания; напротив, государство выиграло бы от правильного распределения народонаселения, от увеличения казенных податей, уменьшения контрабанды, от полезной конкуренции при подрядах, поставках и проч., от улучшения благосостояния сельского населения в Западном крае и одновременного оживления промышленности в прочих частях Империи. Поэтому Рейтерн предложил предоставить евреям, занимающимся торговлей, промыслами и ремеслами, селиться во всех местностях Империи и пользоваться торговыми и промышленными правами наравне с прочим населением [28]).

[28]) Журналы Евр. комитета; 4 июня 1861 г. (утв. 29 июня) и 12 окт. 63 г. (утв. 2 ноября).—Записки Ланского, министра нар. просвещения и Рейтерна изложены также в деле архива минист. народн. просв., департ. народн. просвещения, 1863 г., № 163445 (картон 4243).—Ю. Гессен. Закон и жизнь.

А киевский, волынский и подольский генерал-губернатор кн. Васильчиков, настаивая, в частности, на отмене стеснений в жительстве для ремесленников, указывал (1861 г.) на необходимость дать выход из черты оседлости также окончившим казенные училища: „В этом предстоит, как мне кажется, самая неотразимая необходимость. Молодые люди, выходя из заведений, видят себя совершенно оторванными от еврейских обществ... Не находя среди своих обществ занятий, сообразных с полученным ими образованием, они привыкают к праздности и нередко роняют в глазах общества образование, коего они являются недостойными представителями. Между тем как получив больший простор для своей деятельности, молодые люди могли бы легко отыскивать для себя круг действий, более соответствующих их новому образу мыслей... Такая обстановка, с преобразованием еврейского быта, в свою очередь, могла бы служить вящшим побуждением для евреев к восприятию гражданственности и к большему сочувствию интересам нашего правительства“ [29]).

Подобные проекты в совокупности охватывали столь многочисленные группы еврейского населения, что близко подходили к отмене черты оседлости. А граф Строганов (во всеподданнейшем отчете за 1862 г.) указал на необходимость полного уничтожения черты оседлости, об'ясняя, что если нельзя сразу расширить права евреев (как предлагал Строганов), а постепенно, то надо начать с предоставления права повсеместного жительства всему народу. Отмена же черты оседлости, по условиям того времени, представлялась в практическом отношении почти тождественной с уравнением евреев в гражданских правах с прочим населением.

Но правительство с несокрушимой твердостью стояло на том, что гражданское равенство евреев не может быть допущено и что даже не может быть речи об уничтожении черты оседлости—на отчете Строганова Александр положил резолюцию: „я с этим никак не согласен“, а потому судьба приведенных выше проектов о праве отдельных групп евреев на повсеместное жительство, несмотря на то, что проекты обосновывались экономическими нуждами государства, была заранее предопределена.

Правительство не дозволяло даже обсуждения вопроса об эмансипации евреев. В виду того, что редакция „Русского Инвалида“ неоднократно присылала в петербургский цензурный комитет для одобрения к печати статьи о предоставлении евреям гражданских прав наравне с прочим населением, был возбужден вопрос: „до какой

[29]) Архив минист. внутр. дел, хозяйств. департамент. I ст., 2 гор. отд., 1862 г., дело № 84 „По отношению киевского ген.-губернатора относительно снятия с евреев некоторых ограничений“.

степени в русских периодических изданиях возможно разрешить свободу суждения о даровании евреям в России гражданских прав“, и в результате было запрещено печатать статьи на подобные темы без особливого каждый раз дозволения главного цензурного управления [30]). Однако, выходивший в 1860—61 г.г. первый русско-еврейский орган „Рассвет“, поставивший себе задачей, с одной стороны, добиваться улучшения в гражданском положении народа, а с другой, бороться с из'янами его внутренней жизни, не мог, конечно, обходить молчанием вопрос об уравнении евреев в правах с прочими гражданами. То он заявлял, что евреи могут расчитывать на „равноправность“ независимо от их слабостей и недостатков, то указывал, что в отношении эмансипации евреев, успешно шествующей на Западе, „до нашего отечества теперь очередь дошла естественным путем“. Наконец, когда в главное цензурное управление была доставлена корректура статьи, в которой говорилось, что евреи по условиям своего правового быта не могут приложить в России свои силы, то это привело не только к тому, что статья была запрещена,—так как она, будто бы, может создать превратное представление о видах правительства [31]), хотя оно уже приняло ряд облегчительных мер,—но новороссийский генерал-губернатор гр. Строганов, сам содействовавший возникновению „Рассвета“, был вынужден сделать редактору строгий выговор, и это обстоятельство послужило косвенной причиной к закрытию журнала [32]).

Решительно отвергнув мысль о гражданском уравнении еврейского народа с соответствующими группами так назыв. коренного населения, правительство не соглашалось пойти в этом вопросе на уступки даже в отношении наиболее имущих и образованных еврейских кругов. Оно готово было допустить только частичные послабления, главным образом те, которые сулили непосредственную материальную выгоду государству, да и то с чрезвычайной осторожностью [33]).

Здесь предстояло действовать в двояком направлении—во-первых, смягчить или отменить ограничения, действовавшие в отдельных местностях, и, во вторых, ослабить ограничительное законодательство по отношению к отдельным социально-экономическим группам еврейского народа.

---

[30]) Архив Еврейского комитета, дело № 82.

[31]) Дело Еврейского комитета № 108.

[32]) О возникновении и гибели журнала —в следующей главе, где также указаны источники.

[33]) Любопытно отметить, что когда киевский губернатор кн. И. Васильчиков, сам выступавший в пользу постепенной эмансипации евреев, попросил дать ему более обстоятельное об'яснение по поводу намерений Еврейского комитета, председатель комитета Блудов воспротивился огласке правительственных предположений, согласившись ознакомить с ними конфиденциально лишь высших представителей местной власти.

Легче и прежде всего было упразднено московское глебовское подворье [34]). Впрочем, это потому, что вопрос об уничтожении его имел свое боевое прошлое. Когда в 1838 г. мысль об учреждении подобного же гетто в Петербурге была отвергнута, так как этим путем здесь образовалась бы целая община, то тогда же возникло предположение упразднить по тем же основаниям и московское подворье, но его существование все же было продлено — сперва в целях полицейского надзора, а позже, по настоянию влиятельнейшего московского генерал-губернатора Закревского, в силу того соображения, что глебовское подворье служило источником содержания глебовской глазной больницы! Но затем Еврейский комитет вновь поднял вопрос (1852 г.) об освобождении евреев, приезжавших в Москву, от необходимости останавливаться в подворье, заявив, что „неприлично и несообразно с достоинством правительства" требовать от евреев слияния с окружающим населением, а вместе с тем отдалять их от него запиранием в гетто. Но так как Закревский продолжал пользоваться исключительным авторитетом, то пришлось отложить закрытие подворья еще на три года. И в 1855 г. министр внутр. дел не решился пойти против желания Закревского, а потому предложил сохранить подворье до тех пор, когда будут произведены все преобразования в быте евреев. Однако, Еврейский комитет решительно заявил, что „учреждение сие не должно быть терпимо", и это постановление (1856 г.) было утверждено государем [35]).

Одновременно было обращено внимание на то, что существовавшее в некоторых городах запрещение евреям жить вне предназначенных для них кварталов [36]) не соответствует „ни духу времени, ни видам слияния евреев с общим населением" и что этот запрет, уменьшая число покупателей, роняет в остальной части таких городов ценность домов, а „чрез то и самая казна, при продаже залогов, может подвергнуться убыткам". Тогда же помещики-дворяне, чиновники и купцы, проживавшие в Ковне, в числе 52 возбудили ходатайство об отмене указанного стеснения, так как от этого страдает и христианское население; губернатор, со своей стороны, отметил, что таким путем не только достигнется быстрая застройка города, но христиане испытают облегчение в обременительной квартирной повинности. А киевский ген.-губернатор заявил о необходимости предоставить

[34]) См. о нем выше, стр. 49.

[35]) Журналы Евр. комитета 18 июля 1852 г. и 31 марта 1856 г. (утвержд. 5 июня). Департ. полиции исполнит., 1851 г., дело № 1814 (журнал 18 июля 1852 г.).—Евр. комитет, дело № 37 „Об особых постоялых дворах для евреев в Киеве и Москве".—Ср. Ю. Гессен, Московское гетто („Пережитое", т. I).

[36]) См. о них выше, стр. 40 и след.

евреям в Каменец-Подольске общие права, потому что запрещение им приобретать дома по всему городу, задерживая развитие последнего, „обратилось в бесполезное стеснение евреев, а чрез то и торговли"; что касается ограничений в Житомире, то от состоятельных евреев „нет основания ожидать большей нечистоты противу той, которая вообще замечается в домах торговых городов", и, следовательно, отпадает главная причина, вызвавшая ограничения. Ввиду таких заявлений (1858—59 г.г.) последовала отмена ограничений в Ковне, Житомире и Каменец-Подольске [37]).

При всей своей мелочности эта ломка архаических привилегий, обнажив гнилую почву, на которой они покоились, расшатала их основу, и очередь настала также для Вильны. Когда генерал-губернатору Назимову (хлопотавшему о повсеместном жительстве евреев) стало известно, что Еврейский комитет имеет в виду всюду упразднить „еврейские кварталы", он выступил в пользу сохранения таких кварталов и Вильне. Подпав, очевидно, под влияние местного польского общества, он об'яснил свое предложение тем, что улицы, запретные для евреев, находящиеся в центре города, вмещают в себе три церкви, православный собор, монастыри, два римско-католических костела и часовню у Острых Ворот с иконою божией матери, у которой на улице бывает большое стечение молящихся, особенно по некоторым праздникам, а потому водворение евреев на помянутых улицах „сколь бы было вредно чистоте и благовидности самих улиц, по закоренелой неопрятности этого народа, столько же и неуместно, дозволяя евреям селиться среди христианских храмов и учреждений духовного ведомства". Но виленские евреи, узнав об упразднении стеснений в других городах, представили Назимову записку о необходимости отменить их также в Вильне, и он отказался от своего прежнего заблуждения, благодаря чему ограничения в Вильне были отменены [38]). Вслед за тем были лишены силы и те привилегии, которыми воспользовались караимы, чтобы изгнать евреев из Трок [39]). Оказалось, что с удалением евреев город остался без торговцев и ремесленников, отчего страдало местное христианское общество, вынужденное все необходимое закупать в Вильне.

---

[37]) Вт. собр. законов, № 32921 (любопытно дело о выселении евреев из г. Кашина Гродн. губ.—там же № 32721).—Архив мин. вн. дел, департ. полиц. испол., 1856 г. (I отд. 3 ст.), дело № 3500 „об устройстве быта евреев".—Журнал Евр. комита 18 марта 1858 г. (утв. 27 марта), 17 февр. 1859 г. (утв. 28 марта)

[38]) Вт. собр. законов, № 37551 (27 окт. 1861 г.).—Департ. полиц. исп., 1856 г., д. № 3500.—Журнал Евр. комитета 4 июня 1861 г.

[39]) Вт. собр. законов, № 38215 (26 апр. 1862 г.).—Журнал Евр. комитета 19 апр. 1862 г. (утв. 26 апр.).

Труднее было справиться с Киевом. Еще в 1857 г. последовал указ о закрытии местного подворья, но оно продолжало некоторое время существовать, так как давало городу доход в сумме 5.000 руб. ежегодно; для компенсации этого „убытка" надо было установить особый сбор с евреев. Вообще гетто в Киеве не было совершенно уничтожено: оно, в сущности, было только расширено—евреям дозволили проживать лишь в Лыбедской и Плоской частях; для проживания в остальных местах города требовалось особое разрешение. Одновременно было возбуждено ходатайство о расширении вообще прав евреев в отношении жительства в Киеве. Губернатор указывал, что цены на жизненные припасы стали подниматься в городе со времени удаления евреев; высылка их последовала по просьбе местного купечества, но купечество не оправдало этой меры, „ибо, стремясь к монополии на все потребности ко вреду прочего, более значительного населения..., оно даже и собственно для себя не извлекло из того никаких выгод по недостатку предприимчивости, потребных для торговли капиталов и затем несообразности частной своей жизни, поглощающей все их приобретения на утоление развившейся между ними роскоши", евреи же, „никогда почти не изменяя простоте в образе жизни, всегда довольствуются умеренными барышами, а при способности своей к беспрерывным оборотам капиталами и неутомимой деятельности более других в состоянии оживить и развить торговлю и промышленность Киева и заставить тем самым соревновать им купечество христианского общества, принося городу и населению оного большую пользу, живя и торгуя в оном и сосредоточивая здесь свои капиталы". Почти все киевские торговцы по выселении из Киева евреев и по развитии последними своей торговли в городах Василькове, Бердичеве, местечке Белой Церкви и других стали покупать красные, галантерейные и проч. товары в означенных городах у евреев. Не смотря, однако, на ходатайства местных властей, потребовались долгие хлопоты, пока евреи двух высших купеческих гильдий получили (1861 г.) право постоянного жительства в городе, а некоторые категории — временного [40]).

В это время были смягчены и ограничения, установленные в Николаеве, Севастополе и Ялте. С удалением евреев Николаев и Севасто-

[40]) Архив Евр. комитета, дело № 37 „Об особых постоялых дворах для евреев в Киеве и Москве".—Журналы Евр. комитета 13 мая 1858 г. (утв. 18 мая), 4 октября 1860 г. (утв. 27 окт.).—Архив гос. совета, департ. законов, 1861 г., дела №№ 33 и 67 „О разрешении евреям временного и постоянного пребывания в Киеве".—Вт. собр. законов, №№ 35440 и 37738.—Даревский, К истории евреев в Киеве.—Ю. Гессен, Многострадальная община („Евр. Мир", 1910. № 22).

Более подробно об отмене ограничений в городах: Ю. Гессен, Закон и жизнь, стр. 38 и след.

поль лишились торгового и ремесленного сословий, вследствие чего купцам и ремесленникам из христиан были даны (1838 г.) разные льготы, дабы привлечь их в эти города. Но цель не была достигнута, и вот почему в 1859 г. последовало разрешение водворяться в Николаеве и Севастополе евреям-купцам всех трех гильдий, а некоторым группам — временно проживать [41]). А затем льгота была распространена также на Ялту [42]).

Следует еще отметить, что состоялось значительное смягчение ограничительных постановлений о проживании в 50-ти-верстной пограничной полосе, в течение ряда десятилетий причинявших много горестей местному еврейскому населению. Предположенное выселение 120 тысяч евреев было задержано [43]).

Что касается частичных отступлений от ограничительного законодательства в отношении отдельных еврейских общественных кругов, то первоначально, как мы видели выше, была дана следующая формулировка—„поколику нравственное состояние евреев может сие дозволить". Но вскоре было предложено более конкретное определение—„улучшая положение евреев вообще в нравственном и материальном отношениях и *отделяя* от общей массы еврейского населения *людей, влиятельных по богатству и образованию*" [44]).

Действительно, выход из черты оседлости с правом водворения по всей стране получили прежде других (1859 г.) купцы первой гильдии, но и то (вопреки протестам более либеральных членов правительства) при наличии известных условий, которые должны были служить своего рода заградителями против появления слишком большого числа евреев во внутренних губерниях и против чрезмерного расширения их прав—так, им не предоставлялись привилегии, принадлежащие жителям тех городов, к которым они приписывались вне черты оседлости [45]).

И в отношении лиц с высшим образованием смягчение ограничительных законов было допущено с чрезвычайной медленностью, с тревожным опасением каких-то страшных последствий. Когда в 1857 г.

---

[41]) Архив гос. совета, департ. законов, 1859 г. дело № 29.—Втор. собр. законов. № 34691, см. также №№ 36264 и 37080 (дальнейшие облегчения для этих городов).

[42]) Вт. собр. законов, № 36029.

[43]) См. выше, стр. 44. Вт. собр. законов, № 33659 (27 окт. 1858 г.).—Журнал Евр. комитета 13 мая 1858 г.

[44]) Всеподданн. доклад Блудова, который в октябре 1856 г. заместил Киселева.

[45]) Вт. собр. законов, № 34248 (16 марта 1859 г.).—Подробности—см. Ю. Гессен, Закон и жизнь, стр. 115 и след. (предложение министра финансов Брока об ослаблении черты оседлости извлечено из дела мин. нар. просвещ., 1863 г., № 163445, карт. 4243). См. также материалы об'ед. двор. обществ, ч. I, стр. 55—62, 82—102.—Архив гос. совета, деп. законов, 1859 г., дело № 7 „О предоставлении евреям купцам первой гильдии права водворения и т. д.".—Журнал Евр. комитета 15 июля 1858 г.

министром народного просвещения был поднят вопрос об отмене черты оседлости для лиц, окончивших как высшие, так и средние учебные заведения и даже уездные училища, Еврейский комитет нашел, что говорить об этом преждевременно—„может быть, должно, следуя примеру западных держав, не обезнадеживать евреев совершенным отказом, но разрешения давать с крайней осторожностью". И в соответствии с этим было предположено предоставить право на государственную службу [46]) по всей Империи одним лишь докторам медицины и хирургии, докторам и магистрам по другим факультетам [47]). Но тогда этот проект не был осуществлен. Когда же в 1861 г. вопрос о праве повсеместного жительства лиц, окончивших не только высшие, но и средние заведения, был вновь поддержан виленским ген.-губ. Назимовым и министрами внутр. дел и народного просвещения, Еврейский комитет, признавая, что эта мера послужила бы стимулом к устремлению евреев в общие школы, все же, „в видах соблюдения некоторой постепенности в даровании евреям за образование прав", имея в виду, что подобные меры должны быть рассматриваемы с точки зрения интересов не только самих евреев, „но и прочих подданных Империи", согласился лишь на то, чтобы к упомянутым выше категориям докторов и магистров были прибавлены еще кандидаты университетов, но только не лица со званием лекаря, так как, мол, служба и практика во внутренних губерниях „требуют особой осторожности и ручательства в отличных познаниях".

Последние слова не дают достаточно ясного представления о настроении по вопросу о раскрепощении евреев, существовавшем в консервативных бюрократических кругах. Но смысл приведенных слов четко вырисовался, когда проект о праве повсеместного жительства евреев с учеными степенями перешел в государственный совет. Здесь 20 членов согласились на предоставление права повсеместного жительства не только лицам с учеными степенями, но и тем, кто окончил даже среднее учебное заведение. Другие же 20 членов, к которым присоединился и Александр, склонив этим на их сторону чашу весов,

---

[46]) Право на госуд. службу в черте оседлости, еще ранее предоставленное евреям, было секретно отменено в 1844 г. (см. выше, стр. 106). По журналу Евр. комитета 31 марта 1856 г. (утв. 5 июня) это право было восстановлено. Ср.: Архив мин. нар. просвещения, дело № 116299 (карт. 3494) „О дозволении евреям, получившим медиц. степени, поступать на службу".

[47]) Журнал Евр. комитета 12 марта 1859 г. (утв. 4 мая).—Архив гос. совета, 2-ое отд. собств. его величества канцелярии, 1858 г., дело № 63.—Материалы об'ед. дворянск. об.ществ, ч. I, стр. 105 и след. (из дела гос. совета, департ. законов, 1861 г., № 74 „О даровании некоторых преимуществ евреям, получившим образование").

заявили, что в данном случае необходима та же осторожность, которая применена к купцам: право повсеместного жительства можно предоставить евреям только в тех случаях, когда „ими приобретены обширные основательные познания и когда вообще они получили образование, могущее служить ручательством в отступлении их от заблуждений фанатизма и в удалении от вредных, к сожалению, обычных непросвещенным евреям действий", потому что одно лишь „истинное" просвещение может искоренить в евреях те предрассудки, которые издавна побуждали правительство принимать меры против водворения евреев во внутренних губерниях; а ведь нельзя признать, чтобы еврей, хотя бы и обучавшийся в высшем учебном заведении, но не получивший степени кандидата, магистра или доктора, был свободен от предрассудков! Поэтому право повсеместного жительства *не должно* быть предоставлено окончившим университет со степенью действительного студента или со званием лекаря, „так как вообще медики, не получившие степени доктора медицины, по односторонности своих знаний, не могут быть признаваемы людьми, достаточно образованными для того, чтобы пользоваться правом, предоставляемым евреям, получившим ученые степени доктора, магистра или кандидата"! И соответственно этому был издан закон [48]).

А между тем именно в это время киевский генерал-губернатор Васильчиков, в губерниях которого проживало до 600 тысяч евреев, т. е. почти половина всего еврейского населения России, представил подробную записку об отмене целого ряда ограничений. Он мотивировал свое предложение необходимостью создать в крае социально экономическую силу, которая могла бы быть противопоставлена польской национальности, враждебной русскому народу, и столь мощной благодаря образованию и богатству; дав евреям возможность получить образование и развить торгово-промышленную деятельность, правительство тем самым задержит революционные замыслы поляков. Васильчиков выступал противником ограничительного законодательства также из соображения об экономических нуждах края и благополучии самих евреев [49]). Среди других мероприятий он указывал на отмену черты оседлости для лиц, получивших даже только среднее образова-

---

[48]) Вт. собр. законов, № 37684 (27 ноября 1861 г., опубликован 29 дек.)—Материалы об'ед. двор. обществ, ч. I, стр. 109—111 (из архива госуд. совета, департ. законов, 1861 г., дело № 74).—Журнал Евр. комитета 4 июня 1861 г. (утв. 29 июня).—Ю. Гессен, К судьбе евреев-врачей в России („Евр. Старина", 1910 г., вып. IV, стр. 615—616. Использован журнал госуд. совета 9 и 30 окт. 1861 г.).

[49]) Записка от 25 ноября 1861 г. (№ 6047). Копия в упомянутом деле хозяйств. департ. I стол, 2 отдел, 1862 г., № 84.

ние, но в Петербурге к этому предложению отнеслись, конечно, отрицательно [50]) как к слишком смелому шагу.

Медлительность, с которой правительство осуществило отмеченное выше ослабление ограничительного законодательства в отношении узкого круга лиц, а, с другой стороны, все возраставшая нищета еврейского народа отрезвили даже тех еврейских деятелей, которые в 1856 г. предложили правительству „отделять плевелы от пшеницы". В позднейших своих прошениях они „душевно скорбели", что „постепенность в отмене ограничений измеряется не категориями ограничений, в известной последовательности снимаемых со всего народа, а освобождением от них лишь отдельных личностей", благодаря чему „еврейский народ вообще не получил почти никакого чувствительного облегчения и едва ли сделал действительный шаг вперед". В доказательство этого они указывали, что среди евреев имеется не более ста купцов первой гильдии и из них всего лишь двадцать смогут, в виду своего материального положения, переселиться во внутренние губернии, а смягчение запретов в отношении отдельных городов еще меньше может иметь значения для всего народа. „Если законодательство—писали ходатаи—делает различие между медиками и юристами или филологами, ставя первых в гражданской правоспособности ниже последних, если гимназисты, не могущие, конечно, не считаться людьми, получившими европейское образование, все еще считаются недостойными водворения во внутренних губерниях, если слияние евреев с русским народом, от которого вовсе не требуется сплошного университетского образования, обусловливается достижением первыми высших ученых степеней, то не значит ли это обречь еврейское юношество на вечный умственный застой и безнадежность". А потому авторы записки просили о предоставлении равноправия всем окончившим среднее учебное заведение, о разрешении ремесленникам, „имеющим одобрительные свидетельства от начальства", жить вне черты оседлости, об отмене всех ограничений в пределах черты оседлости или, по крайней мере, наиболее важных стеснений, препятствующих гражданскому развитию еврейского народа и улучшению его быта [51]).

---

[50]) Кн. Васильчиков вскоре вернулся к своему предложению, настаивая на его удовлетворении. Ср.: Комиссия по устройству быта евреев дело № 41, записка деп. 12 ноября 1862 г. (№ 1355). Подробности: Ю. Гессен, К судьбе евреев-врачей, стр. 615—618 (архив госуд. совета, 2 отдел. собств. его величества канцелярии, 1862 г., дело № 71).

[51]) Записка от июля 1862 г. (Хозяйств. департ., I стол, 2 отдел 1862 г. дело № 84). С такой же запиской обратился Е. Гинзбург к председателю Евр. комитета. См.: Комиссия по устройству быта, дело № 21 „По предположениям о применении в отношении евреев некоторых мер и расширении некоторых прав для слияния с коренным населением"; дело № 41 „По отношению хоз. департамента с запиской еврея Гинцбурга об уничтожении некоторых ограничений в правах евреев" (отнош. деп. 12 нояб. 1862 г., № 1355).

Подобные просьбы, конечно, не удовлетворялись полностью, но правительство их рассматривало—порою весьма внимательно [52]), и так как они неоднократно возобновлялись, то в совокупности сыграли роль в деле дальнейшего смягчения ограничительного законодательства.

Важнейшим в этом отношении явилось предоставление права повсеместного жительства (1865 г.) ремесленникам [53]), а затем (1867 г.) всем нижним чинам, отбывшим службу [53-а]).

Численность еврейского населения в 1864 г. (в круглых цифрах) **в губерниях черты оседлости** [54]).

ГУБЕРНИИ.	Число душ в тысячах.	ГУБЕРНИИ.	Число душ в тысячах.
1. Бессарабская . . .	97	9. Минская	103
2. Виленская	102	10. Могилевская . . .	120
3. Витебская	68	11. Подольская . . .	208
4. Волынская	175	12. Полтавская . . .	29
5. Гродненская . . .	80	13. Таврическая . . .	10
6. Екатеринославская.	26	14. Херсонская . . .	81
7. Киевская	253	15. Черниговская . . .	35
8. Ковенская	115		
		Всего . . .	1501

Хотя ремесленники, благодаря своей скученности в черте оседлости (в Курской губернии, закрытой для евреев, на тысячу душ местного населения приходилось 0,8 ремесленника, а в Киевской—2,6), в массе нищенствовали, они все же, вернее—именно поэтому, первоначально почти не воспользовались правом выхода из черты оседлости. Зажиточные ремесленники, число коих было ничтожно, не имели основания бросать насиженное место, подавляющее же большинство их, лишенное всяких средств к существованию, не имело возможности тронуться для поиска хлеба; третья же группа, сравнительно также малочисленная, кое-как перебивавшаяся изо дня в день, не терпя особой нужды, воздерживалась от переселения, так как, покинув черту

52) Записка 1856 г. была рассмотрена Евр. комитетом, а записка 1862 г. была послана в копиях ряду виднейших администраторов. Упомянутое выше дело № 41.

53) Вт. собр. законов, № 42264—подробная записка по данному вопросу,—См. Ю. Гессен. Закон и жизнь, стр. 122—135 (использовано указанное выше дело № 41).—Материалы об'ед. двор. обществ, ч. III, стр. 79—94.

53-а) Вт. собрание законов, № 44745.

54) Статистические данные за 1861 — 65 годы—см. архив мин. вн. дел, департам. духовных дел: 1862 г.—дело № 36; 63 г.—№ 33; 64 г.—№ 45; 65 г.—№ 44.—В Курляндии проживало 35 тыс., но эта губерния была закрыта для нового водворения евреев, как и Лифляндская, в которой насчитывалось до 3000 душ.—Указанное в таблице для Волынской губернии число в 175 тыс. душ взято из материалов за 1847 год.

оседлости, ремесленники оставались в тяжелой зависимости от старого общества: изнемогая под бременем недоимок и налогов, общество, чтобы взыскать сборы (по раскладке) с выселенца, могло не послать ему столь необходимого годового паспорта и даже потребовать возвращения выселенца домой, что, конечно, угрожало разорением [55]).

К иному результату привело предоставление права повсеместного жительства нижним чинам. В силу своей службы разбросанные по самым отдаленным местностям страны, они явились, в большинстве случаев, основателями общин, возникших за пределами черты оседлости. Однако, расселение бывших нижних чинов по стране не могло чувствительно отразиться на скученности в черте оседлости, так как и они сами и их семьи всегда жили вне черты, и единственно, к чему привел новый порядок, это то, что по окончании службы они не были вынуждены, как раньше, возвращаться на родину, где так трудно было найти заработок...

Масса—мелкие торговцы и ремесленники—осталась, повторяем, на местах, и десятилетиями нараставшая нищета могла только увеличиться при беспрерывном естественном росте еврейского населения. И вот почему общественные радетели возобновили старую просьбу об уравнении с христианами в жительстве, торговле и промышленности всех евреев, окончивших среднее и низшее учебное заведение. Однако даже столь широкий по условиям времени проект не удовлетворил депутатов от северо-западного края, участвовавших в работах образованной в Вильне комиссии по устройству быта евреев (1866—69 гг.). Они заявили генерал-губернатору: „Недавно некоторые из петербургских евреев вошли со всеподданнейшим ходатайством о расширении прав жительства и торговли тех лишь евреев, которые окончили курс в некоторых учебных заведениях. Мы считаем нужным заявить, что евреи здешнего края не признают себя солидарными с этими лицами в подобном их ходатайстве. Предложенное ими, по их личному взгляду, средство вовсе не соответствует размеру бедствия, об'явшего целые массы наших соплеменников"—необходимо дозволить всем вообще евреям снискивать себе пропитание повсеместно в государстве [56]).

---

[55]) Записка евр. деятелей от июля 1866 г. (указанное дело № 41).

[56]) О возникновении Виленской комиссии см. ниже, в главе одиннадцатой. Ю. Гессен, Виленская комиссия по устройству быта евреев („Пережитое", т. II, стр. 306—11. По материалам Комиссии (Петербургской) по устройству быта евреев, дела №№ 7, 8 и 42).—М. Кнорозовский, Еще о вил. евр. комиссии (Пережитое", т. III стр. 385—91). Снимок депутатов комиссии—„Пережитое", т. IV (пояснение к снимку,—там же, стр. 325). — „День", 1870 г. №№ 2, 4, 11 и 12.—„Еврейск. Старина", 1912 г., стр. 187—201.

Эти провинциальные деятели не знали, что короткий период смягчения законодательства о евреях был уже на исходе, что правительство не хотело итти на дальнейшие уступки. Но они в полном соответствии с действительностью сказали, что „бедственное положение еврейского населения настоятельно взывает к улучшению его быта и избавлению массы евреев от безвыходного положения". Современники-христиане, знакомившиеся в то время с жизнью евреев, особенно в западных губерниях, оставили потрясающие картины еврейской нищеты [57]). Возможно, что представление о таком тяжелом материальном положении евреев в некоторой мере сгущалось благодаря тому, что новые цензурные условия позволили оглашать в ту пору такие факты, о которых раньше приходилось умалчивать. Но вместе с тем цифры неопровержимо свидетельствовали, что ухудшение экономического состояния евреев, вполне четко обозначившееся в тридцатых годах и развившееся в пятидесятых, приняло крайне интенсивный характер в шестидесятых годах. Это об'ясняется тем, что, как мы уже говорили, правовые смягчения в весьма малой степени раскрепостили еврейскую массу, прикованную к черте оседлости, где она не находила заработков, а между тем общие социально-экономические перемены, происшедшие в связи с отменой крепостной зависимости крестьян и вообще развитием хозяйственной деятельности в стране, значительно ухудшили в тот переходный период материальное положение широких еврейских масс [58]).

Лишившись вследствие падения крепостного права дарового или дешевого труда, помещики в западных губерниях были вынуждены лично заняться своим хозяйством, в котором ранее видная роль принадлежала евреям как арендаторам и посредникам в многообразных торгово-промышленных делах; значение еврея в помещичьих имениях умалилось также благодаря развитию поземельного кредита, вытеснявшего его как организатора финансовой основы помещичьего быта. К таким же последствиям для евреев привело и то, что освобожденный от зависимости крестьянин стал более хозяйственным и, следовательно, стал меньше нуждаться в услугах еврея. Вместе с тем евреи лишились заработков вследствие развития путей сообщения—пароходного и железнодорожного, сделавших излишними множество постоялых дворов в городах и по дорогам, почтовых станций, сокративших торговлю лошадьми и т. д. Заработки уменьшились и вследствие уничтожения откупов, замены подрядной системы более хозяйственным

[57]) И. Оршанский, Евреи в России (СПБург, 1872 г., 2-е издание 1877 г.) статья „Благосостояние евреев в Зап. крае", относящаяся к 1869 г.

[58]) Здесь излагается точка зрения такого тонкого наблюдателя и исследователя как Илья Григорьевич Оршанский. См. о нем: „Еврейская энциклопедия", т. XII.

способом удовлетворения потребностей казны. Одновременно уменьшились выгоды от торговли в виду понижения тарифов на ввозимые товары, которое также сократило выгоды контрабандного промысла, кормившего часть пограничного населения. Конечно, общий экономический прогресс русской жизни мог только временно противоречить интересам еврейского населения,—оно постепенно должно было приспособиться к новым экономическим условиям [59]). Но именно в этот тяжелый период общей экономической ломки особенно настойчиво требовалось освобождение евреев от шлагбаума, препятствовавшего выходу за черту оседлости в поисках хлеба.

Одной из причин, вызывавших среди еврейского населения массу безработных, служило и то обстоятельство, что промышленная деятельность имущих групп еврейского общества, обычно державших своих единоверцев в качестве служащих, не приняла достаточно широких размеров. Так, напр., в 1864 г. по официальным данным участие евреев в фабрично-заводской деятельности в губерниях, где они густо осели, представляется в следующем виде:

Губернии.	Какую часть городского населения составляли евреи.	Отношение предприятий, принадлежащих евреям, к общему числу предпр.	Находилось предприятий	
			у евреев	у прочих.
Виленская	8/13	1/4	12	34
Могилевская	6/7	1/6	8	42
Витебская	1/3	1/4	52	157
Волынская	18/22	1:2	216	250
Подольская	2/3	1:2 1/4	91	125
Киевская	4/5	1:6 1/2	32	174

Эти цифры сами по себе говорят о том, что роль евреев в фабрично-заводской промышленности не соответствовала их численному отношению к общему городскому населению. При более же детальном ознакомлении с указанными цифрами раскрывается, что евреям принадлежали преимущественно малозначительные предприятия, требовавшие для своего действия небольших капиталов и трудовой силы. В связи с этим важнейшим занятием среди евреев являлось, как мы уже говорили, ремесло, которое не могло прокормить всех бросавшихся к нему в надежде на заработок. Что касается торговли, то, создавая, с одной стороны, сравнительно узкий круг капиталистов, она

[59]) Оршанский, Евреи в России (статья—„Взгляд на экономический быт евреев").

с другой, подобно ремеслу привлекала к себе такое множество участников, совершенно неприспособленных для ведения систематически организованных дел, что вырождалась в мелкую перепродажу, державшую многотысячную массу этих жалких торгашей в изнурительной суете, в тисках самой крайней нищеты [60]).

Следует отметить, что в виду падения крепостного права евреи могли бы развить промышленную деятельность в связи с арендой и покупкой земли. Но эта возможность была в значительной мере парализована вновь изданными законами.

Вопрос о покупке и аренде евреями земли, как мы знаем, имел длинную историю [61]). Правительство издавна поощряло приобретение евреями земель, но лишь ненаселенных, т. е. таких, на которых не было крепостного населения, дабы евреи не „господствовали" над христианами; а при соблюдении условий, которыми устранялись бы деловые сношения евреев с крестьянством, разрешалась также аренда оброчных статей во владельческих имениях. Но вместе с тем правительство решительно противилось тому, чтобы евреи брали в аренду населенные земли и оброчные статьи в таких имениях, оправдывая запрет необходимостью оградить крепостных крестьян от эксплоатации со стороны евреев (помещики не считались защитниками интересов крестьян) и предотвратить использование евреями личного труда крестьян, что не соответствовало престижу христианской церкви!

Конечно, так как землевладельцы нередко нуждались в материальной помощи и хозяйственном содействии евреев, то в отдельных случаях запрет относительно аренды должен был втайне нарушаться. Но наступил, наконец, момент, когда помещичье землевладение пришло в такое материальное состояние, что почувствовалась необходимость облегчить помещикам возможность открыто обращаться за помощью к евреям, в особенности в случаях, когда земли были заложены в кредитных учреждениях [62]), которые, конечно, были заинтересованы в том, чтобы эти имения не пришли в упадок. И поэтому, отчасти с тою целью, чтобы несколько расширить пред евреями ограниченное поле экономической деятельности, а, главным образом, дабы не стеснять землевладельцев „в хозяйственном распоряжении", евреям дозволили (1859 г.) поселяться на арендуемых ими землях с тем, чтобы никакая часть этих земель не могла перейти в их собственность [63]).

---

[60]) Оршанский, Евреи в России (статьи: „Что такое еврейская торговля и промышленность", „Еврейская торговля и внутренние губернии").

[61]) См. том первый, стр. 125—28, 151—54, 184—87, 205 и след.; том второй стр. 37—39.

[62]) В западных губерниях в ту пору была заложена одна шестая всех имеиий.

[63]) Журнал Евр. комитета 15 сент. 1859. (утвержд. 22 окт.). Вт. собр. законов № 35016.

Когда же крепостная зависимость крестьян была отменена, вопрос об аренде мог быть разрешен в более широком масштабе, так как, раз земли крестьян вышли из обладания помещика, то остальные его земли уже не могли почитаться населенными. Действительно, помещикам было дозволено свои земли, угодья и оброчные статьи отдавать в аренду лицам всех сословий [64]), но вместе с тем продажа помещичьих земель евреям была запрещена [65]), хотя вообще законами евреям запрещалось приобретать лишь населенные земли, к числу которых не могли быть отнесены те земли, на которых обязательные отношения крестьян к помещикам прекратились.

Между тем, в руках некоторых евреев в юго-западном крае сосредоточились капиталы, которые могли бы быть обращены на покупку земель. С другой стороны, землевладельцы-дворяне не имели средств для промышленных предприятий, давать же им свои капиталы под залог имений евреи отказывались, раз такие имения не могли быть ими в случае необходимости приобретены. Благодаря этому, промышленность в крае слабо развивалась, кредит и ценность имений падали. Поэтому возник вопрос, следует ли распространить приведенный запрет на все помещичьи земли, не должен ли он ограничиться только теми, на которых еще не были ликвидированы обязательные отношения крестьян к помещикам, тем более что помещичьи земли, будучи приобретены лицом другого сословия, уже переставали быть помещичьими и, следовательно, от него могли перейти и к евреям. И возбужденный вопрос был разрешен в пользу предоставления евреям права приобретать помещичьи имения в пределах черты оседлости [66]).

Но это право недолго действовало во всем своем об'еме. После подавления польского мятежа 1863 г. было решено руссифицировать так называемые польские губернии—Витебскую, Могилевскую, Виленскую, Минскую, Гродненскую, Ковенскую, Киевскую, Подольскую и Волынскую, подчиненные киевскому и виленскому генерал-губернаторам,—путем предоставления лицам „не польского происхождения всех губерний Империи и всех сословий кроме евреев“ льготных условий и поддержки со стороны казны для покупки земли в означенных губерниях, при чем имения, приобретенные на льготных условиях, не могли быть отдаваемы в аренду или управление „лицам польского происхождения и евреям“. Последним предоставлялось быть только винокурами и арендаторами корчем [67]), против чего само правительство

---

[64]) Вт. собран. законов № 36674, гл. II, ст. 1 (19 февраля 1861).

[65]) Там же, гл. I, ст. 3.

[66]) Журнал Евр. комитета 19 апр. 1862 г. (утв. 26 апр.). Вт. собр. законов № 38214.

[67]) Втор. собр. законов № 40656а (5 марта 1864 г.).

некогда в течение ряда десятилетий боролось, лицемерно приписывая, главным образом, этим занятиям бедственное состояние крестьян.

А вслед затем в пределах указанных девяти польских губерний (из числа пятнадцати, составлявших черту оседлости) было отменено (повелением 10 июля 1864 г.) незадолго до того предоставленное евреям право приобретать земли вообще от помещиков и крестьян. Это было вызвано тем, что киевский генерал-губернатор признал увеличение числа евреев-землевладельцев вредным „как для благосостояния и нравственности сельского населения, так и в видах укрепления там русского элемента", каковой взгляд был поддержан особым Западным комитетом, имевшим задачу усилить в девяти западных губерниях русский элемент между землевладельцами и поставить крестьян в независимое положение. Для этого и были, с одной стороны, предоставлены льготы лицам русского происхождения при покупке земель, а с другой—введен обязательный выкуп крестьянских угодий. Между тем, как полагал Западный комитет, располагая средствами и состоя вместе с тем заимодавцами большей части местных помещиков, евреи могли бы явиться при торгах на польские имения опасными конкурентами, с которыми русским было бы трудно бороться, несмотря на льготы и правительственные ссуды, выдававшиеся русским для покупки земель, а крестьяне, нуждавшиеся в заработке, попали бы в зависимость от евреев-землевладельцев. И характерно, что об отмене права покупать земли в западных губерниях было сообщено местным властям секретно—было запрещено предавать это распоряжение гласности [68]).

Как мы сказали, за евреями была сохранена одна лишь роль винокуров и арендаторов корчем, но землевладение к тому времени настолько связалось с необходимостью развивать в имениях промышленные предприятия—мельницы, свеклосахарные, стеклянные и др. заводы, требовавшие „и технических знаний и некоторого оборотного капитала", что русские землевладельцы, не обладавшие ни знанием, ни средствами, вскоре ощутили свою беспомощность, не имея возможности обращаться за ними к евреям—возникло даже опасение, что придется закрыть некоторые предприятия. И вот, в интересах русского землевладения в польских губерниях евреям разрешили брать в аренду состоящие при имениях мельницы и заводы, но при этом было подтверждено, что сдавать им в аренду хотя бы отдельные угодья—запрещается [69]).

---

[68]) Отношение министра вн. дел виленскому, гродненскому, ковенскому и минскому генерал-губернатору и главноначальствующему в губерниях Витебской и Могилевской от 12 июля 1864 г. № 1661 (печатные материалы Комиссии по устройству быта евреев). — Вт. собр. законов № 41039 (10 июля 1864 г.). — Канцелярия министра внутр. дел, 1870 г., дело № 7.

[69]) Вт. собр. законов № 45257 (8 дек. 1867 г.).

Оскудение еврейской массы отражалось на росте податных недоимок, и так как общины, обязанные нести ответственность за правильное поступление податей, искали содействия у имущих членов, то социально-экономическая рознь, и прежде раздиравшая общинную жизнь [70]), все более обострялась. Чтобы не платить подати за неимущих, состоятельные круги требовали, чтобы на эту цель шли суммы коробочного сбора [71]), и благодаря этому коробочный сбор служил одним из об'ектов тех общественных разногласий, о которых мы скажем в следующей главе.

Материальные интересы еврейского населения, сплошь включенного в состав городских обществ, в чувствительной мере нарушались вследствие того, что его представительство в органах сословно-городского самоуправления было ограничено. А потому, когда началось смягчение репрессивного законодательства, вопрос об общественной службе евреев был поставлен правительством в том направлении, чтобы—в отмену существовавшего стеснения [72])—общественные выборы впредь производились „совокупно всеми городскими обывателями, без различия исповедания", с тем, однако, чтобы попрежнему голова избирался лишь из среды христиан и чтобы христиане количественно преобладали над евреями в органах общественного самоуправления.

В Новороссийском крае некоторые законы, ограничивавшие участие евреев в сословно-городском самоуправлении, игнорировались. И большинство местных властей высказывалось за расширение выборных прав евреев, так как с устранением евреев от занятия определенных должностей в городах, где они составляли значительную часть торгово-промышленного класса, эти должности замещались совершенно неподходящими лицами. Такое явление было, впрочем, присуще не одному только Новороссийскому краю. Напр., в конце 50-х годов в городах Могилевской губернии (кроме Могилева и Мстиславля) на пост городского головы избирались „из мещан-хлебопашцев, не имеющих никакого понятия о возлагаемых на них обязанностях" [73]). Это особенно вредно сказывалось в более крупных торговых центрах, где евреи составляли культурное ядро местного общества. Так, херсонский губернатор ходатайствовал (1862 г.) о дозволении евреям занимать должность городского головы, так как русское купечество усту-

---

[70]) См. выше, главу четвертую.

[71]) См. выше, стр. 89 и след.

[72]) См. выше, стр. 50—53.

[73]) И. Дитятин. Устройство и управление городов, т. II, стр. 250.

пало еврейскому в культурном развитии и в хозяйственности [74]). Особо остро стоял вопрос об избирательных правах евреев в Киевском крае, где, по словам генерал-губернатора, общественное унижение евреев способствовало возвеличению поляков, а усиление роли поляков, по мнению правительства, представлялось опасным в политическом отношении; к тому же, умаление роли евреев в органах городского самоуправления вредно отражалось на городском хозяйстве [75]).

В начале 60-х годов было решено подвергнуть городское общественное самоуправление коренной реформе, дабы оно ведало лишь дела, относящиеся до благосостояния города и его населения, будучи освобождено от судебных и полицейских функций, которые несли подлежавшие упразднению ратуши и магистраты; вместе с тем из компетенции городских учреждений исключались дела сословного характера, для которых назначались специальные учреждения (купеческие, мещанские управы). В целях разработки городской реформы в городах (в числе нескольких сот) были образованы комиссии из местных людей—в некоторых заседали депутаты от еврейского населения.

Кажется, ни одна из комиссий в губерниях с еврейским населением не высказалась за совершенное устранение евреев от участия в городском самоуправлении, и, повидимому, только две хотели лишить их „права участия в общественных делах", сохранив за ними, однако, право производить выборы. Были такие, которые пожелали уравнять евреев с христианами в городском самоуправлении. Но многие комиссии предложили выделить „национальные" группы армян, греков и других, в том числе и евреев, так как последние „изолированы отчасти религиозными, не мирящимися с христианством взглядами, а главным образом—способом отбывания повинностей и ограничением гражданских прав их"; такое обособление евреев чаще всего об'яснялось именно особым порядком уплаты ими повинностей, и в таких случаях оно предлагалось только в отношении евреев мещан, но не купцов. Что касается должности городского головы, то 21 комиссия заявила, что голова должен быть непременно выбран из среды христиан; а 8 комиссий ограничились требованием, чтобы голова-еврей знал русский язык и „не заставлял об'ясняться с собой по-еврейски".

Министерство внутренних дел по принципиальным соображениям, связанным с самой целью городской реформы, отнеслось отрицательно

---

[74]) Ю. Гессен. Евреи в России (СПБург, 1906 г. стр. 261 и след. Очерк „Общественное самоуправление"—первоначально напечатан в „Восходе" за 1904 г., кн. 7 и 8).

[75]) Записка ген.-губ. Васильчикова от 25 ноября 1861 г. (хозяйств. департамент, I стол, 2 отд., 1862 г., дело № 84). И при разрешении других вопросов еврейской жизни Васильчиков в той же записке не упускал из виду, что евреи могут служить в крае орудием для подавления общественной силы поляков.

к выделению евреев в особую группу, но вместо с тем признало основательными опасения большинства комиссий совершенно уравнять евреев с христианами, особенно в городах, где преобладает численно еврейское население. В виду этого было предположено установить, чтобы число евреев среди гласных думы и членов городской управы не превышало половины всего личного состава, чтобы евреи не занимали должности городского головы, но участвовали в его избрании. Этот проект был уже внесен в государственный совет, когда новый министр внутренних дел А. Тимашев взял проект обратно и потребовал сохранения старого порядка. Протесты министерства финансов и собственной его величества канцелярии против возвращения к прежним ограничениям оказались безрезультатными. И таким образом, согласно городовому положению 1870 г., евреи не могли избираться на должность городского головы и не могли обладать в думе и городской управе более одной трети голосов (последнее ограничение—для всех нехристиан). Шагом вперед было лишь то, что евреи были включены в общую массу городского населения, получили голос при избрании гласных христиан и городского головы, благодаря чему приобрели общественную силу [76]).

Общественная роль евреев была несколько расширена также земской и судебной реформами. Земская реформа (1864 г.), основанная на принципе всесословности, не установила для евреев ограничений—ни в отношении участия в собраниях, ни в отношении занятий выборных должностей, вследствие чего уже вскоре отдельные евреи стали выдвигаться в качестве земских деятелей. Никаких ограничений не ввели и судебные уставы (1864 г.). Благодаря этому, не говоря уже об адвокатуре, в которой евреи заняли видное место, они начинают появляться изредка в судебных канцеляриях в качестве следственной власти, а также в рядах прокурорского надзора; кое-где они заняли и места в судебно-мировых учреждениях и в окружных судах. Вместе с тем на них было возложено участие в суде в лице присяжных заседателей [77]).

---

[76]) Подробности см.: Ю. Гессен, Евреи в России, стр. 271—284. Использованы „Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах Империи", издание минист. внутрен. дел, а также дела из архива новоросс. генер.-губернаторства: 1857 г. № 707 „О порядке избрания евреями лиц в городские и обществ. должности"; 1862 г. № 104 „Об избрании в должность гор. головы в Херсоне одного из почетных евреев-купцов"; Бессар. область, 1857 г., № 50 „По жалобе кишиневских евреев за недопущение их к выборам гор. головы и других" (прочие архивные источники, указанные в упомянутой книге на стр. 239, касаются участия евреев в коммерческих судах).—Материалы об'ед. двор. обществ, ч. II, стр. 127—138.

[77]) Г. Литовский (Я. М. Гальперин). Участие русских евреев в отправлении правосудия („Пережитое", т. III, стр. 158—198).

Право на государственную службу, почти всецело ограничивавшуюся медицинской областью, не могло иметь сколько-нибудь практического значения для еврейского народа. Но борьба в бюрократических кругах, возникшая по поводу нее, лишний раз иллюстрирует, сколь легко „эпоха великих реформ" превращалась в средневековье, когда речь заходила об евреях. Как мы выше видели, вместе с дозволением повсеместного жительства право на службу получили (1861 г.) одни лишь доктора медицины, а также доктора, магистры и кандидаты по другим факультетам. Но лекарям такого права не дали по уже известным нам мотивам. И эти же мотивы выплыли тогда, когда несколько позже вновь возник вопрос о принятии лекарей на военно-медицинские должности. Нашлись военные начальники, которые заявили: необходимо, чтобы врач помимо познаний умел вызвать к себе доверие в больном, но солдат, при общем предубеждении против евреев, не может проникнуться доверием к еврею-врачу; высшая же научная степень доктора медицины, мол, „ослабляет существующее против евреев предубеждение и, вместе с тем, служит ручательством и за нравственные их качества". Однако, большинство высказалось за принятие евреев на должности военных врачей, и в соответствии с этим был издан (1865 г.) закон [78]). Вслед за тем евреям-врачам была разрешена служба по министерству народного просвещения и, наконец, по министерству внутренних дел [79]).

[78]) Вт. собр. законов № 42079. Подробности—см. Ю. Гессен, К судьбе евреев-врачей в России (по материалам архива гос. совета, 2 отд. собств. его велич. канцелярии, 1862 г., дело № 71).—Архив мин. нар. просв., дело № 163686 (1866 г.).—Материалы об'ед. двор. обществ, ч. III, стр. 10—17.

[79]) Вт. собрание законов, №№ 43308 (1866) и 44195 (1867 г.).

Глава девятая.

Вопросы внутренней еврейской жизни.—Новая общественная сила в лице периодической печати на еврейском и русском языках. — „Рассвет“ и его выступления против принуждения в деле преобразования народной жизни. — Борьба вокруг раввината.—Еврейская и общая школа.—Приобщение к русской гражданственности.—Роль русского и еврейского языков.—Перемена в бытовом укладе.—Коробочный сбор.

В шестидесятых годах еврейская общественная жизнь усложнилась в своих противоборствующих течениях.

Нам известно, что сдача рекрут в непомерном количестве и взимание государственных податей с еврейского населения, служа в руках общинных главарей непосредственным орудием воздействия на массу, как бы цементировали и заостряли ту власть над народом, которую торгово-промышленные верхи осуществляли чрез посредство органов общинного управления, имевших у себя на службе раввинат, столь необходимый в виду его религиозного авторитета. Вот почему, когда были отменены (1856 г.) рекрутские репрессии, тесно связанные со взысканием подати, а затем (1863 г.) отменена и подать, административная власть общинных заправил оказалась значительно поколебленной по сравнению с той былой почти неограниченной мощью, которая принадлежала кагалу, а по его упразднении (1844 г.) перешла к его преемнику—так называемому „обществу“ [1]).

Нищета широких кругов еврейского населения и мелкая торгово-промышленная деятельность, как раньше, подчиняли массу имущим верхам, и именно на этой материальной зависимости покоилась косная общественность, проникнутая религиозно-национальными традициями, охранявшаяся господствующим классом и раввинами. Однако, этот союз представителей капитала и синагоги уже перестал пользоваться прежним безраздельным властвованием над еврейской жизнью. Возникла новая общественная сила, которая не замедлила вступить с ним в борьбу,—периодическая печать.

---

[1]) См. выше стр. 94—95.

Еще тогда, когда совершенно отсутствовала сколько-нибудь широкая общественная потребность в органе печати, в передовых кругах неоднократно зарождалась мысль о выпуске периодических изданий, но внешние и внутренние обстоятельства долго служили непреодолимой преградой для осуществления подобных планов. Так, первая попытка издавать „газету на своем языке", возникшая (1813 г.) среди виленских евреев, окончилась неудачей благодаря отказу кагала взять на себя ответственность за газету. Затем намерение одного виленского типографа печатать (1817 г.) газету на разговорно-еврейском языке под цензурой виленского университета встретилось с возражением попечителя виленского учебного округа кн. Чарторижского, что не надо облегчать евреям пользоваться своим языком [2]). Попытка Менаше Илиера [3]) выпускать (1823 г.) еженедельные листовки с текстами на древне-еврейском языке и разговорно-еврейском остановилась на первом номере, очевидно, в виду отсутствия подписчиков. После этого последовал еще целый ряд подобных неудач, пока, наконец, печать завоевала себе право на существование. Первый орган на еврейском языке, предназначенный для евреев в России, „Гамаггид" стал выходить в 1856 г. у русской границы в прусском городе Лыке. Он был, впрочем, лишен боевого характера [4]). Действительным же выразителем общественного мнения, вернее — мнений и настроений сравнительно немногочисленной интеллигенции, ранее прочих явился первый орган на русском языке „Рассвет", история возникновения и недолгого существования которого показывает, как еще непрочна была почва под органами еврейской печати.

По инициативе известного педагога, общественного деятеля и хирурга Н. Пирогова, состоявшего в то время во главе одесского учебного округа, беллетрист Осип Ааранович Рабинович [5]) и И. Тарнополь (роль которого была впоследствии умалена Рабиновичем) выразили (в конце 1856 г.) желание издавать журнал „Рассвет", который служил бы средством распространения „полезных знаний, истинной религиозности и законов общежития и нравственности", приохотил бы евреев изучать русский язык, „сродниться с отечественной образованностью". Подобная программа ассимиляторского характера, до из-

---

[2]) Ю. Гессен в „Dos Leben", 1906 г. № 86 (по данным архива министерства народн. просвещения, дело № 10404, карт. 224 „О дозволении типографу еврею Нейману издавать газету на евр. языке").

[3]) См. о нем: том первый, стр. 170 и след.

[4]) С. Цинберг, История еврейской печати в России (Петроград, 1915 г.).

[5]) Его сочинения вышли в трех томах (I—СПБург, 1880 г.; II и III—Одесса, 1888 г.)—Ср, Ю. Гессен, О. А. Рабинович (Галлерея еврейских деятелей, вып. I, СПБург, 1898 г.).

вестной степени естественная в условиях одесской жизни [6]), разделялась также и уроженцем Западного края, беллетристом и публицистом Л. Левандой (1835—88), ставшим позже ближайшим сотрудником журнала [7]). Рабинович считал, что „испорченный жаргон", которым говорят евреи в России, не может „споспешествовать просвещению, потому что на нем не только что невозможно выразить отвлеченные понятия, но даже нельзя высказать ни одной порядочной мысли". Возможно, что это отрицательное отношение к народному разговорному языку вызывалось искренним убеждением, будто он недостаточно гибок для просветительной задачи, но надо полагать, что русский язык был в данном случае необходим, главным образом, для того, чтобы журнал мог воздействовать в вопросах внутреннего быта на еврейскую интеллигенцию, отошедшую от народного языка, а в вопросах об улучшении участи евреев—на русское общество и правительственные круги. Мы уже видели выше, что редакторы „Рассвета" не придерживались официально выставленной ими программы, согласно которой политические рассуждения не должны были находить место в журнале,—как мы знаем, „Рассвет" уделял внимание политическим вопросам, обсуждение которых в условиях того времени могло иметь какое-либо значение, конечно, лишь на русском языке.

Намерение издавать орган, специально предназначенный для освещения еврейской жизни, вызвал тревогу в Еврейском комитете. Был поставлен вопрос, „можно ли и полезно ли допустить у нас издание для евреев особого журнала, при том на русском языке". Новороссийский генерал-губернатор граф Строганов и министр внутренних дел признали такой журнал полезным. Но в программу журнала, для формальной видимости, была вставлена „истинная религиозность", и из этого был сделан тот вывод, будто журнал будет носить религиозный характер, а такой журнал „по многим отношениям неудобно" издавать на русском языке, и Еврейский комитет признал возможным выпускать его лишь на „жидовско-немецком языке" (разговорно-еврейском). В виду этого пришлось возобновить новое ходатайство о журнале на русском языке, и только в конце 1859 г. последовало разрешение на издание „Рассвета", который и стал выходить в следующем году [8]).

---

[6]) См. выше стр. 3.

[7]) Ср.: Н. Бухбиндер, Л. О. Леванда по неизданным архивным материалам. Леванда в 60-х годах (Петроград, 1918 г.).

[8]) См. выше стр. 151.—Л Леванда, К истории возникновения первого органа русских евреев („Восход" 1881 г., кн. VI).—Ю. Гессен, Смена общественных течений. Первый русско-еврейский орган („Пережитое", т. III, стр. 37—59. Написано по материалам архива минист. народн. просвещения: канцелярия министра, дело № 151388 „О разрешении Рабиновичу и Тарнополю издавать журнал „Рассвет").—Его же, Письма Ра-

Мы уже говорили, что „Рассвет“, хотя и в осторожной форме, добивался признания за евреями гражданского равенства [9]). А как ставил он вопрос внутреннего преобразования еврейской жизни?

Лозунгом реформы еврейского быта в сороковых годах служили слова: борьба с отчужденностью евреев путем насаждения общего образования, и в этой борьбе с „отчужденностью“ правительство и прогрессивные еврейские круги подавали друг другу руку помощи, хотя николаевские бюрократы не преследовали тех целей, которые воодушевляли еврейских прогрессистов [10]). Однако, грубое искоренение „отчужденности“ (называвшейся на канцелярском языке „фанатизмом“) посредством принудительного насаждения просвещения не принесло ожидаемых плодов. Просветительное течение, медленно прокладывавшее себе путь в стороне от широких масс, почти не отразилось на их жизни. Виною этому в значительной мере были правовые ограничения и законодательные репрессии, все глубже погружавшие народ в нищету, а также самый характер школ [11]). Но к шестидесятым годам наметился новый лозунг — внутренняя свобода, не мирившаяся с принудительными мерами в деле обновления еврейской жизни. И ярким выразителем этого лозунга явился „Рассвет“.

„Рассвет“, по формулировке Леванды, поставил себе двоякую цель: „действовать оборонительно и наступательно, — оборонительно против нападок извне, когда дело идет о защите наших человеческих прав и конфессиональных (религиозных) интересов, а наступательно против нашего внутреннего врага: мракобесия, рутины, общинных неурядиц, наших племенных пороков, слабостей и т. п.“. Однако, во внутреннюю связь эти две задачи „Рассвет“ не ставил, так как он стремился к улучшению духовного состояния народа вовсе не для того, чтобы „заслужить“ равноправие или похвалу из уст окружающего общества. „Мы несогласны с теми — говорилось в „Рассвете“ — которые связывают вопрос нашего нравственного перерождения с вопросом о нашей эмансипации. История доказывает, что наша полноправность никогда не зависела от степени нашего образования, а от большего или меньшего развития политической жизни тех народов, среди которых мы живем... Совершенствоваться же и освобождаться

биновича („Евр. Старина“, 1911 г., вып. I).—С. Цинберг, История еврейской печати, главы V и VI.—С. Гинзбург, Забытая страница (сборник его статей „Минувшее“).—О. Лернер, Евреи в Новороссийском крае, стр. 191—98.—С. Штрайх, Материалы для истории русско-евр. журналистики („Новый Путь“, 1916 г. №№ 36—37). Ср. дело Евр. комитета, № 70 „Об издании журналов о евреях“.

[9]) См. выше стр. 151.

[10]) См. выше главу пятую.

[11]) См. выше главу шестую.

от всего дурного должны мы вовсе не для достижения полноправности гражданской". В другом месте „Рассвет" отмечал, что еврейскому народу нечего бояться своих слабостей—„какой народ не имеет их?"; слабости не составляют какой-то привилегии, которою будто могут пользоваться все народы за исключением одних евреев.

Поставив себе одной из задач раскрывать больные места внутренней еврейской жизни, „Рассвет" пошел против общего течения. В виду тяжелого правового и общественного положения самокритика обычно вызывала опасения, что раскрытие из'янов еврейской жизни приведет к новым законодательным репрессиям. Еврейские газеты—„Гамаггид", одесский прогрессивный „Гамелиц" (с 1860 года) и нетвердый в своих общественных воззрениях „Гакармель" (в Вильне в 1860—80 г.г.) — в большей или меньшей мере склонялись к мысли о необходимости сообразовать еврейскую жизнь с требованиями современности; в частности, „Гамелиц", считая своей задачей „посредничество между правительством и евреями, между просвещением и верою", старался вызвать в ортодоксальных кругах благожелательное отношение к просвещению вообще. Тем не менее, еврейские газеты признавали направление „Рассвета" чрезмерно радикальным [12]).

Но, конечно, как ни было умеренно направление газет на еврейском языке, появление их должно было поколебать тот „патриархальный строй" общинной жизни, который поддерживался безгласностью народа. Одна возможность обнародовать те или иные факты общинной жизни, высказать тот или иной протест вносила элемент разложения в прежние общественные отношения. Если еврейские газеты „неодинаково смело выступали в защиту новых форм жизни, то их заслуга заключалась уже в том, что они будили интерес к текущим событиям, заставляли теологические умы так или иначе задумываться над земными вопросами" [13]).

Именно потому, что „Рассвет" отделял духовное возрождение народа от вопроса эмансипации, он противился всяким принудительным мерам, служившим излюбленным оружием в руках не одних лищь консервативных, но и передовых элементов, и не только в сороковых годах, но и в шестидесятых. Если двадцать лет назад Исаак бер Левинзон [14]) предложил правительству наложить руку на „вредные" еврейские книги; если накануне просветительной реформы из еврейской среды раздавались голоса о воспрепятствовании хасидам занимать раввинские посты в крупных общинах, то и в 60-х годах система ре-

[12]) С. Цинберг, История еврейской печати. — Ср. С. Боровой, Еврейские газеты пред судом „ученых евреев" (сборник „Еврейская Мысль", 1926 г.).

[13]) П. Марек, Очерки по истории просвещения евреев в России (Москва, 1909 г.)

[14]) См. о нем выше, стр. 4 и след.

прессивных мер против идейных противников не оскорбляла совести даже вполне интеллигентных людей. Так, „ученый еврей" при новороссийском генерал-губернаторе предложил правительству прекратить печатание сочинений на разговорно-еврейском языке в видах распространения между евреями знания русского языка. А известный публицист А. Ковнер, вошедший в историю еврейской литературы под именем „еврейского Писарева", возмечтавший стать „реформатором" еврейского народа, сделал на газету „Гамелиц" и ее редактора грубейший донос новороссийскому генерал-губернатору [15]). С другой стороны, и ортодоксы старались задерживать выход неугодных им книг, пользуясь благосклонностью цензоров. Противники хасидов попрежнему неоднократно делали попытки к тому, чтобы вызвать со стороны правительства репрессивные меры против хасидов, и если правительство отказывалось от этого, то только потому, что не хотело подать вида, будто оно поддерживает остальную часть еврейского народа [16]).

Особенно привлекал к себе внимание в то время раввинский вопрос. Когда начались выпуски воспитанников раввинских училищ, оказалось, что надежды, возлагавшиеся правительством и прогрессистами на этих будущих духовных руководителей общин, совершенно не оправдываются, так как общины не избирали на раввинские посты воспитанников раввинского училища, считая их невеждами в еврейских науках, а более консервативные элементы смотрели на них даже как на отщепенцев. В 1855 году был издан закон о том, что через двадцать лет раввином может быть только тот, кто получил общее образование [17]). Но уже в 1857 году было потребовано, чтобы на пост раввина избирались лишь лица, окончившие раввинские училища или казенные еврейские школы высшего разряда или обучавшиеся в общих школах [18]). Однако, общины попрежнему избирали людей, не имевших указанного образовательного ценза, но пользовавшихся религиозным авторитетом, строго державшихся заветов старины. Когда же администрация заставляла избирать воспитанников раввинских училищ, община преднамеренно назначала им скудное жалованье, совершенно недостаточное для существования, наряду же с ними продолжали действовать излюбленные „духовные раввины". Иной раз общины, чтобы обойти администрацию, приглашали тех бывших воспитанников

---

[15]) С. Боровой, Новое об А. Ковнере (сборник „Еврейская Мысль", 1926 г.). Ср.: С. Цинберг, А. Ковнер („Пережитое", II).—Леонид Гроссман, Исповедь одного еврея (1924 г.).

[16]) Журнал Евр. комитета 31 марта 1856 г. (утвержд. 5 июня).

[17]) Вт. сбор. законов, № 29276.

[18]) Вт. собр. законов № 31831, № 37189.

раввинского училища, о которых им было известно, что они уже имеют должность, и когда те отказывались, на посту оставался прежний раввин.

Но и заняв должность, раввины молодой формации оказывались в тягостном положении. Действовать в новом духе, призывать к упорядочению общинной жизни, к распространению общего образования, к смягчению векового ритуала—означало поставить себя в опасность быть забаллотированным на ближайших выборах и остаться без куска хлеба. Поэтому намечается стремление поколебать и даже совершенно разорвать зависимость нового раввина от общины. Так, первые двое, окончившие житомирское раввинское училище, возбудив ходатайство о том, чтобы воспитанники раввинских училищ получали содержание от казны, мотивировали это тем, что иначе, завися от воли общества, они не сумеют действовать в прогрессивном направлении. Далее, отдельные лица, добившиеся раввинской должности, а порою и представители общин, оправдывая себя стремлением склонить народную массу к культурному развитию, обращались к правительству с разнообразными ходатайствами: чтобы правительство оказывало поддержку просвещенным евреям в их желании занять раввинскую должность, чтобы срок службы на раввинском посту продолжался без перевыборов, чтобы были выписаны образованные раввины из-за границы, чтобы, наконец, население было лишено права выбора раввинов, а последние назначались правительством. Такую же точку зрения развивали и прогрессивно настроенные администраторы, которые одновременно в целях поднятия материального и морального уровня еврейского народа настаивали на значительном смягчении ограничительных законов [19]). Но низшая администрация, зависевшая от щедрот общины, нередко становилась на сторону консервативного лагеря,—окончившие раввинское училище неоднократно жаловались, что общества не выбирают их, а администрация попустительствует, утверждая их конкурентов, раввинов старого закала.

Попытки „прогрессистов“ лишить еврейское население права выбора раввинов встречали на страницах „Рассвета“ резкое осуждение. Борясь с этим общественным недугом, журнал указывал, что многие готовы прибегнуть даже к крутым мерам в надежде, что образованные раввины будут способствовать „реформе духа евреев“; но это обманчиво: раввин, который вздумает решительными, да к тому еще полицейскими мерами преобразовывать свое общество, будет иметь „столько же успеха, сколько любой становой, думающий исправлять нравственность народа“.

---

[19]) Ср. журнал Евр. комитета 4 июня 1861 г. (утв. 29 июня).

В это время и правительство стало на такую же точку зрения. Оно решительно отказалось лишить еврейское население исконного права выбирать раввинов, тем более, что это не достигло бы цели, „как большая часть принудительных мер в отношении к евреям", вследствие чего фактически раввины из окончивших раввинские училища были бы только номинальными, а в действительности духовными руководителями общин оставались бы „раввины-фанатики". Поэтому было постановлено ограничиться в деле выбора раввинов одним лишь „нравственным влиянием местных начальников при посредстве более образованных евреев" [20]).

Когда брест-литовское и полоцкое общества возбудили (1861 г.) ходатайство о том, чтобы исполнение духовных обязанностей было сохранено за прежними „духовными" раввинами, а окончившие раввинские училища, „казенные раввины", занялись исполнением гражданских обязанностей (ведение метрических книг, привод к присяге и др.), это предложение было отвергнуто [21]). Но так как к лицам, занимающим раввинские должности, были все же пред'явлены требования об общем образовании, то постепенно и утвердилось такое деление на „казенных" и „духовных" раввинов, и правительству пришлось примириться с этим двойственным раввинатом.

Наряду с вопросом о раввинате и в известной связи с ним еврейское общественное мнение было занято в ту пору судьбою народного образования.

Перемена в правительственной политике по еврейскому вопросу, сказавшаяся в некотором расширении прав, а вместе с тем—отчасти как последствие этого—начавшее устанавливаться житейское сближение между интеллигентными группами русского и еврейского общества не остались в известной мере без культурного влияния на еврейский быт в более крупных центрах, и это должно было способствовать

---

[20]) Журнал Евр. комитета 29 апреля 1857 г. (утв. 13 мая), 4 июня 1861 г. (утв. 29 июня) и 12 октября 1863 г. (утв. 3 ноября).—Дело Евр. комитета № 50 „Об определении раввинами выпущенных из равв. училищ и т. д."; № 98 „О неназначении кандидатов в раввины из воспитанников равв. училищ раввинами без согласия общества". Архив департам. дух. дел, 2 отд. 2 ст., 1857 г., дело № 162 „О мерах для ускорения преобразования евреев" (анонимная записка образованного еврея).—Архив мин. нар. просвещения, № 163074 (карт. 4227) „О раввинских училищах", № 121837 (карт. 2734) „Об определении казеннокоштных воспитанников равв. училищ к равв. должностям и т. д." (1858 г.), № 121757 (карт. 670) — См. статью Ю. Гессена в „Еврейской Энциклопедии", т. XIII, стр. 226 и след. (Раввинат в России).—Его же, Архивная справка („Восход", 1902 г., № 43). — Ср. записку киевского ген.-губернатора Васильчикова — Хозяйств. департамент мин. вн. дел, I ст. 2 отд., № 84 (1862 г.).—И. Сосис, Обществ. настроения („Евр. Старина", 1914 г. стр. 353 и след.).

[21]) Журнал Евр. комитета 4 июня 1861 г.

новому отношению к вопросу о школе, тем более, что и правительство приняло новый курс в школьном деле.

Если в предшествующее царствование правительство стремилось главным образом к тому, чтобы взять под свой контроль религиозное воспитание юношества, с каковой целью и были преимущественно учреждены казенные школы, то с конца пятидесятых годов устанавливается тот взгляд, что правительство должно снять с себя заботу о религиозном воспитании евреев, ограничившись распространением среди них одного лишь общего образования. Законом 4 мая 1859 г.— правда, по ходатайству некоторых еврейских общественных деятелей из высшего купечества— купцам и почетным гражданам было вменено в обязанность определять своих детей в общие казенные учебные заведения (а там, где их нет, в еврейские казенные училища), а евреям вообще предоставлено было самим заботиться о религиозном воспитании детей [22]). Тогда же среди еврейской интеллигенции обнаружилось стремление, чтобы дело насаждения образования в широких массах утратило принудительный характер, который окрасил училищную рефому сороковых годов. „Рассвет“ [23]) указывал, что условия жизни еврейской массы не вызывают потребности в знании русского языка; к тому же облик казенных еврейских училищ таков, что масса из религиозных соображений опасается посылать туда детей, а при этих обстоятельствах школьная повинность превращается в насилие над религиозной совестью; вообще—говорил „Рассвет“—недопустимо подобное принуждение в отношении еврейских детей, когда такая система вовсе не применяется к детям христиан.

Действительно, консервативные круги боялись казенных школ преимущественно из-за „закона божьего“, так как эти занятия велись с отступлениями от давних методов преподавания, благодаря чему традиционное правоверие находилось в опасности. Еще в 1858 г. один губернатор сообщал, что школы посещаются большей частью детьми совершенно бедных родителей, да и те нередко ходят по найму богатых людей во избежание нарекания в противодействии общим намерениям правительства.

С другой стороны, то обстоятельство, что, скученная в черте оседлости, еврейская масса в повседневной жизни не испытывала потребности в знании русского языка, не удерживало интеллигенцию от стремления к тому, чтобы образование подрастающего поколения опиралось на русскую грамоту, долженствовавшую послужить мостом к русской гражданственности. В этом направлении решило, в частности, действо-

[22]) Второе собрание законов, № 34461.—См. обширный журнал Евр. комитета 12 марта 1859 г. (утв. 4 мая).

[23]) № 29, стр. 462.

вать возникшее в 1863 г. „Общество для распространения просвещения между евреями в России“ [24]). Конечно, для насаждения русского языка наиболее пригодными представлялись общие казенные учебные заведения (преимущественно гимназии), а не специфические еврейские училища.

Такая точка зрения утвердилась и в бюрократических кругах. Возник вопрос—нужны ли казенные еврейские училища, раз школа должна дать подрастающему поколению общие знания, а не обучать его еврейским предметам. Было даже предположено вместо казенных еврейских училищ устраивать при гимназиях и уездных училищах, в случае переполнения их учащимися, специально для еврейского юношества параллельные классы на средства самих еврейских обществ.

Но казенные училища все же были сохранены, подверглась закрытию лишь часть училищ 2-го разряда [25]). Однако, вместе с тем министерство народного просвещения, признавая необходимым привлекать евреев в общие учебные заведения, а „не уединять обучение их в особых училищах“, старалось облегчить евреям поступление в общие учебные заведения.

Число евреев в общих школах стало быстро возрастать. В 1863 г. во всех гимназиях России насчитывалось 17.320 учеников, среди которых евреи составляли уже $3^1/_5$% (552 ученика). Этому содействовало не только благожелательное отношение министерства народного просвещения к еврейской учащейся молодежи, но и несколько изменившееся правовое и общественное положение, постепенно вовлекавшее все более широкие еврейские круги в общую гражданскую жизнь. К тому же, звание кандидатов и другие ученые степени предоставляли право повсеместного жительства. В прежние годы евреи получали высшее образование преимущественно на медицинских факультетах, по введении же судебных уставов они стали поступать также и на юридические факультеты.

Отметим, что многие из бывших воспитанников раввинских училищ по необходимости направлялись в университеты, не находя ни раввинских должностей, ни учительских. Идя им навстречу, правительство не только разрешало им поступать в университеты, но и оказывало материальную поддержку из сумм коробочного сбора. Такое дозволение получали даже казеннокоштные, которые по общим

---

[24]) См. историю общества, написанную И. Черниковером, т. I (СПБбург, 1913 г.).

[25]) Материалы, относящиеся к образованию евреев в России (СПБург, 1865 г.)—отчет ревизора Постельса, заключающий в себе статистический материал.—А. Георгиевский, По вопросу о мерах относительно образования евреев (материалы Высшей комиссии по пересмотру о евреях законов), стр. 154, 160 и др.

правилам обязаны были бы отработать казенное содержание службою в училище в течение известного времени [26]).

Мнение, что дело религиозного воспитания должно быть предоставлено родителям, а правительству остается заботиться лишь о распространении светских знаний, проникло и в казенные еврейские училища, когда их персонал постепенно пополнился более идейными педагогами евреями; действуя в духе времени, последние направили старания к тому, чтобы поднять изучение русского языка и сократить преподавание еврейских предметов, которое велось на немецком языке. Обновлению школ препятствовали смотрители-христиане, вообще совершенно чуждые возложенной на них задаче. В свое время казенные школы были отданы в ведение христиан только потому, что правительство не доверяло евреям; этот страх пред фанатической косностью, от которой будто не были свободны и образованные евреи, постепенно стал уменьшаться. Пирогов, состоя попечителем киевского учебного округа, назначил в виде „опыта" еврея смотрителем училища в Могилеве на Днестре, и оказалось, что могилевское училище стало наилучшим в округе, при чем число воспитанников с того времени возросло. Это послужило толчком к тому, что было решено (1862 г.) предоставить должности смотрителей также евреям [27]). И они-то вскоре освежили училищную атмосферу, внесли в нее культурные элементы и внушили еврейскому населению большее доверие к школе, в которой особенно пугало консервативные элементы то, что во главе ее стояли христиане.

Несмотря, однако, на то, что и казенные еврейские училища и общерусская школа притягивали к себе детей из различных еврейских общественных кругов, широкая масса попрежнему оставалась в знакомых ей стенах первобытной начальной школы-хедера. Если ревизор Постельс, ознакомившийся (1864 г.) на местах с казенными еврейскими училищами, пришел к выводу, что цель этих школ не будет достигнута, „пока евреи останутся сплоченными в тесных пределах настоящей их оседлости и при настоящих условиях их жизни, так как эта замкнутость, не позволяя им развить свою экономическую деятельность и держа их в тисках нищеты, препятствует сближению с окружающим населением [28]), то та же черта оседлости, не выпуская массового еврея из глухих местечек, лишенных малейших культурных веяний, прочно консервировала старую систему религиозного образования как в хедере,

---

[26]) Архив минист. народн. просвещен., № 163074 (карт. 4227). Среди лиц, получивших таким путем высшее образование, можно, в виде примера, упомянуть известного востоковеда А. Гаркави.

[27]) Вт. собрание законов, № 38641.

[28]) Материалы, относящиеся к образованию евреев, стр. 64.

так и в высшей религиозной школе —иешиботе. Представители интеллигенции неоднократно ополчались против хедеров и иешиботов, обращаясь за содействием к правительству, но никакие меры строгости не могли уничтожить эти школы, раз вся совокупность бытовых условий служила пропастью, отделявшей еврейский народ от общеэкономической и культурной жизни страны [29]).

Таким образом, фактически к „русской гражданственности" приобщались лишь отдельные небольшие группы еврейского общества, и при том в более крупных торгово-промышленных центрах. Показателем того, что так называемая русская гражданственность захватила лишь незначительную часть народа, может в известной мере служить судьба „Рассвета" — он просуществовал недолго и погиб (1861 г. как надо заключить, главным образом потому, что не нашел достаточного общественного отклика и материальной поддержки [30]). А затем не длительно было и существование его преемника „Сиона". Но руссификационное течение в среде еврейской интеллигенции бросалось в глаза, оно было кричаще. А то, что широкая масса оставалась в стороне от новых веяний, не было видимо, ибо она была изолирована не только от русского общества, но и от еврейской интеллигенции. И таким образом создавалось преувеличенное представление о победоносном шествии русского языка в глубь еврейской жизни.

Смягчение ограничительного законодательства, дававшее известным группам еврейского общества возможность передвигаться по стране и водворяться на новых местах, открывшее больший простор для сближения с окружающим населением, а на ряду с этим вовлечение представителей интеллигенции в круг общинных интересов и, наконец, участившиеся с проведением железных дорог деловые поездки заграницу—все это в совокупности сказалось на отдельных сторонах внутренней жизни. Приверженность к вековым обычаям, импонировавшим своей сединой, стала в некоторой мере ослабевать не только в частной жизни интеллигенции, но и в общественном быту. Наряду со старинным нерушимо-традиционным укладом ширится реформистский быт — проповедники, пользующиеся немецким или русским языком,

---

[29]) П. Марек, Очерки по истории просвещения.—М. Моргулис, Вопросы еврейской жизни (СПБург, 1889 г.), очерк „К истории образования русских евреев". — Л. Брамсон, К истории начального образования евреев в России (СПБург, 1896 г.).— См. в „Еврейской Энциклопедии" статьи: И. Цериковер, Казенные еврейские училища (т. IX); З. Крупицкий, Иешиботы (Ieшиботы) в России (т. VIII); Г. Вольтке, Хедер и меламед (т. XV); Ю. Гессен, Судьбы Воложинского иешибота („Пережитое", т. I, ч. II, стр. 19 и след.—из архива мин. нар. просв., 1858 г., № 127858, карт. 2735 „О закрытии Воложинского иешибота"; 1879 г., № 166163, карт. 4332 „По отношению о том, что в м. Воложине существует около 100 лет школа для приготовления раввинов").

[30]) См. источники, указанные на стр. 172—73.

хоральное пение, вновь строящиеся обширные синагоги, даже модернизированные могильные памятники—все это разбивает население как бы на два лагеря, из коих один, в духе времени, придающий себе внешний блеск, мнит себя победителем, а другой—неподвижно остающийся под тяжестью вековой старины, чувствует себя неослабносильным, хотя он и не представлял собой единого целого: хасидизм и раввинизм попрежнему стояли друг против друга во всеоружии взаимной вражды, не вступая, правда, в такие схватки, как на пороге 19-го столетия. И если в этом консервативном лагере постепенно нашло себе место общее образование, то при посредстве не русского, а еврейского языка.

Бок о бок с периодической печатью на еврейском языке борьбу с рутинным строем общины, с корыстной защитою обветшавшего наследия прошлого повела плеяда авторов отдельных произведений публицистического и беллетристического характера. В тенденциозных романах и в публицистических сборниках подверглись суровому осуждению и более отсталый хасидизм и чуждый запросам дня раввинизм. И на помощь этой боевой литературе поспешила просветительная литература—сочинения на еврейском языке по математике, естествознанию и другим научным дисциплинам стали проникать в более глубокую народную толщу, куда русская книга никак не могла бы заглянуть.

К различным моментам внутренней жизни, которые вызывали общественную борьбу, следует отнести также взыскание коробочного сбора. Этот сбор, первоначально принадлежавший общинам, был взят под ближайший контроль и, как уже указывалось, в известной части экспроприирован правительством: некоторые суммы коробочного сбора были обращены на привлечение евреев к земледелию, а особый налог на субботние свечи (и туалетный сбор) шел на содержание еврейских казенных училищ [31]).

Так как свечной сбор поступал в меньшей сумме, чем требовалось, то, чтобы сделать его более устойчивым, была назначена ежегодная определенная сумма (230 тысяч рублей), каковая раскладывалась на общины, и таким образом этот сбор из косвенного превратился в прямой. Но общины, вообще неисправные в платеже налогов, вносили этот сбор в казну далеко не в полной мере. И рост таковых недоимок привел к возбуждению вопроса о том, чтобы свечной сбор уничтожить, а на содержание казенных училищ обратить общий коробочный сбор. Но в это же время возникло сомнение в необходимости дальнейшего существования самого коробочного сбора. Так как множество отдельных евреев, как и раньше, уклонялись от уплаты податей, рас-

[31]) См. выше, стр. 89 и след.

читывая, что их недоимку община покроет из средств коробочного сбора, то его не всюду хватало, и податные недоимки неуклонно возрастали: в 1853 г. они доходили до восьми миллионов рублей [2]). Поэтому было задумано твердо установить, чтобы коробочный сбор служил общинам пособием для уплаты податей только за неимущих и убылых членов общины, прочие же должны были бы уплачивать подать на общероссийских основаниях, и чтобы коробочный сбор был налогом косвенным, т. е. взимался с мяса и других предметов обложения, а не прямым, в каковой он превращался в тех нередких случаях, когда сбор назначался в определенной сумме и последняя взималась по раскладке, и таким образом каждый член общины платил сбор не в зависимости от своего имущественного положения, от количества потребляемого им мяса и других предметов, а опять-таки от воли общинных заправил. Чтобы преобразовать коробочный сбор на указанных началах и одновременно решить судьбу свечного сбора, была учреждена (1858 г.) особая комиссия из представителей трех министерств.

Между тем цифры показывали, что, являясь для народа „невыносимою тягостью", коробочный сбор не приводил к правильной уплате податей. По манифесту 26 августа 1856 г. были прощены все податные недоимки, но уже в течение ближайших пяти лет накопилось 1300 тысяч рублей новых недоимок (около 2 рублей на ревизскую мужскую душу), годичная же сумма подати составляла 1200 тысяч рублей (2 р. 50 к. на ревизскую душу). За вычетом значительных сумм на различные цели, не приносившие пользы общинам, от коробочного сбора оставалось обыкновенно так мало средств, что только в немногих городах ими оплачивались полностью государственные и общественные повинности. Однако, и при этих условиях он разрушал и без того слабое здоровье неимущей части населения, когда взимался главным образом с мяса.

Что же касается свечного сбора, то недоимка доходила до 450 тысяч рублей, причем расходы на казенные еврейские училища были чрезмерно велики по сравнению с количеством учащихся — в генерал-губернаторстве Киевской, Волынской Подольской, Полтавской и Черниговской губерний один учащийся обходился в 1665 рублей ежегодно. Особенно тягостным представлялся свечной сбор, потому что при широко разлитой нищете и подвижности населения оседлым членам общины, обладавшим хотя бы самыми скромными средствами к существованию, приходилось платить за пять-шесть ревизских душ, а зажиточным—даже за большее число, и эта тягота сопровождалась сознанием, что сбор идет на столь ненавидимые школы.

---

[32]) См. выше, стр. 117.

Материальное значение коробочного сбора подчас умалялось хищническим ведением дела, разнообразными злоупотреблениями со стороны общинных заправил и откущиков сбора. К числу неправильностей относилось и то, что по проискам заправил не вводился тот „вспомогательный" коробочный сбор, который, упадая на имущие классы, должен был облегчить бремя сбора для массы.

Вообще, в Западном крае споры из-за коробочного сбора делили еврейское население на две резко отличные друг от друга группы: состоятельных и бедных. Состоятельные, неся материальную ответственность по коробочному сбору за неимущих, стремились к увеличению суммы сбора с бедной части населения, оправдываясь тем, что им приходится расходовать личные средства на благотворительные общинные учреждения. Неимущая же часть населения жаловалась, что, принимая участие в накоплении коробочного сбора, она не может в должной мере распоряжаться расходами.

Сказанное привело к тому, что когда в 1863 году по России была отменена подушная подать с городского населения и, среди прочих, от нее было освобождено еврейское население, так как, независимо от местожительства, евреи были приписаны к городам, то был поднят вопрос об отмене обязательности коробочного сбора, потому что он уже не должен был служить для покрытия податных недоимок. Но попытки отказаться от этого сбора встречали противодействие со стороны имущих кругов, предвидевших, что в этом случае им придется больше жертвовать на общинные нужды. В связи с проектом уничтожения казенных еврейских училищ мысль о лишении коробочного сбора обязательного характера была выдвинута и в бюрократических сферах, но и здесь нашлись противники ее.

Разногласия затянули разрешение вопроса, боевой интерес к нему постепенно остыл, и в результате коробочный сбор продолжал существовать на старых основаниях [33]).

---

[33]) Ю. Гессен, К истории коробочного сбора в России, стр. 42—57 (архивные источники: журнал Евр. комитета 13 мая 1858 г.; записка киевского генер.-губернатора 25 ноября 1861 г., хозяйств. департамент, 1 стол 2 гор. отдел, 1862 г., дело № 84; официальная „записка о короб. и свечном сборах, с евреев взимаемых",—архив департамента дух. дел иностр. исповеданий, комиссия по устройству быта евреев, дело № 20).—А. Георгиевский, По вопросу о мерах относительно образования евреев, стр. 159 и след. (Материалы Высшей комиссии по пересмотру законов о евреях).—М. Моргулис, Вопросы еврейской жизни (С.-Петерб., 1889 г.), очерк „Коробочный сбор".—Ср. в „Еврейской Энциклопедии" статьи: „Коробочный сбор", (т. IX), „Свечной сбор" (т. XI).

Глава десятая.

Потребность в широком преобразовании правового быта евреев в Царстве Польском.—Разногласия по этому вопросу между петербургскими и варшавскими администраторами.—Замедление реформы.—Революционное движение и участие в нем евреев.—Роль Велепольского.—Предоставление евреям Царства Польского политических прав.—Записка Велепольского об уравнении евреев в гражданских правах.—Рассмотрение его законопроекта в варшавском государственном совете и петербургском особом присутствии. — Указ 24 мая 1862 г. о гражданских правах евреев.—Мятеж 1863 г.—Завершение еврейской реформы.—Борьба из-за кошерного сбора.

В Царстве Польском, как указывалось выше [1]), евреи находились в исключительно тяжелых условиях гражданской жизни, и это состояние оставалось без изменения, хотя неоднократно возбуждался вопрос о том, чтобы их уравнять по меньшей мере с евреями, обитавшими в Империи. Нищета, проистекавшая от крайней скученности евреев и стеснения их в торгово-промышленной деятельности, все более возрастала благодаря тому, что еврейское население увеличивалось не только в абсолютных цифрах, но и в процентном отношении ко всему населению Царства Польского, как это видно из нижеследующей таблицы [2]).

Год	Численность всего населения	Численность евр. населения	Приходилось евреев на 1000 душ общего населения
	в тысячах душ		
1816	2.732	213	78
1831	3.762	373	99
1846	4.867	558	114
1855	4.674	566	121
1856	4.697	572	122
1857	4.734	580	122

[1]) См. выше, главу седьмую.

[2]) Собственная его имп. величества канцелярия по делам Царства Польского (при архиве госуд. совета), 1859 г., дело № 9 „О доставлении сведений относительно роста евр. населения в Ц. П.“.

Вот почему, добившись при Александре II нового направления в политике правительства по отношению к евреям в Империи, ступив на путь их эмансипации, Еврейский комитет поставил на очередь вопрос об облегчении положения евреев в Царстве Польском. В конце 1856 г. статс-секретарь по делам Царства Польского был с этой целью назначен членом Еврейского комитета [3]), и ему тогда же была доставлена записка „о мерах соглашения постановлений о евреях в Империи и Царстве Польском". В Петербурге исходили из того политического соображения, что в виду многочисленности евреев нельзя долее стеснять их старыми ограничениями и тягостными налогами, что оставлять во главе этого многочисленного населения, недовольного своим положением, „при тех же ограничениях евреев, влиятельных по богатству и образованию, было бы неосторожно". Вслед затем варшавский наместник составил по распоряжению царя обзор постановлений, ограничивающих права евреев в Царстве Польском на приобретение недвижимости, на жительство и заработки по деревням и городам. Однако, правительство Царства Польского не отозвалось на стремление Еврейского комитета разрешить вопрос об улучшении быта тамошнего еврейского населения. В конце следующего года состоялось высочайшее повеление: установить, какие меры могут быть тотчас же осуществлены в соответствии с началами, принятыми в Империи, и вообще ускорить ход дела. И опять все это не приводило к практическим результатам. Наместник, вообще, противился сколько-нибудь коренной реформе, считая, что смягчение ограничений должно итти с той же медлительной постепенностью, как в России, — „по мере успехов в образовании или цивилизации, улучшения нравственности и обращения к полезным трудам". Между петербургскими и варшавскими администраторами завязалась борьба. Статс-секретарь соглашался, что отчуждение евреев от окружающего населения вызывается, помимо условий внутреннего религиозного быта, также правовыми ограничениями, и что если другие государства обратили внимание на необходимость предоставления евреям равноправия, то это тем важнее в Царстве Польском, где евреи составляют одну восьмую часть населения; но и при таких условиях все же в политическом отношении желательно слияние евреев не с поляками, а с Россией; вообще, в Петербурге должны быть лишь намечены главнейшие преобразования, осуществление же их следует предоставить наместнику в зависимости от положения края и благосостояния прочего населения. Тщетно председатель

[3]) При изложении хода еврейской реформы использовано дело архива госуд. совета, собств. его величества канцелярия по делам Царства Польского, 1841 г. № 7 „Об устройстве евреев" (доведено до 1866 г.).

Еврейского комитета возражал, что все облегчения, допущенные для евреев в Империи, надо распространить и на евреев Царства Польского, что наместнику не может быть предоставлено разрешение вопроса о введении тех или иных мер, так как это право принадлежит государю. Из-за разногласий тормозилось дело реформы.

В это время (1860 г.) польский политический деятель еврей Людвиг (Озиас) Люблинер, живший в эмиграции, выпустил в Брюсселе книгу о политическом и гражданском положении евреев в Царстве Польском „De la condition politique et civile des juifs dans le royaume de Pologne", в которой снабдил примечаниями и подверг критическому рассмотрению рапорт департамента внутренних дел и исповеданий, представленный в 1858 году Александру II. Два экземпляра книги были присланы из Брюсселя Александру, и он передал их председателю Еврейского комитета Блудову, который, в свою очередь, счел нужным ознакомить с книгой членов комитета и принять ее во внимание при рассмотрении проектов, составленных в Варшаве [4]).

Между тем, начали возбуждаться вопросы об отмене отдельных ограничений. Прежде всего заговорили о праве жительства и передвижения. Помимо общего запрещения появляться в пределах Империи, а также стеснений вне городов в губерниях Царства Польского, евреи подвергались и в городах таким ограничениям, которые были известны в Империи лишь как единичные исключения. Из числа 453 городов только в 246 городах евреи пользовались свободой водворения и жительства; в 31 городе существовали определенные кварталы, вне которых, на подобие Варшавы, могли жить лишь привилегированные евреи, отвечавшие особым материальным или культурным условиям; в 90 городах евреи или вовсе не могли жить, или только в отдельных частях; в пограничных городах, число коих превышало сто, новое водворение было воспрещено. Впрочем, здесь, как и всюду, жизнь не всегда считалась с бумажными требованиями, — были города, в которых евреи жили вопреки запретительным привилегиям, и христиане не роптали.

Любопытно и характерно, что требование об уравнении евреев Царства Польского в отношении гражданского положения с евреями Империи чуть было не привело к умалению прав евреев Царства Польского. Дело в том, что в 1848—50 гг. в Варшаве были изданы постановления о дозволении бывшим нижним чинам водворяться на жительство в запретных городах (с соблюдением только некоторых условий). Между тем такого дозволения, т. е. права проживания в запретных внутренних губерниях евреи, отбывшие в Империи военную службу, не имели, и Александр II в то время противился отступлению

[4]) Журналы Евр. комитета. Всеподданнейший доклад Блудова 10 марта 1860 г.

от такого правила [5]). В виду этого был поднят вопрос о лишении евреев Царства Польского права жить в запретных городах. Но после долгого обсуждения это право было за ними сохранено [6]).

Прежде прочих почувствовали облегчение купцы первой гильдии—им разрешили перечисляться в купечество по всей территории России [7]). И на этом, казалось, реформа остановится. Но неожиданные внешние события подвинули ее. Обнаружилось революционное движение. В крае шло глухое недовольство тем, что Александр II решил следовать в польском вопросе по стопам Николая I. Началось с манифестаций, устраивавшихся учащейся молодежью, в которых принимала участие многотысячная толпа. 27 февраля 1861 г. такая демонстрация была рассеяна войсками, при чем оказалось несколько человеческих жертв. Этим случаем был ускорен ход событий,—отдельные общественные группы сплотились. Представители „высшего" польского круга были сосредоточены в Земледельческом обществе, состоявшем под председательством влиятельного гр. Замойского. Делались попытки вовлечь Земледельческое общество в революционное движение, но председатель общества настаивал на том, чтобы не выходить из границ законности. Возник спор о посылке государю адреса, в котором было бы нарисовано бедственное положение страны, при чем, по желанию некоторых, должно было быть указано, чего ожидает польский народ. Мысль эта горячо поддерживалась в купеческом клубе. Здесь преобладало бюргерство, мещанский элемент, представители ума и капитала, низшие чиновники, писатели, купцы, артисты, „без различия происхождения, потомки немцев или евреев, или ополячивающиеся евреи" (уравнение евреев в правах с христианами защищал в то время в своей газете известный польский писатель И. Крашевский). В пользу адреса стоял энергичный маркиз Велепольский; по его идее адрес должны были подписать члены Земледельческого общества не как земледельцы, а как шляхта, и снести к наместнику лично массою, а не чрез делегатов. Замойский, однако, медлил с адресом. Тогда (26 февраля) между выдающимися лицами из умеренных варшавских кругов состоялось решение выбрать немедленно несколько человек, которым и поручить составление адреса от Варшавы. Собрание в несколько десятков человек стало выкликать самых популярных людей в Варшаве, и наравне с Кенигом, отличавшимся своей полемикой против евреев, было произнесено и имя раввина Майзельса, прежде краковского раввина, а в 1856 г. приглашенного в Варшаву.

---

[5]) См. выше стр. 144.

[6]) Журнал Евр. комитета 15 сент. 1859 г.

[7]) Вт. собр. законов, № 35317 (4 января 1860 г.).—Журн. Евр. комит. 15 сент. 1859 г.

Кровавое событие 27 февраля и благосклонность, которую проявил наместник по отношению к делегации, явившейся к нему по поводу расстрела, заставили Земледельческое общество заняться составлением адреса. А между тем был уже готов адрес, заблаговременно написанный Велепольским. Среди различных предложений в его адресе было указано также уравнение евреев в правах с прочим населением. Но этот адрес не был принят. Государю был послан другой, составленный в Земледельческом обществе, вовсе не говоривший о желаниях польского народа, ибо это считалось просьбой, а просьба признавалась недопустимой. На адресе подписалось множество людей. „На первом листе сливались состояния: шляхетское землевладение с купечеством и мещанством, христиане с евреями". Вслед за Замойским расписался римско-католический епископ, а тут же и раввин Майзельс. Это единение было демонстрировано и на погребении жертв 27 февраля. За гробом шли члены божничного дозора с раввином Майзельсом и проповедником Ястровым во главе; религиозные обряды у гроба совершали сперва католические епископы, затем пасторы и, наконец, раввины.

Конечно, в братании с поляками приняла участие лишь небольшая группа более образованных евреев, преимущественно из бывших воспитанников варшавского раввинского училища. Широкие массы еврейского населения остались в стороне от движения, и Майзельс со своими единомышленниками старались внушить им, что поляки, примкнувшие к движению—истинные друзья евреев, и призывали подписывать готовившийся адрес царю [8]).

Когда ненавистный польскому обществу министр духовных дел царства польского русский чиновник Муханов должен был, по требованию наместника, покинуть службу, возник вопрос, кого из польского общества назначить заместителем Муханова. Наместнику сообщили о книжке Велопольского, в которой проводилась та мысль, что поляки, отказавшись от стремления к политической свободе, должны искать союза с Россией, который даст им возможность сохранить свою национальную обособленность и развиваться соответственно историческим традициям. Велопольский был вызван к наместнику и в первой же беседе Велопольский заявил, что среди очередных государственных преобразований стоит уравнение евреев в правах с прочим населением.

В марте 1861 г. Велепольский вступил в управление вновь учрежденной комиссией (министерством) народного просвещения и вероиспо-

---

[8]) См. воззвание от 3 марта 1861 г. (Kwartalnik, № 2 1912 г., стр. 143—147).

За эту агитацию Майзельс, учителя раввинского училища—упомянутый проповедник Ястров и Крамштык, а также купец Файнкинд былы арестованы.

ведания. Когда несколько дней спустя ему представилась депутация от еврейской общины в его майоратном имении Пинчове, он отнесся к ней с особым вниманием. „Я искренно желаю—сказал Велепольский—устранения всех тяготеющих на вас стеснений и как заведующий вероисповеданиями, и как юрист. Духу гражданского кодекса, составляющего звено, которое связует нас с Европою, противны всякие из'ятия от действия общих гражданских законов. Я вовсе не разделяю мнения самоновейшего чекана, будто бы вы, предварительно достижения равноправности, должны сойти с пути торговой промышленности и запречь себя в плуг. Очень почетно звание земледельца, я сам по ремеслу земледелец, но земледельцев у нас всегда было вдоволь, а недоставало нам так называемого среднего состояния, зародыш которого от провидения привитый нам, заключающийся в вас, пропадает втуне. Постарайтесь этот зародыш развить; в том-то и заключается ваше общественное достоинство“ [9]).

Привлечение Велепольского к участию в управлении страною не остановило, однако, движения в польском обществе. Закрытие Велепольским Земледельческого общества вызвало в Варшаве новые массовые демонстрации. После погребения одного революционного деятеля толпа направилась на еврейское кладбище, где евреи пропели польский гимн на могиле А. Эйзенбаума [10]), одного из первых носителей идеи о сплочении евреев с поляками. Далее процессия двинулась через город. В тот день—8-го апреля—по инициативе Велепольского состоялось об'явление о том, что сборища будут, в случае необходимости, разгоняться вооруженной силой. Это распоряжение не успело стать всем известным, и когда толпа на предложение разойтись отказалась, войска дали залпы вдоль главных улиц—многие были убиты; или ранены; среди жертв оказались и евреи.

Велепольский желал привлечь к себе Майзельса и предложил ему место в педагогическом совете; но Майзельс не согласился,—он остался на стороне своих друзей, не сочувствовавших умеренной политике Велепольского. Оппозиционная печать убеждала польское общество попрежнему смотреть на евреев, как на братьев, а Майзельс призывал евреев участвовать в польских религиозно-национальных демонстрациях. И когда по распоряжению католического духовенства костелы были закрыты в виде протеста против того, что власти производили там аресты, представители еврейской общины, под влиянием Майзельса, постановили прекратить богослужение в синагогах.

---

[9]) В. Спасович. Жизнь и политика маркиза Велепольского (Спбург, 1882 г.). Этой книгой мы пользуемся и в других местах, где говорится о Велепольском.

[10]) См. том первый, стр. 237.

Солидарность группы передовых евреев („поляков Мойсеева закона") с польским оппозиционным обществом не встречала сочувствия в широких еврейских кругах. Этому содействовало и вызывающее поведение ополяченных евреев. Один из них открыл свою контору в праздник Рош-га-Шана (новый год), и толпа евреев разгромила ее.

После кровопролития 8 апреля Велепольский занял пост министра юстиции, сохранив за собою министерство народного просвещения и духовных дел. И вот, в качестве руководителя этих двух ведомств, он стал разрабатывать обещанные реформы. На ряду с важнейшим вопросом польской жизни, крестьянским, Велепольский поставил в первую очередь и еврейский. „Иудофильство маркиза было сознательное, основанное на целой теории, выводимое из принципов 1789 года и из духа кодекса Наполеона, которого он, как европеец, был горячим приверженцем и которому было противно всякое из'ятие из общего правила— каждый туземец пользуется гражданскими правами".

Польский господствующий класс не хотел предоставить евреям не только политические, но даже гражданские права; он отказывался не только дать евреям права, но даже и возбудить в них надежду на будущее. Участие горсти евреев в демонстрациях вряд ли могло значительно содействовать искоренению этого отношения, в основе которого лежали не только узко-понимаемые экономические интересы страны, но и чванливое национальное чувство.

„Железный маркиз" решил пренебречь этим общественным предрассудком. И прежде всего Велепольский постарался дать евреям политические права. Выработанный им устав о выборах в уездные и городские советы, из среды которых комплектовались губернские советы, допускал к участию в самоуправлении лиц известного ценза б е з р а з л и ч и я состояния и в е р о и с п о в е д а н и я. Евреи, наравне с прочими, могли не только участвовать в выборах, но и быть избираемыми в губернский совет. Когда же этот проект был (24 мая 1861 г.) утвержден [11]), Велепольский, ссылаясь на то, что евреи уже получили политические права, разработал законопроект, долженствовавший дать им и гражданские права.

Будучи министром народного просвещения и юстиции, Велепольский мог высказаться в решительной форме лишь по соответствующим вопросам еврейской жизни. Однако, он не ограничился рамками своих ведомств и коснулся также тех сторон еврейского быта, которые подлежали ведению других учреждений. Нарисовав историческую картину, как, вопреки законам, евреи были лишены политических и граждан-

[11]) В 1862 г. в состав вновь образованного государственного совета вошел еврейский общественный деятель Матиас Розен.

ских прав в эпоху Варшавского герцогства и как эта традиция была сохранена и по образовании Царства Польского, Велепольский подробно остановился на обвинениях, которые послужили основанием к отказу признать евреев гражданами страны [12]). Евреям ставили в упрек то, что они желают возвратиться на родину своих предков, а страну, в которой они живут, почитают местом изгнания, и что, чувствуя себя отдельным народом, они сохраняют свои особенности и обычаи. Но ведь верование в возвращение в обетованную землю, говорил Велепольский, в той же мере, как верование (в различных религиях) в будущую жизнь, не может ослабить сознание общественных обязанностей; между тем, законодатель, лишая евреев благ общественности, утверждает их в убеждении, что они находятся в стране изгнания; обвинение евреев в обособленности и в том, что они придерживаются особых обычаев, как и прежде, остается основательным; но сам законодатель, не давая евреям даже тех прав, которыми пользуются иностранцы, обращаясь с еврейским населением, как с чуждым народом, приводил именно к тому, с чем хотел бороться. По поводу же второго обвинения, будто евреи направляют свои умственные силы лишь к обману, который „составляет для них главное ремесло", Велепольский утверждал, что действительно значительная часть евреев, наиболее бедная, издавна занимается обманами или промыслами, противными общественному порядку (напр., контрабанда и др.); но именно ограничение евреев в средствах к заработку, при обременительных податях и сборах, при увеличивающихся потребностях в виду повышения цен на жизненные припасы и жилище, повлекло за собою нищету и вызвало стремление к обходу законов, к обману; при расширении же свободы в заработках деятельность евреев обратится в полезные промыслы, а это приведет к улучшению быта еврейского населения. Издавна говорилось об опасности, которою угрожает стране рост еврейского населения. Эта опасность,—об'яснял Велепольский,—будет действительною, если евреи останутся в своей обособленности,—„общественное благо требует безотлагательного слияния и уподобления этого постороннего во многих отношениях элемента общему народному единству", что может быть тем легче достигнуто, чем раньше это будет сделано. Кажется, уже пора—заявил Велепольский—отказаться от таких стеснений, как ограничения в праве жительства, как запрещение приобретать земельную собственность, давать свидетельские показания в судах против христиан; должны быть также отменены постановления, препятствующие евреям поступать на государственную службу; следовало бы также упразднить специальные сборы, но фи-

[12]) См. том первый, главу двенадцатую.

нансовые обстоятельства заставляют придерживаться в этом отношении известной постепенности. Однако, если правительство распространяет на евреев общий закон, заявил Велепольский, оно может и должно требовать, чтобы они ответили на это искренним содействием; чтобы при полной религиозной свободе они „покинули все то, что в их книгах отличалось бы ненавистью и превратностью нравственных начал в отношении других исповеданий, чтобы они покинули все то, что с их стороны носило бы печать правительства в правительстве [13]), народа в народе, а именно — особое законодательство о гражданских отношениях, а равно и специальные по сему предмету раввинские суды“ [14]).

Все это относилось к евреям. Однако, реформа еврейского быта должна была иметь, по мнению Велепольского, большое значение и для всего польского общества, служа источником его „нравственного исправления“; по отмене правовых ограничений, установленных для евреев, возвысится достоинство законодательства, свободного от всех тех разногласий, которые подкапывают уважение к закону; вместе с тем возвысится в своем достоинстве, с одной стороны, значительная часть населения, которая при строгости законов вынуждалась их обходить; с другой стороны, возвысится класс (чиновный), значительная часть которого торгует раздачею свобод и выгод, не предоставляемых евреям законом; возвысится общественная совесть, когда фактически осуществится провозглашенная веротерпимость.

Благодаря обстоятельствам политического характера, а также и личного, Велепольский не нашел сочувствия в польском обществе; все, что ни делал он и в области законодательства (аграрная, школьная и другие реформы) и в административном управлении, осуждалось. Вместе с тем, отношение быстро менявшихся наместников как к польскому вопросу, так и к самому Велепольскому стало недоброжелательным, — Велепольский не находил необходимой опоры и со стороны варшавского правительства. Наместник послал жалобу в Петербург и стал ждать отставки Велепольского. Но последний был вызван в Петербург для личных об‘яснений.

В это время государственный совет в Варшаве, в отсутствие своего вице-председателя Велепольского, приступил к обсуждению проекта еврейской реформы, выработанного Велепольским [15]). Государственному совету было предложено одним из его членов задержать все дело реформы под тем предлогом, что „в нравственном и умствен-

[13]) Велепольский высказался в этом же смысле и по поводу католич. духовенства.

[14]) Здесь использован официальный русский перевод записки Велепольского.

[15]) Архив государственного совета. Журналы госуд. совета Царства Польского за сентябрь—ноябрь 1861 г. (I—XIX). Заседания 6/18 и 8/20 ноября.

ном состоянии евреев нет той зрелости, которая необходима" для уравнения их в правах с христианами. Но государственный совет единогласно отверг это предложение, заявив, что отмена ограничений до такой степени своевременна, что основной пункт проекта, допускающий евреев к пользованию гражданскими правами наравне с прочим населением, „не требует дальнейшего оправдания", и только в виду особых взаимоотношений между землевладельцами и крестьянами, подлежащих преобразованию, может быть временно несколько стеснено право приобретения земельной собственности, еще не совсем перешедшей во владение крестьян, т. е. пока не прекратится барщинная повинность последних к землевладельцам; а вследствие неблагоприятного финансового положения края приходится подождать с отменой специальных налогов, пока не будут изысканы новые источники государственных доходов. Исходя из широкого взгляда на реформу, государственный совет решил уничтожить также те ограничения, отмена которых не входила в круг ведения Велепольского как министра юстиции и народного просвещения. Кроме того, государственный совет исключил из законопроекта требование Велепольского, чтобы право владения земельной собственностью принадлежало лишь тем евреям, которые знают польскую грамоту,—подобного ограничения не существовало для других народностей, не знавших польской грамоты.

Особые споры вызвал вопрос о языке, на котором можно писать акты. Считая, что препятствием к уничтожению обособленности евреев является употребление „в действиях гражданской жизни" особого языка, Велепольский предложил запретить составление актов (завещания, договоры, торговые книги и проч.) на еврейском или разговорно-еврейском языке. В государственном совете было сделано указание, что евреи „имеют право на уважение к их языку и отдельной народности", что такое нововведение было бы чрезвычайно стеснительно; все же запрещение употреблять еврейский язык в актах было оставлено в силе с оговоркой, что пользование еврейским языком делает недействительным пред лицом суда лишь самый акт, но отнюдь не заключающийся в нем договор.

В результате законопроекту, выработанному первоначально Велепольским, было придано следующее содержание:

1) Запрещение приобретать земские имения — отменяется, но в течение десяти лет евреи-землевладельцы не могут быть войтами, а вместе с тем не могут приобретать указанные выше земли, переходящие к крестьянству.

2) Все стеснения в жительстве отменяются.

3) Предоставляется право приобретать недвижимую собственность во всех городах.

4) Дозволяется быть свидетелем при совершении всякого рода актов нотариальных и актов состояния.

5) Впредь не делается никакого различия по уголовным делам между показаниями евреев и христиан.

6) Изменяется форма присяги.

7) Употребление еврейского и разговорного языка не допускается при составлении актов, договоров, векселей и проч.

8) Предписывается властям пересмотреть постановления относительно занятий ремеслом, торговлей и промышленностью и относительно специальных с евреев податей.

Между тем, Велепольский был встречен в Петербурге очень милостиво. Его оставили здесь и поручили принять участие в рассмотрении законопроектов, поступавших из Варшавы, и таким образом ему довелось провести в последней инстанции еврейскую реформу.

В январе 1862 г. государь велел Еврейскому комитсту рассмотреть проект еврейской реформы с приглашением Велепольского. Но по случайным обстоятельствам дело затянулось, а потому 10 мая 1862 г. было с этой целью образовано особое присутствие из нескольких министров, в состав которого вошел и Велепольский. На другой же день присутствие рассмотрело законопроект [16]).

Присутствие признало тем более необходимым расширить гражданские права, что законом о выборах в разные учреждения еврейскому населению были предоставлены соответствующие права, носящие характер политических. Поэтому оно подвергло обсуждению только те пункты законопроекта, которые вызвали разногласие в варшавском государственном совете. Так, было сохранено в силе постановление о том, чтобы евреи, приобретающие землю, в течение десяти лет от издания нового закона не могли занимать должность войта гмины. Далее, присутствие отвергло предложение меньшинства государственного совета, чтобы были сохранены ограничительные правила о жительстве в Варшаве, дабы не уменьшился городской сбор по суточным билетам, уплачиваемый евреями, прибывающими в Варшаву для временного пребывания, и, вопреки общему мнению государственного совета, присутствие признало необходимым отменить этот сбор, „принадлежащий к самым несправедливым и стеснительным налогам“. Присутствие поддержало запрещение пользоваться еврейским языком при составлении актов и высказалось за окончательную отмену коробочного сбора (поступавшего в пользу казны), но с тем, чтобы это было проведено особым актом.

---

16) Журналы Еврейского комитета (доклад председателя Евр. комитета бар. М. Корфа от 10 мая и журнал 11 мая).

Журнал присутствия был утвержден, и указом 24 мая 1862 г. означенные постановления были введены в жизнь.

После этого остались еще в силе некоторые стеснения в занятиях (фармацевтическая деятельность, маклерство), а также специальные подати. Но несколько месяцев спустя исчезли и эти обрывки ограничительного законодательства. Кроме того, особым указом (1862 г.) был упразднен специальный налог, т. е. кошерный сбор.

Столь быстрое течение дела было, вероятно, обязано опять-таки Велепольскому, достигшему в то время высоты власти. Пост наместника занял великий князь Константин Николаевич, а Велепольский был назначен начальником гражданского управления.

С прибытием Велепольского в Варшаву революционное течение стало открыто принимать более широкие размеры. В движении продолжали участвовать евреи.

Повторяем, к революционному движению примкнула лишь горсть евреев [17]). Всецело скованная регламентацией узкого религиозно-национального быта, приниженная в общественной жизни и к тому же задыхавшаяся в нищете, масса была совершенно чужда политическим движениям—польские интересы были ей незнакомы. Столь же малочисленно было участие евреев в восстании 1863 года. Единение евреев с поляками происходило только в узких кругах интеллигенции, да и то лишь отдельные лица были захвачены революционным движением. Но и это сравнительно скромное приобщение евреев к осуществлению политических замыслов поляков далеко не всегда встречало сочувствие в рядах польских революционеров [18]).

Вскоре по усмирении мятежа 1863 г. правительство завершило еврейскую реформу. Евреям Царства Польского, по примеру их собратьев в Империи, было дано (1866 г.) право на государственную службу. Наконец (1868 г.), был разрешен свободный переход в губернии черты оседлости, а евреям Империи—в пределы Царства Польского; тогда же на евреев Царства Польского были распространены общие законы о праве известных категорий еврейского населения на повсеместное жительство в Империи.

---

[17]) Вместе с некоторыми другими членами государственного совета подал в отставку и Матиас Розен в виде протеста против действий Велепольского, направленных к подавлению восстания.

[18]) Х. Коробков, Польско-еврейские отношения в 1861-62 г.г. в официальных донесениях („Евр. Старина", 1915 г., вып. 2).—Б. Розенштадт, Еврейские жертвы в польском восстании 1863 г. (там же, 1913 г., вып. IV).—Я. Шацкин, К истории участия евреев в польском восстании 1863 г. (там же, 1915 г., вып. I). — Ливерант, Приключение еврея во время польского восстания 1863 г. (там же, 1910 г., вып. III).

Следует отметить, что упомянутая выше отмена кошерного сбора вызвала серьезное беспокойство в варшавской общине, потому что с упразднением сбора, поступавшего в казну, одновременно прекратился сбор в пользу общины [19]). Возник вопрос о средствах, необходимых для нужд общины, и он стал тем более острым, что народная масса считала себя в праве не нести никакого налогового бремени. Как кажется, уплачивать сбор не хотели и прогрессивные круги, отказавшиеся от ритуальных законов о пище, но общинные заправилы требовали, чтобы налог взимался со всего населения. Это можно заключить из того, что варшавский городской совет об'явил, что „употребление скота, убитого ножем кошерным, не может быть обязательным", что кошерный сбор ни в коем случае не должен падать на бедный класс и что община не в праве взимать этот сбор ни с потребителей мяса, ни с мясников. В виде временной меры гмине было разрешено взимать сбор с птицы, но население не признало и этого сбора,—воспользовавшись общим замешательством, толпа (1863 г.) разогнала сборщиков налога и истребила официальные реестры. Тогда по предложению общинных заправил был введен сбор с актов о рождении, венчании и пр., а также с молитвенных домов. Однако, население протестовало и против этого налога, считая, что им нарушается закон о веротерпимости. Вскоре последовало (1864 г.) высочайшее повеление ни под каким видом не допускать сбора с мяса и птицы, так как кошерный налог отменен, — необходимые суммы для нужд общины должны собираться по раскладке.

Несколько лет спустя божничный дозор вновь возбудил ходатайство о введении кошерного сбора. Но расследование показало преимущество раскладки, так как при существовании коробочного сбора богатый ортодокс удовлетворял свои религиозные чувства, платя меньше, чем по раскладке, а прогрессист, не употребляющий кошерного мяса, был совершенно свободен от сбора; масса, чуждая всякой инициативы в общественных делах, подчинялась воле руководителей, а этим и пользовался богатый класс; под видом одной лишь защиты религиозных законов о пище, он действовал в личных выгодах [20]).

[19]) См. выше, стр. 129.

[20]) Ю. Гессен. К истории коробочного сбора в России (СПБург, 1911 г.), стр. 59—70 (см. также „Евр. Старина", 1911 г., вып. IV).—„Евр. Энциклопедия", т. IX, 758—771.—Архив собств. его величества канцелярии по делам Царства Польского, 1842 г., дело № 38 „О кошерном и короб. сборе с евреев". — Комиссия по устройству быта евреев, дело № 16 (цитированная в главе седьмой „Справка об упразднении сбора").

Глава одиннадцатая.

Зарождение идеи о национальном обновлении.—„Книга кагала" как орудие насаждения ложного представления о всемирной еврейской организации. — Борьба с этой „опасностью". — Комиссия по устройству быта евреев. — Преобразование системы воспитания молодежи. — Общерусская школа и вопрос о черте оседлости. — Концентрация реакционных сил (погром в Одессе, Кутаисский ритуальный процесс). — Закон 1879 г. о расширении прав лиц со специальным образованием как последний отголосок либеральной поры.—Малоподвижность еврейских масс и безнадежное предложение об уничтожении черты оседлости. — Поворот к репрессивной политике. — Начатки революционного движения среди евреев.

Те несколько шагов по пути эмансипации еврейского народа, которые правительство с трудом сделало в начале шестидесятых годов, представлялись реакционным русским кругам слишком смелыми и скорыми, угрожающими благополучию христианского населения; консервативные органы печати нередко выступали с резкими выпадами против евреев, и это, как мы увидим в дальнейшем, не осталось без реальных последствий. С другой стороны, в это время в еврейском обществе наметилось явление, которое стало вызывать нарекания в самой еврейской среде. В интеллигентских кругах просветительное течение, в связи с улучшением их правового и общественного положения, пошло частично по тому направлению, которое при аналогичных условиях привело интеллигентных евреев Западной Европы к односторонней ассимиляции с господствующим народом: порывая с религиозной обрядностью, еврейские интеллигенты в России, не находя другой связи со своим народом, совершенно уходили от него, духовно считая себя единственно русскими гражданами. Правда, ассимиляционное течение не достигло в России такой интенсивности, как в Западной Европе. Но все же пример Запада давал основание полагать, что оно со временем значительно усилится. И эта перспектива, принявшая в представлении отдельных лиц характер народной опасности, постепенно создала противоположное течение, направленное к тому, чтобы возродить в новой форме вековую национальную идею.

Одним из наиболее ранних и боевых выразителей такого движения является беллетрист и публицист Перетц Смоленскин (1848—85 г.г.),

который в своем журнале „Гашахар", издававшемся (с 1868 г.) за границей, но имевшем в виду преимущественно евреев в России, обрушивался как на прогрессистов, порывавших с историческим прошлым, так и на консерваторов, боявшихся просвещения и новых общественных веяний. Считая, что просвещение, основанное на здоровых началах, — лучшее орудие, способное разбить цепь, держащую народную массу в духовном оцепенении, он призывал приобщиться к общей культуре, но вместе с тем сохранить свой национальный духовный облик. Возражая против утверждения западно-европейских реформистов, что евреи представляют собою лишь религиозную конгрегацию, Смоленскин решительно отрицал, будто обрядовая сторона иудаизма — основа существования еврейского народа. Он верил, что обновление народа произойдет без принуждения извне, силою внутренней потребности, которая скажется тогда, когда народ достигнет более высокой степени культуры. Журнал Смоленскина читали как образованные лица, так и менее просвещенная, но чуткая молодежь — канторы, учителя, меламеды и вообще юноши, жаждавшие бодрящего слова.

Идея о национальном возрождении стала проникать в разнообразные общественные круги. И ее распространению должно было содействовать то знакомое нам стремление правительства к „слиянию" еврейского народа с русским, которое приняло в ту пору новое направление и окраску. В николаевскую эпоху достигнуть „слияния" хотели принудительным преобразованием быта евреев (чему, между прочим, должны были служить казенные еврейские училища) без предоставления им гражданских прав. В конце пятидесятых годов зародилась надежда ускорить осуществление указанной задачи частичным смягчением ограничительного законодательства. А десять лет спустя борьба с „отчужденностью" еврейского народа выходит из стен ведомственных канцелярий, в тайниках которых бесплодно обсуждались разнообразные меры к искоренению „фанатизма" евреев, и правительство как бы передает ведение этой борьбы самому обществу, что и повело к быстрому распространению открытого общественного антисемитизма.

Еще на пороге 19-го века в русском обществе, при содействии отдельных образованных евреев [1]), стал распространяться взгляд, будто талмуд, создавший еврейскую замкнутость, представляет собою великую опасность для христианских народов, так как он питает вражду евреев к христианам. И с тех пор неоднократно возбуждался вопрос о том, как уничтожить или, по меньшей мере, обезвредить до некоторой степени злобную силу, таящуюся в талмуде. Но так как, с другой стороны, возникало опасение, что если бы даже удалось сокрушить

[1]) См., например, том первый, стр. 129 и след.

этот кодекс религиозных постановлений, то еврейский народ, не чувствуя более узды, в которой его держал освященный веками талмуд, станет еще более опасным для государственного порядка, то открытых и широких наступлений на талмуд правительство не делало, расчитывая, что казенные еврейские училища незаметно для еврейского народа отвлекут юношество от подчинения талмуду. Но уже в конце шестидесятых годов дело осложняется. В это время утверждается взгляд на талмуд не как на кодекс религиозно-национального характера, а как на „гражданско-политический кодекс", идущий „против течения политического и нравственного развития христианских стран". Распространению этого воззрения в значительной мере способствовал крестившийся еврей Я. Брафман.

В 1866 г. Брафман, сообщив виленскому генерал-губернатору, что у него имеются документы,—акты минского кагала конца восемнадцатого и начала девятнатцатого века — разоблачающие „тайны" внутреннего быта евреев, представил записку, в которой старался доказать, что евреи действительно составляют государство в государстве. Это выступление Брафмана побудило виленских общественных деятелей просить генерал-губернатора об учреждении комиссии, которая рассмотрела бы по существу заявление Брафмана. Комиссия была образована, но она отнюдь не попыталась остановить победоносное шествие Брафмана, нашедшего сильную поддержку в правительственных кругах. Виленский генерал-губернатор Потапов счел долгом сообщить министру внутренних дел, что виленские евреи, „негодуя на принятые правительством меры к разоблачению кагального их строя и делаемые здесь изыскания Еврейской комиссией", стали собирать деньги, чтобы добиться в Петербурге закрытия этой комиссии, и при этом Потапов препроводил копию постановления минского кагала от 1802 года, каковое должно было служить доказательством существования „кагального строя" [2]). Пользуясь денежной поддержкой со стороны администрации, Брафман придал своей деятельности широкую гласность. Исказив смысл кагальных актов, повидимому, по незнанию условий еврейской жизни той эпохи, Брафман стал возвещать, что государственные законы не могут уничтожить ту вредоносную силу, которая таится в еврейском самоуправлении, а между тем, по его словам, эта организация не ограничивается местными „кагалами" (упраздненными в 1844 г.), а охватывает, мол, еврейский народ во всем

---

[2]) О Вил. комиссии — см. выше, стр. 160. Письмо Потапова от 19 октября 1868 г. (канцелярия министра вн. дел, 1868 г., дело № 16 „Относительно евреев в Западном крае").

мире, будучи сосредоточена в „Alliance Israélite Universelle“ [3]), а также в упомянутом выше „Обществе распространения просвещения между евреями в России“, и вследствие этого христианские народы не могут избавиться от еврейской эксплуатации, доколе не будет уничтожено все то, что способствует замкнутости евреев,—между прочим, следует закрыть оба упомянутые общества: Брафман приписывал деятельности „Alliance Israélite“ политический характер, которого она в действительности вовсе не имела. Напечатанная (1869 г.) на средства виленского учебного округа, а отчасти на сборы, поступавшие с евреев на нужды казенных еврейских школ, „Книга кагала“ Брафмана была разослана по присутственным местам. Во втором издании (1871 г.) она была напечатана на государственные средства [4]). Благодаря этому книга приобрела исключительный авторитет в глазах администрации, будучи принята как официальное руководство, и завоевала себе право гражданства (чаще всего только по наслышке) в широких кругах русского общества.

Столь исключительный успех об'ясняется тем, что декларация Брафмана появилась в годы, когда недавний поверхностный либерализм в правительственных сферах уже быстро испарялся, и реакционные элементы, почувствовав почву под ногами, стали стремиться к тому, чтобы прогрессивную политику по еврейскому вопросу направить вспять—вот почему и был пущен в ход административный аппарат для распространения, для популяризации „Книги кагала“. И если „Книге кагала“ удалось внушить множеству отдельных лиц фанатическую ненависть к еврейскому народу как к „всемирному врагу христиан“, удалось распространить превратное представление о внутреннем быте евреев, будто бы изо дня в день в многообразном виде угрожающем окружающему христианскому населению, то в правительственных кругах она вызвала потребность теми или иными мерами обезвредить страшного врага, представленного в лице миллиона нищих евреев.

Когда Александр II, заметив, что в Царстве Польском евреи продолжают носить свое традиционное одеяние [5]), потребовал, чтобы к ним были применены запретительные постановления, действовавшие в Империи, государственный совет, обсуждая (1870 г.) вопрос

---

[3]) „Еврейский Всемирный Союз“ — крупное просветительное и филантропическое общество (центр в Париже), существующее по сию пору, занимающееся насаждением образования среди евреев в странах, где культурный уровень не высок, и иногда открыто выступавшее с ходатайством об облегчении участи гонимых евреев.

[4]) „Еврейская энциклопедия“, т. IV, стр. 917-22 (статьи Ю. Гессена и М. Моргулиса; первая статья составлена по материалам архива мин. нар. просвещения: № 163907, карт. 4253, „Об удержании на службе еврея Брафмана для занятий евр. делами и пр.“, № 164849, карт. 4279, „О книге Брафмана „Кагал“ касательно изыскания средств на издание“).—А. Паперна, Воспоминания („Пережитое“, II, стр. 49-53).

[5]) См. выше, стр. 94 и 132.

„о воспрещении евреям носить особую одежду, а еврейкам брить головы", усмотрел за еврейским туалетом некую опасность, угрожавшую стране, и благодаря этому жалкое дело об еврейской одежде привело, как мы увидим в дальнейшем, к намерению преобразовать еврейский быт в широком масштабе. Смягчив решительную фразеологию „Книги кагала", государственный совет [6]) заявил, что если благодаря наблюдению администрации даже исчезнет мало-по-малу внешнее отличие евреев от остального населения, то „этим нисколько еще не будет обеспечено уничтожение замкнутого и даже почти враждебного к христианам настроения еврейских обществ"; общества эти составляют „замкнутую религиозно-гражданскую касту или почти особое государство в государстве". Обособление евреев проистекает „от весьма естественной более близкой между собою связи среди людей, принадлежащих к отдельной народности и исповедующих особую религию", но вместе с тем (как об'яснял Брафман) и постановления законодательства отделяют их от прочего населения — так, еврейским обществам разрешено взимать со своих членов различные сборы для удовлетворения нужд самих обществ; для взимания с евреев податей существуют особые еврейские сборщики; учреждены особые школы, в том числе для приготовления учителей еврейского закона и раввинов; еврейские общества управляются выборными старшинами, которые (не будучи признаны правительством) пользуются огромною властью, тем более действительною, что к ней присоединяется и влияние религиозное; „имея таким образом возможность направлять не только общественную, но и частную жизнь евреев, старшины их всемерно стремятся к поддержанию в них замкнутости и фанатизма".

Многое из сказанного было справедливо. Но среди причин, способствовавших обособлению евреев, была упущена одна из важнейших — гражданское бесправие, тяжело отражавшееся на экономической деятельности евреев и на их культурном развитии. Решение этого основного вопроса „Книга кагала" предоставляла на усмотрение правительства, сама же односторонне требовала только того, чтобы в корне было уничтожено общественное самоуправление евреев. И по этому пути пошел государственный совет.

По его мнению, уничтожить вредную для государства обособленность евреев могли, „с одной стороны, ослабление по возможности общественной между собою связи евреев и злоупотребительной власти

[6]) Руководитель географич. общества, граф Ф. Литке, член госуд. совета, принимавший участие в обсуждении дела о еврейской одежде, человек большого образования лестно отозвался о труде Брафмана, предположив, что это—научное исследование, и хлопотал об его издании на государственный счет (см. вышеотмеченное дело мин. народн. просвещ. № 163907).

еврейских старшин, а с другой—и это еще важнее,—распространение между евреями просвещения не только посредством специальных еврейских училищ, учреждение коих может считаться полезным лишь в виде меры временной и переходной, но в особенности посредством привлечения молодых евреев в общие учебные заведения, в которых они, с детства сближаясь с христианами и приобретая научные сведения, излагаемые преподавателями без всякого исключительного, предвзятого направления, легче всего теряют закоренелые еврейские предрассудки“; в Западной Европе этим путем достигли того, что евреи, „если и не везде слились уже с коренным населением, то, по крайней мере, сделались весьма полезными гражданами и совершенно утратили все особенности, резко отличающие их у нас от других подданных“.

Как видим, оставив без внимания гражданское положение евреев в Западной Европе, где не было столь чудовищных правовых ограничений, как в России, государственный совет возложил свои надежды на принудительное „ослабление общественной связи евреев“ и на привлечение подрастающего поколения в общие учебные заведения. Подлежащим министрам было предложено безотлагательно заняться этими вопросами [7]). Но так как уже вскоре обнаружилось, что разрешение указанных вопросов требует соответствующих изменений во всем строе еврейской жизни, что нужно приноровить условия еврейского быта к указанным задачам, то при министерстве внутренних дел была образована (1871 г.) особая междуведомственная „Комиссия по устройству быта евреев“ с целью выработать согласованные меры к уничтожению обособленности евреев [8]).

Первым шагом, направленным в эту сторону, явилось преобразование еврейских казенных училищ. Стало очевидным, что они уже пережили свою задачу. Раз подрастающее поколение по доброй воле устремилось в общие учебные заведения, то существование особых еврейских училищ стало необходимым лишь в той мере, поскольку в отдельных местностях ощущался недостаток в общих школах. В виду этого последовало закрытие многих казенных еврейских училищ, а оставшиеся были преобразованы в „еврейские начальные училища“ (во главе их—

---

[7]) Архив госуд. совета, департ. законов, 1870 г., дело № 101 „О распространении на евреев Царства Польского и т. д.“.—Архив департамента дух. дел иностр. исповеданий. Комиссия по устройству быта евреев. Дело № 45 „О распространении на евреев Царства Польского и т. д.“ (по настоянию наместника пришлось отказаться от принудительных мер в отношении евр. одежды).

[8]) Архив департамента духовных дел иностр. исповеданий. Комиссия по устройству быта евреев, дело № 1.—В том же архиве дело Комитета о евреях № 1 (записка о Комиссии по устройству быта евреев).

исключительно евреи), по программе сходные с городскими училищами. Одновременно раввинские училища превратились в „еврейские учительские институты“, которые уже не имели задачей подготовлять кадры реформистских раввинов [9]).

Таким образом, правительство отказалось от религиозного воспитания евреев, расчитывая, что „фанатизм“ будет искоренен образованием, полученным в общих учебных заведениях. А в связи с этим предстояло сделать второй шаг в борьбе с обособленностью евреев. В целях дальнейшего привлечения юношества в общую школу надо было предоставить лицам, приобревшим образование, возможность использовать свои знания и найти простор для той или иной деятельности, иначе говоря, дать им выход из черты оседлости, которым пользовалось, как мы знаем, лишь очень ограниченное число образованных лиц высшей квалификации, с ученым званием (помимо ремесленников, купцов и отставных нижних чинов).

Именно об этом говорили имевшиеся в Комиссии материалы, собранные по поводу ходатайства еврейских представителей купечества и интеллигенции об уравнении евреев в правах жительства, торговли и промышленности с прочим населением соответствующих сословий [10]). Министры финансов и просвещения, оба по мотивам, так сказать, ведомственного характера преследуя экономические и культурные интересы, высказались за предоставление права повсеместного жительства всем, окончившим средние учебные заведения. Более того, генерал-губернатор юго-западного края, стремившийся задержать развитие экономической деятельности евреев, которую он изображал как эксплуатацию христиан, настоятельно просил разрешить евреям доступ во внутренние губернии, так как считал, что евреи представляют собою зло для края только вследствие своей крайней скученности и что, выйдя на простор, очутившись менее компактной массой среди христианского населения великороссийских губерний, они по необходимости изменят свой быт, отмеченный обособленностью [11]). Но, с другой стороны, один из видных администраторов придал вопросу о гражданских правах евреев такую формулировку, которая, приобретя вскоре популярность

---

[9]) Указ 16 марта 1873.—Ср. архив минист. народн. просвещения, дела: №№ 165528 и 165554 (карт. 4312) „О преобразовании казенных евр. учебных заведений“ (статистич. данные и обширная записка о реформе); № 166053 (карт. 4328) „О закрытии и преобразовании каз. евр. училищ“.—П. Марек. Очерки по истории просвещения евреев в России, гл. XI.—„Евр. Энциклопедия“, т. XIII, 257—263 (статья Ю. Гессена „Раввинские училища“).

[10]) Записка от 6 июня 1869 г. Дело Комиссии по устройству быта евреев № 42.

[11]) Записка генерал-губернатора Дондукова-Корсакова по управлению юго-западным краем 1872 г. (печатные материалы Комиссии по устройству быта евреев).

и, можно даже сказать, безапелляционность своего рода заповеди, должна была предотвратить в дальнейшем возможность смягчения бесправия. Она сводилась к следующему: евреи, коснея в невежестве и фанатизме, добиваются гражданских прав, об'ясняя, что равноправие позволит им стать полезными стране, но подобный способ ликвидации еврейского вопроса недопустим,— евреи должны сперва просветиться, стать полезными, и только тогда им могут быть даны гражданские права [12]).

Указанные противоположные точки зрения сказались на работах Комиссии по устройству быта. Когда было решено преобразовать еврейские казенные училища с тем, чтобы роль воспитателя еврейского юношества сыграла общая школа, двое членов комиссии предложили (1873 г.) распространить право выхода из черты, помимо окончивших среднюю школу, также на прошедших курс городских училищ [13]). Но, с другой стороны, один член комиссии представил доклад (написанный несомненно под влиянием „Книги кагала"), в котором была использована приведенная выше формула: „Пока евреи будут оставаться тем, чем они есть, к ним нельзя относиться правительственно, наравне с другими народностями Империи, нельзя давать им всех тех прав, какие имеют эти народности, нельзя допускать их к безусловному жительству по всему пространству России; допущено это может быть тогда лишь, когда предварительно испробованы будут всевозможные меры к обращению их в производительных полезных граждан на нынешних местах их жительства и когда меры эти окажутся явно успешными" [14]).

Уже наличие приведенных противоречивых взглядов не позволяло надеяться на сколько-нибудь широкое раскрытие ворот черты оседлости и, в связи с этим, на предоставление торгово-промышленных прав тем или иным многолюдным группам еврейского населения. Но было обстоятельство и более общего характера, предвещавшее, что надежды на улучшение быта евреев должны быть оставлены. Оно заключалось в том, что в период семидесятых годов наметился процесс накопления реакционных сил в русском обществе и в правительственных кругах, как об этом свидетельствовали отдельные события общественного характера и законодательные мероприятия, между собою непосредственно не связанные, но в совокупности обозначившие ту первоначально не-

---

[12]) Письмо наместника Царства Польского от 23 октября 1866 (в упомянутом деле № 42).

[13]) Доклад Н. Мягкова, старшего чиновника 2-го отделения собств. его величества канцелярии, и Ф. Г. Тернера, экономиста, члена совета министра финансов (в деле Комиссии № 16).

[14]) Доклад В. Григорьева, начальника главного управления по делам печати (в деле № 16; курсив подлинника).

заметную колею, которая в следующее десятилетие очень быстро разрослась в открытую дорогу, можно сказать, систематического антисемитизма. Упомянем кратко, в виде примера, о некоторых из них в хронологическом порядке.

Мы видели выше, как в 1870 г. было ограничено участие евреев в городском самоуправлении [15]), причем это умаление было вызвано опасением, что иначе внутренняя сплоченность и внешняя обособленность евреев обеспечат за ними руководящую роль в городовых учреждениях и перевес при разрешении общественных дел.

Когда в 1871 г. произошел в Одессе трехдневный погром евреев, от которого пострадало 863 дома и 552 торговых заведения, местная администрация и общество злорадствуя любовались картиной разрушения и поощряли насильников к грабежу. Вдумчивый еврейский публицист усмотрел в погроме результат борьбы промышленных интересов, „капитала с капиталом", прием недобросовестной конкуренции христиан с евреями [16]). Но один значительный администратор официально определил погром, как „грубый протест масс" против того, что еврейский вопрос все еще не разрешен правительством в таком направлении, чтобы парализовать экономическое господство, эксплуататорскую деятельность евреев [17]).

При разработке устава 1874 г. о воинской повинности были отклонены предположения об установлении особых стеснительных правил для евреев [18]), но уже вскоре по введении этого устава евреев выделяют в отдельную группу, члены которой несут друг за друга ответственность и при недоборе привлекаются к отбыванию повинности лица, пользующиеся по семейному положению льготою первого разряда, каковой порядок не применялся к христианам, хотя и среди них уклонение от воинской повинности было обычным явлением [19]).

---

[15]) См. выше, стр. 166—168.

[16]) Оршанский, Евреи в России, стр. 156—74 (К характеристике одесского погрома).—Департамент дух. дел иностр. исповеданий. Высшая Комиссия по пересмотру законов о евреях. Общая записка Комиссии, стр. 59—60.—О погроме в Одессе в 1821 г.—см. Д. Каган, Первое десятилетие еврейской общины в Одессе и погром 1821 г. („Евр. Старина", 1911 г., стр. 260—267).

[17]) См. ниже, стр. 216.

[18]) Отбывавшие сравнительно недолгосрочную воинскую повинность не пользовались теми льготами в отношении права жительства, которые были предоставлены прошедшим прежнюю рекрутчину. Даже „либеральный" военный министр Милютин считал нужным предоставить это право только сверхсрочным чинам и всем унтер-офицерам, в отношении же прочих нижних чинов он уклонился от прямого ответа (его письмо от 31 марта 1880 г. Комиссия по устройству быта евреев, дело № 4).

[19]) Комиссия по устройству быта евреев, дело № 4 „О мерах к ограждению правильного исполнения евреями воинской повинности".—Материалы об'един. двор. обществ, ч. II, стр. 14 —244.

В середине семидесятых годов, когда реформы минувшего десятилетия, в частности судебная, стали подвергаться в реакционном лагере нападкам, всплыл вопрос об ограничении числа присяжных заседателей из среды евреев, и хотя практика не дала для этого никаких поводов, вследствие чего министр юстиции отказался от введения какой-либо меры, все же число присяжных заседателей из евреев было ограничено в девяти западных губерниях, подлежавших руссификации [20]).

Наконец, на исходе семидесятых годов поднимается ритуальный процесс—Кутаисский, первый ритуальный процесс, гласно разбиравшийся в реформированном суде. В жертву кровавой легенды были предназначены несколько евреев неведомого селения Сачхери на Кавказе, Случай в Сачхери—смерть малолетней девочки от невыясненной причины—был настолько лишен признаков „ритуального" характера, что в обвинительном акте пришлось умолчать о мотивах умерщвления (если допустить, что была насильственная смерть) ребенка; но, чтобы все же бросить на подсудимых подозрение в совершении ритуального преступления, в обвинительном акте несколько раз, как бы вскользь, было упомянуто о „кануне еврейской пасхи", к каковому времени легенда обычно приурочивала совершение ритуальных преступлений, и благодаря этому кутаисский процесс был принят в русском обществе как официальное обвинение евреев в употреблении крови христиан [21]).

Описанные эпизоды—внешне разрозненные, как мы выше отметили, но внутренне связанные единством мотивов и цели—вместе с другими симптоматическими фактами говорили о восстановлении в силе старого взгляда на евреев как на особую социально-экономическую единицу, которая, будто не играя своей роли в хозяйстве страны и не будучи соединена материальными нитями с прочим населением, может жить вне общего развития страны и общегосударственного строя, а потому подлежит действию специальных ограничительных законов. Однако, наряду с этим кое-где пробивалась мысль, что в целях обезврежения евреев необходимо сблизить их в повседневном быту с христианами, подчинить их таким путем „нравственному" воздействию последних, и для этого наиболее пригодной считалась общая школа. Вот почему вопрос о предоставлении лицам, получившим общее образование, выхода из черты оседлости как приманки для дальнейшего массового поступления еврейской молодежи в учебные заведения, этот вопрос

---

[20]) Закон 19 июля 1877 г. (законом 5 июня 1884 г. это правило было распространено на шесть южных губерний).

[21]) Подсудимые были оправданы кутаисским окружным судом; протест прокурора тифлисская палата оставила без удовлетворения. Ср.: стенографический отчет—„Еврейская библиотека" т. VII; „Рассвет", 1880 г., №№ 20—24, 26; „Еврейская энциклопедия"—под словом „Кутаисский процесс".

проложил себе русло, несмотря на крайне неблагоприятно складывавшуюся общественную обстановку.

Обычно проекты о расширении прав евреев урезывались по мере перехода проектов из одной инстанции в другую. Но указанный вопрос оказался в ином положении благодаря тому, что общение с русской молодежью было признано вернейшим средством перевоспитания еврейского юношества, искоренения в нем „вражды к христианам". Дело началось со скромного предложения (1867 г.) о предоставлении права повсеместного жительства лицам, имеющим звание дантистов и желающим изучать фармацию. Государственный совет, взяв курс на общее образование, высказался за то, чтобы такое право дано было более широкому кругу лиц: имеющим медицинские, фармацевтические и ветеринарные звания, а также приготовляющимся к соответствующему роду деятельности. А когда министр финансов возбудил вопрос о распространении на евреев, окончивших технологический институт, тех прав в отношении жительства и государственной службы, которыми пользуются лица, удостоенные ученой степени, управлявший вторым отделением собственной его величества канцелярии заявил, что таковое право должно быть по „строгой справедливости" даровано также окончившим университет без ученой степени, так называемым „действительным студентам". И все эти предложения, медленно—в течение более десяти лет—преодолевая затруднения по пути междуведомственной переписки получили в 1879 г. силу закона [22]).

Этот закон сыграл заметную культурную роль—из самых разнообразных общественных кругов, не исключая и беднейших, жадно потянулась молодежь к источникам знаний и новой жизни, стремясь перейти от торгово-промышленной деятельности отцов к так называемым свободным профессиям. Впрочем, надо иметь в виду, что наплыв евреев в общую школу вызывался также уставом о воинской повинности, предоставлявшим льготы по службе лицам с образованием. Однако, закон 1879 г. охватил слишком тесную группу лиц, чтобы в сколько-нибудь ощутимой мере усилить то своего рода эмиграционное движение из черты оседлости, которого не могли вызвать даже облегчительные законы, изданные в шестидесятых годах для ремесленников, нижних чинов

---

[22]) Ср.: Комиссия по устройству быта евреев, дело № 8 (журнал отдела комиссии заседания 7 февраля 1877 г.) и дело № 27.—Архив госуд. совета, департ. законов, 1869 г., дело № 119.—Закон о технологах был издан в 1872 г. В комиссии возникло предложение, чтобы права, связанные с окончанием высшего учебного заведения, предоставлялись только тем, кто прошел курс в самом учебном заведении, потому что готовящиеся дома к получению ученой степени „большей частью продолжают вращаться в еврейской среде, и в силу этого вращения нравственно воспитываются в духе, враждебном христианскому учению и гражданскому строю государства".

и купцов. Поэтому рождалась мысль о необходимости более широкой бреши в столетней стене черты оседлости. Но такой план был обречен на бесплодие. Ведь даже самый закон 1879 г. представлял собою анахронизм — незадолго до появления его на свет уже раздался голос, что нужно задержать тягу еврейской молодежи в общую школу.

Масса в целом обычно малоподвижна. Это свойство проявила, в частности, и еврейская. Из таблицы (на стр. 210) мы видим, что, не считая членов семей, к 1880 г. водворилось в 31 губернии, не входящих в территорию черты еврейской оседлости, всего 8322 нижних чинов, ремесленников и др. (7109 в городах и 1213 в уездных поселениях), причем даже в этом числе значительную долю составляли нижние чины, которые в большинстве случаев поселились в этих местах не по доброй воле, а были присланы в качестве военнослужащих, где и остались после службы. Таким образом, скученность в черте оседлости была прежняя, и поэтому в Комиссии по устройству быта евреев была сделана (1880 г.) попытка поставить в решительной форме вопрос о совершенном уничтожении черты оседлости. А так как черта оседлости являлась основой всего ограничительного законодательства, то вопрос был развернут в смысле полного уравнения евреев в гражданских правах с прочим населением.

В докладе об этом, разработанном двумя членами Комиссии [23]), указывалось со ссылкой на представления многих администраторов, что торговые, промышленные и ремесленные занятия, а также посредническая деятельность евреев не должны быть признаваемы трудом непроизводительным: торгово-промышленная деятельность евреев страдает от существования черты оседлости, и потому надо дать еврейской массе возможность расселиться, — „этого одинаково требуют не только польза самих евреев, но и в гораздо большей мере выгоды нееврейского населения Западного края и тех местностей России, которые нуждаются в оживлении торговой и промышленной деятельности“. Отвергая обвинение евреев в эксплуатации окружающего населения, авторы доклада указывали, что если от евреев кто-либо страдает, то только конкуренты, ищущие непомерных барышей, а само еврейское население бедствует. „Рассудок не допускает таких соображений, которые оправдывали бы постановление многомиллионного населения еврейского в те же самые рамки, в которые закон ставит уголовного преступника, и тем более в рамки более худшие, в которых находится оно ныне, будучи вечно прикреплено к известному месту“.

---

[23]) Авторы доклада, обстоятельного и обильного материалом, — криминалист Н. А. Неклюдов и состоявший при министерстве внутр. дел В. Д. Карпов. Доклад был издан мною брошюрой: „О равноправии евреев. Записка Н. А. Неклюдова и В. Карпова“. (СПбург. 1907 г.).—Ср. журнал Комиссий по устройству быта от 7 января 1880 г.

Численность еврейского населения в 1880—81 гг. в 31 губернии вне черты оседлости:

Губернии	Ремесленники, мастера, обучающиеся ремеслу и нижние чины					СВОБОДНЫЕ ПРОФЕССИИ					КУПЦЫ				
	В городских поселениях		Вне городских поселен.			В городск. посел.		Вне городск. посел.			В городск. посел.		Вне городск. посел.		
	По самостоят. праву	Члены семей	По самостоят. праву	Члены семей	ВСЕГО	По самостоят. праву	Члены семей	По самостоят. праву	Члены семей	ВСЕГО	По самостоят. праву	Члены семей, служ. и присл.	По самостоят. праву	Члены семей, служ. и присл.	ВСЕГО
Архангельская	4	15	—	—	19 [1]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Астраханская	31	46	1	—	78	2	4	—	—	6	—	—	—	—	—
Владимирская	73	190	9	7	279	6	6	—	—	12	1	18	—	2	21
Вологодская	29	98	3	10	140	—	—	—	—	—	—	6	—	—	6
Воронежская	78	226	58	126	488	7	16	3	5	31	5	26	2	13	46
Вятская	33	116	31	100	280	2	1	1	—	4	1	8	—	4	13
Казанская	97	258	11	16	382	11	12	—	—	23	2	14	—	—	16
Калужская	47	198	57	132	434	2	1	1	1	5	1	7	4	23	35
Костромская	46	111	24	44	225	1	—	—	—	1	—	6	—	—	6
Курская	165	747	36	216	1164	5	6	2	4	17	4	12	—	—	16
Московская	2211	2959	18	86	5274 [2]	151	70	1	4	226 [4]	87	1406	8	—	1501
Нижегородская	41	236	9	40	326	5	12	2	4	23	2	21	—	5	28
Новгородская	101	279	60	246	686	8	5	4	7	24	4	40	—	25	69
Олонецкая	39	87	1	—	127	1	4	2	—	7	—	—	—	—	—
Оренбургская	76	162	4	18	260	—	—	—	—	—	2	57	4	18	81
Орловская	204	647	108	389	1348	14	8	4	8	34	6	35	—	—	41
Пензенская	45	125	11	48	229	4	5	1	—	10	1	6	—	3	10
Пермская	55	184	17	55	311	4	24	—	—	28	1	5	—	—	6
Петербургская	1840	2884	74	462	5260 [3]	541	396	7	18	962 [5]	171	1056	6	49	1282 [7]
Псковская	406	1090	186	755	2437	4	14	3	3	24	4	46	—	14	65
Рязанская	91	283	27	91	492	5	5	—	—	10	4	26	2	—	32
Самарская	68	167	7	23	265	13	31	3	4	51	—	—	—	—	—
Саратовская	63	169	6	9	247	7	4	1	—	12	3	29	1	—	33
Симбирская	20	56	5	23	104	3	3	—	—	6	—	—	—	1	1
Смоленская	249	1030	198	713	2190	5	18	—	—	23	12	209	2	38	261
Тамбовская	86	282	32	121	521	10	10	—	—	20	2	8	5	33	48
Тверская	133	538	24	93	788	9	26	1	5	41	3	26	—	—	29
Тульская	76	261	14	45	396	4	2	1	—	7	1	8	—	—	9
Уфимская	18	90	—	19	127	11	35	3	9	58	—	—	—	—	—
Харьковская	630	1154	173	633	2890	81	73	1	9	164	114	435	4	1	554
Ярославская	54	147	9	25	235	11	25	—	—	36	1	10	—	7	18
Итого в 31 г.	7109	15135	1213	4545	28002	927	816	41	81	1869	432	3520	38	237	4227

[1]) Извлечено из материалов Комиссии по устройству быта евреев.
[2]) В Москве евреев-ремесленников — 2140 самостоят. и 2677 прочих.
[3]) В Петербурге евреев-ремесленников — 1666 самостоят. и 2358 прочих.
[4]) В Москве — 149 самостоят. и 69 прочих.
[5]) В Петербурге — 689 самостоят. и 387 прочих.
[6]) В Москве — 87 самостоят. и 1406 прочих.
[7]) В Петербурге — 166 самостоят. и 1024 прочих.

Этот доклад был поддержан большинством членов Комиссии. Но мог ли быть услышан голос в защиту эмансипации евреев, когда в те дни, как мы видели выше, уже успели сконцентрироваться реакционные силы. Доклад был признан несвоевременным. Председатель Комиссии приказал делопроизводителю составить новый доклад „в противном смысле“...

Настроение большинства Комиссии не соответствовало духу времени, которым еврейский вопрос возвращался к николаевской эпохе. Путь частичного смягчения ограничительного законодательства был пройден, и правительство перешло к системе правовых репрессий. Актом этой новой политики явился закон о евреях в Области Войска Донского.

Правление Области заявило (1874 г.), что со времени передачи Грушевской железной дороги в распоряжение еврея-концессионера, в крае стали поселяться евреи в качестве поставщиков, ремесленников, агентов и др.; они развили крупные торговые обороты, особенно по каменноугольной промышленности, и вместе с тем вступили в разнообразные сделки с крестьянами; благодаря этому приостановилось развитие промышленности и торговли среди казаков. Вообще, по мнению правления, слишком поспешная эксплуатация местных богатств и быстрое развитие промышленности вовсе нежелательны, так как это сопровождается обогащением одних и обеднением других; между тем казаки должны обладать достатком, так как они отбывают воинскую повинность на собственных лошадях и с собственным снаряжением; развитие промышленности и торговли в среде казачьего населения должно итти поэтому медленно, и казаки не могут бороться в этом отношении с евреями; с другой же стороны, донские землевладельцы в связи с отменой крепостного труда крестьян находятся в весьма стесненном материальном положении, что даст евреям возможность сосредоточить в своих руках земельную собственность, и таким образом казачье население „очутится как бы в тисках: сверху будут напирать на него евреи-землевладельцы, снизу—евреи-торгаши и промышленники, подавая, разумеется, друг другу руку для взаимной помощи“. Поэтому, чтобы задержать капиталистическое развитие края, было постановлено (1880 г.)—запретить евреям приобретать и арендовать в области недвижимую собственность и водворяться на постоянное жительство в крае [24]) за исключением некоторых малолюдных категорий (напр., лиц с высшим образованием).

---

[24]) Комиссия по устройству быта евреев, дело № 37 „О воспрещении евреям права жительства и владения недвижимым имуществом в Области Войска Донского“.

Само собою разумеется, что ограничительный закон, направленный специально против евреев, не мог остановить то быстрое промышленное развитие края, вызывавшееся преимущественно тамошними угольными богатствами, которое должно было расшатать основы казачьего хозяйства,—на место евреев явились другие промышленники.

Издавна репрессивная политика по отношению к евреям строилась на мотивах двоякого рода — экономического и нравственного порядка. „Эксплуатация", под понятие которой подводилась вся торгово-промышленная деятельность евреев, поскольку в ней имелся элемент конкуренции с прочим населением, и „фанатизм", поскольку евреи сохраняли свой особый бытовой уклад и, вообще, не принимали христианства, — вот те два обвинения, которые пред'являлись еврейскому народу, вот те два счета, за которые он расплачивался бесправным гражданским существованием.

В семидесятых же годах рождается новый мотив—евреи вредны и опасны своей политической, революционной деятельностью. Действительно, отдельные евреи и небольшие группы их начинают именно в это время, как мы сейчас увидим, участвовать эпизодически в революционном движении, однако их удельный вес в ту пору был далеко не таков, чтобы, с одной стороны, можно было зачислить сколько-нибудь широкие круги еврейского населения в списки революционеров или сочувствующих последним, а с другой, чтобы успехи этого движения можно было приписать евреям. Так, по одному сведению („Народная Воля", 1880 г. № 4) среди 376 лиц, привлеченных за первое полугодие 1879 г. в качестве обвиняемых по государственным преступлениям, евреи составили всего 4%; а в „Обзоре социально-революционного движения в России" (1880 г.) указывается, что среди 1054 лиц, дела о коих подлежали суждению сената, евреи составляли 6½%, включая контрабандистов, за деньги перевозивших нелегальную литературу (впрочем, некоторые из провозивших литературу принимали участие в агитации). Тем не менее один тот факт, что евреи участвовали в социалистическом движении, оказался достаточным, чтобы враждебное отношение к ним было поддержано новым доводом. В виде иллюстрации можно отметить, что упомянутый выше протест (1878 г.) против неограниченного наплыва еврейской молодежи в общую школу был мотивирован, между прочим, тем, что „все чаще и чаще повторяются случаи участия в тайных противуправительственных обществах целых кружков еврейской молодежи", усваивающей „неприсущие русскому строю вредные идеи социализма" [25]). И характерно, что власти

[25]) Архив мин. нар. просвещения, дело № 166127 (карт. 4332) „Выписка из представления начальника Минской губ. о необходимости ограничения некоторых предоставленных евреям прав".

так верили в легенду о полнейшей сплоченности и солидарности евреев, что порой обращались к общинным заправилам с требованием удерживать молодежь от антиправительственной деятельности.

Приобщение евреев к русскому революционному движению шло двояким путем. Отдельные евреи, преимущественно обучавшиеся в высших учебных заведениях, вступали в общерусские революционные организации, а на ряду с этим создавались особые еврейские кружки. Так, мы встречаем евреев в московском университетском кружке чайковцев в самом начале семидесятых годов [26]). В это же время рассадником революционного движения является виленское раввинское училище — здесь устраивается библиотека нелегальной социалистической литературы, здесь завязываются сношения с воспитанниками других учебных заведений и даже со столичными революционными деятелями. Кружки евреев возникали и в кое-каких других городах, и некоторые из их участников поступали в мастерские, чтобы вести пропаганду. Между этими кружками существовала некоторая информационная связь.

Виленский кружок имел задачей повести работу в среде крестьян, и один лишь А. Либерман говорил о работе среди евреев не только для того, чтобы ими пополнять российские революционные кадры, но и с целью поднять национальное самосознание еврейского народа. Рабочих среди евреев в те годы было сравнительно мало — двадцать лет спустя их насчитывалось всего около тридцати тысяч душ, включая женщин и детей. Но зато обширное поле для пропаганды представляли ремесленники, из коих часть работала не на потребителя, а на предпринимателя, приобретая таким образом подобие наемного рабочего. Когда же было решено посвятить особое внимание распространению социалистических идей среди еврейской трудовой массы, то возник вопрос, каким языком пользоваться в целях пропаганды — разговорно-еврейским или древне-еврейским? Либерман полагал, что прежде всего надо подготовить кадры пропагандистов из интеллигентной талмудической молодежи и что научное изложение социализма возможно только на древне-еврейском языке, хотя и не разговорном, но имеющем богатую литературу.

Составленный в начале 1876 г. „устав об организации социально-революционного союза между евреями в России“ указывал на необходимость вести пропаганду на еврейском языке и даже образовать между евреями Западного края „ряд социально-революционных секций, федерированных как между собою, так и с подобными же секциями евреев за границею или с секциями других национальностей в России и за

---

[26]) О. В. Аптекман. Московские революционные кружки. Московские чайковцы („Русское Прошлое“, кн. 2).

границей". При этом подчеркивалось, что социалисты всего мира составляют одно братство, а потому проектированная организация должна была называться „Еврейской секцией русской социально-революционной партии". Имелось в виду направить пропаганду преимущественно в среду рабочих (ремесленных) и бедной молодежи, но при случае захватить воспитанников правительственных школ и мелкую буржуазию.

В начале 1876 г. еврейские кружки подверглись разгрому по доносу двух евреев, состоявших агентами полиции и вступивших в члены виленского кружка. Но уже вскоре кружки возобновились, причем их связи расширились благодаря тому, что, спасаясь от преследования, некоторые члены прежних организаций бежали за границу, откуда поддерживали сношения с Россией. С другой стороны, некоторые эмигранты пытались издавать за рубежом на еврейском языке социалистическую литературу, имея в виду и евреев в России; так, Либерман выпустил в Вене (1877 г.) три номера первого социалистического журнала „Haemeth" („Правда"), а затем вышло несколько номеров „Assefath chachamim" („Собрание мудрецов").

Так как работа непосредственно среди еврейской массы не встречала достаточного сочувствия в кругах евреев-социалистов,—они отдавали свои силы общему делу, считая, что в него вовлекутся и еврейские элементы, то несколько евреев-социалистов обратились (1880 г.) с призывом к еврейской интеллигенции не уходить „от своих масс" и работать среди них, пользуясь разговорным еврейским языком. Но воззвание не встретило отклика и даже вызвало нарекания на зарубежном собрании деятелей русской социалистической партии. Такое уклонение евреев-социалистов от работы среди еврейской массы, вызывавшееся господствовавшей в то время народнической идеей, один из деятелей той поры [27]) об'яснял их отчуждением от тогдашней духовной культуры русского еврейства и отрицательным отношением к его ортодоксальным и буржуазным руководителям, из круга которых сами вышли многие социалисты; к тому же русская литература утвердила в них представление об еврейской трудящейся массе как о паразитической [28]).

[27]) В. Иохельсон в своих воспоминаниях.

[28]) Н. А. Бухбиндер. История еврейского рабочего движения в России (Ленинград 1925 г.).—В. Иохельсон. Далекое прошлое. Из воспоминаний старого народовольца („Былое", № 13, 1918, стр. 53—75). — Б. Фрумкин. Из истории революционного движения среди евреев в 1870-х годах („Еврейская Старина", 1911 г., стр. 221—48, 518—40).— Материалы к истории еврейского рабочего движения, вып. I (СПбург, 1906).—С. Цинберг. Первые социалистические органы в еврейской литературе („Пережитое", 1).

Глава двенадцатая.

Эпоха общей реакции. — Еврейские погромы.—Их причины и последствия.—Ограничительные „временные правила“ 1882 года как поражение архи-ретроградных замыслов.—Образование „Высшей комиссии для пересмотра законов о евреях“ с целью противодействия крайней реакции. — Безрезультатность ее работы и торжество репрессивной политики.—Преграждение доступа в общую школу как орудие борьбы с революционным движением. — Новые ограничения в гражданских правах. — Сгущение антисемитской атмосферы.—Мечта о политическом возрождении еврейского народа.—Призыв интеллигенции итти к народу на помощь.

Убийство Александра II (1 марта 1881 г.), усилив реакционные элементы в правящих кругах и в известных слоях общества, дало повод направить внутреннюю политику к укреплению самодержавия, вследствие чего ломка либеральных реформ шестидесятых годов, начатая при Александре II, должна была ускориться. В частности, и еврейскому вопросу предстояло в более или менее близком будущем вступить в полосу новых „пересмотров“, но возникшие в апреле 1881 г. на юге России еврейские погромы приблизили этот момент.

Погромная волна с такой быстротой и сокрушительной силой залила обширную территорию, что могло создаться представление о стихийности движения. Могло казаться, что, никем заблаговременно не подготовленное, в целом никем не руководимое, оно распространилось с интенсивностью лишь благодаря вспыхнувшему буйному чувству мести угнетаемых к угнетателю. Действительно, в этих анти-еврейских „беспорядках“—таково было официальное наименование погромов—сказались черты стихийного характера. Возникновение в короткий срок на огромной площади множества погромных дружин и самое свойство их выступлений устраняют мысль о наличии единого организационного центра. Но существовала единая направляющая сила, одновременно действовавшая в различных местностях,—эту силу являло собою укоренившееся в народе сознание, что еврей стоит вне закона, что власть не может выступить против народа, защищая еврея. И этим воспользовались местные люди, которые по самым различным побуждениям желали расправы с евреями—они расклеивали призывные прокламации

организовывали основные кадры погромщиков, к которым вскоре добровольно, без всякого увещевания, примыкали сотни людей, увлекаемые общей разгульной атмосферой, легкой наживой. В этом было нечто стихийное. Однако, бросается в глаза, что даже в моменты крайнего разрушительного экстаза бушевавшие не утрачивали представления о пределах, за которые им не следовало переступать, не лишались способности сознательно относиться к происходившему вокруг и к собственной роли — захваченные призывным гулом массового буйства, отдавшись хищническим инстинктам, получившим возможность открыто проявить себя в самых грубых формах, и даже разгоряченные спиртными напитками, толпы, совершая грабежи и насилия, направляли свои удары только в одну сторону, в сторону евреев, — разнузданность сразу останавливалась у порога домов христиан. Не имея во главе авторитетных вожаков, многочисленные партизанские отряды, словно давно к этому обученные, сами знали, кого можно грабить, и благодаря этому их разбойные действия приобретали некую внешнюю планомерность. Каждый из погромщиков в отдельности и все они вместе расхищали только еврейское добро. Круг действий был строго очерчен.

Школой этой, так сказать, погромной сознательности послужил одесский погром 1871 года [1]). Этот заманчивый безнаказанный разбой произвел особое впечатление не только на обывателя, но и на администраторов, придав их мысли известное направление, как это видно из всеподданнейшего доклада генерал-губернатора юго-западного края за 1872 г.: напомнив об анти-еврейских беспорядках в Одессе, а вместе с тем упомянув о кровавой расправе с евреями в том крае во время Богдана Хмельницкого и гайдамачины [2]), генерал-губернатор заметил, что если в юго-западном крае анти-еврейские беспорядки еще не возникали, то все-же „здесь ненависть и вражда к евреям имеют историческую почву и только материальная от них зависимость крестьян в настоящем удерживает, вместе с мерами администрации, взрыв негодования русского населения против еврейского племени“ [3]). В самой же Одессе, как видно, ежегодно накануне пасхи возникало опасение погрома. 15 апреля 1881 г. местный генерал-губернатор счел своим долгом телеграфировать министру внутренних дел: „Праздничные дни пасхи, за принятыми мерами, прошли без всяких беспорядков и столкновений между христианским

[1]) См. выше, стр. 206.

[2]) См. том первый, стр. 34 и след., 39 и след.

[3]) „Всеподданнейшая записка о более важных вопросах по управлению Юго-Западным краем 1872 г.“, кн. А. М. Дондукова-Корсакова (в печатных материалах Комиссии по устр. быта евреев; также в деле этой комиссии № 12; неполностью приведена в материалах, изданных канцелярией об'ед. двор. обществ, ч. 7, стр. 2—8).

и еврейским населением Одессы". Но случилось, что именно в тот день началось погромное движение, зародившись в Елисаветграде.

Уже ранее в Елисаветграде носились слухи, что христианское население намеревается в дни пасхи разгромить евреев, и юдофобская печать распространяла эти толки. По словам гр. Кутайсова, посланного расследовать причины погромов, в массе сложилось убеждение, что имущество и даже личность еврея не пользуются охраной закона; что евреев можно грабить, что это дозволено; при таких условиях легко был принят на веру ложный слух, будто есть особый царский указ, разрешающий громить евреев. „Приказчики, служители трактиров и гостиниц, мастеровые, кучера, лакеи, казенные денщики, солдаты нестроевой команды—все это примкнуло к движению". Толпа с криком и свистом беспрепятственно совершала свое разрушительное дело при полном равнодушии обывателей-христиан. Смотреть на зрелище приходили даже люди образованные и состоятельные. Войска первоначально бездействовали в ожидании распоряжения начальства или полиции для каждаго отдельного случая нападения, и это внушало громилам уверенность в безнаказанности. Беспорядки усилились, когда из окрестных селений прибыли крестьяне, чтобы поживиться добром евреев. Наконец, значительным кавалерийским силам удалось прекратить погром. Из Елисаветграда движение перекинулось в соседние местечки; в большинстве случаев беспорядки ограничились разгромом шинков; в некоторых местностях в разгроме участвовали сельские власти; в одном местечке громившая толпа состояла преимущественно из железнодорожных рабочих. Большие размеры принял разгром в местечке Березовке Ананьевского уезда, а затем в Ананьеве, где застрельщиком явился некий мещанин, распространивший слух, будто царь умерщвлен евреями и есть приказание об избиении евреев, но власти это скрывают. В Киеве бушевавшая толпа состояла из рабочих, но руководили ею лица, более чисто одетые,—она действовала достаточно свободно, так как, по официальному сообщению, не было оказано необходимого противодействия. Из Киева движение перебросилось в губернию, где пострадало 48 поселений, а затем в соседние губернии. В Конотопе крупные беспорядки были учинены преимущественно мастеровыми и рабочими железной дороги. В Смеле даже зажиточные крестьяне, поспешившие из соседних селений, расхищали еврейское имущество. В Одессе погромные вспышки возобновлялись несколько раз — здесь участников погромов помещали на барках, которые и уводили от берега.

Беспорядки, захватив множество местностей, стали замирать к концу года. В нескольких случаях войска стреляли в толпы погромщиков—были убитые и раненые. В следующем году погромы возобновились, но уже не в таком числе и не в таких размерах, как в предыдущем.

Современный автор записки о погромах, представленной правительству, утверждал, что погромы явились результатом искусственно вызванного антиеврейского движения, будто до мельчайших деталей организованного и обставленного всеми нужными средствами для достижения задуманной цели. Указав на то, что антисемитская печать, несмотря на строгие цензурные условия, открыто травила евреев и предвещала расправу, автор подчеркивал, что большинство погромов произошло в пунктах вдоль железной дороги. Они совершались по шаблону. Заранее пускали слух, что в такой-то именно день будет погром; когда евреи обращались за помощью к властям, им советовали держаться осторожно. И только. Никакие предупредительные меры не принимались. В назначенный день по железной дороге приезжала шайка оборванцев, напивалась и под предводительством полуинтеллигентных коноводов, имевших заранее списки еврейских квартир и торговых помещений, начинала разгром; агитаторы читали статьи из антисемитской газеты, уверяя, что это указы, разрешающие бить евреев, не обнародованные, благодаря подкупу со стороны евреев. Евреи, решавшиеся на самооборону, подвергались аресту и наказанию. Об агентах, подготовлявших погромы, сообщает и другой современник: в Елисаветград, где именно началось погромное движение, в роли агитатора прибыл некий отставной статский советник, давший понять полицеймейстеру, благоприятно относившемуся ко всем иноверцам, что погром должен коснуться только евреев, но отнюдь не других классов населения (помещиков, купцов, немецких подданных). Однако, эти сообщения не говорят о наличии единого организационного центра.

Имеются сведения об участии в подготовке погромов отдельных членов партии Народной Воли, считавших погромы соответствующими видами революционного движения; предполагалось, что еврейские погромы приучат народ к революционным выступлениям, что движение, которое легче всего было направить против евреев, в своем дальнейшем развитии обрушится на дворян и чиновников. В соответствии с этим были приготовлены прокламации, призывавшие к нападению на евреев.

Рассматривая причины, вызвавшие погромы, лишь немногие органы периодической прессы упомянули о племенной и религиозной ненависти; остальные считали, что погромное движение возникло на экономической почве; при этом одни усматривали в буйствах протест, направленный специально против евреев в виду их экономического господства над русским населением; другие же органы об'ясняли, что народная масса, чувствуя себя вообще экономически крайне стесненной, искала, на ком излить свой гнев, и евреи, вследствие своего бесправия и неблагоприятного общественного положения, явились наиболее подходящим об'ектом для расправы.

Официальные же лица указывали, что и политическая обстановка сыграла в данном случае свою роль. Так, одесский генерал-губернатор находил, что движению содействовали: общее колебание умов, порожденное убийством Александра II, нерасположение к евреям в виду их экономической деятельности, а на ряду с этим хозяйственное расстройство и нужда христианской массы, вызванные неблагоприятными условиями земледелия и торговли в последние годы; наконец, и революционная агитация в последующих фазисах беспорядков. Киевский, подольский и волынский генерал-губернатор отрицал непосредственное участие пропагандистов в подготовке и в развитии беспорядков, признавая, однако, что общее возбужденное состояние населения обязано пропагандистам; в основе же движения лежала ненависть к экономической деятельности евреев, а затем уже, может быть, отчасти и религиозная неприязнь. Кутайсов видел основную причину в экономической деятельности евреев, а вместе с тем отмечал слабые стороны действий полиции и войска, благодаря чему у массы создавалось представление, что если само начальство не останавливает нападения на евреев, то это, значит, разрешено самим царем, что и ставилось в связь с событием 1 марта [4]).

Следовательно, мнение было таково, что важнейшую роль в погромах сыграла торгово-промышленная деятельность евреев—сосредоточив в своих руках значительную часть торгово-промышленных предприятий, существовавших в крае, а также большие денежные средства, евреи стали вызывать в окружающем населении против себя вражду, питавшуюся завистью к их материальному благополучию.

Действительно, по сравнению с западными губерниями, где еврейская масса до крайности нищенствовала, еврейское население южных губерний находилось в более удовлетворительных экономических условиях, находя источники к существованию у евреев-капиталистов, между тем местное крестьянство переживало чрезвычайно тяжелые времена: не имея в своем распоряжении достаточной земли, чему отчасти содействовали богатые евреи, арендуя помещичьи земли и тем

---

[4]) Моя статья в „Еврейской Энциклопедии“ (т. XII, ст. 611—18). Кроме указанных там источников—см. следующие: Общая записка Высшей комиссии для пересмотра действующих о евреях законов (использована записка Кутайсова), стр. 58—95. — Материалы для истории антиеврейских погромов в России, т. II (1923 г.) под редакцией Г. Красного (в виду отсутствия указателей пользование книгой затруднено).—Записка о погромах, составленная евреем (см. Ю. Гессен, Из „тайн“ прошлого. „Еврейская Неделя“, 1918 г., № 24/25), напечатанная полностью в Материалах об'единенных дворянских обществ (ч. II, стр. 29—124) и в неполном виде—в „Еврейской Старине“ за 1909 г.—Р. Кантор, Александр III о евр. погромах („Еврейская Летопись“, т. I),—Г. Красный, Литература подполья и погромы („Вестник Литературы“, 1920 г., №№ 2, 3, 4/5). Возражение Л. Дейча на последнюю статью (там же, следующие номера).

возвышая арендную плату, непосильную для крестьян, крестьянство выделяло из своей среды бродячий элемент, который в поисках заработка направлялся в города и здесь терпел нужду.

И вот, земельный голод крестьян, без учета других многообразных причин разрушения крестьянского хозяйства, связанных с условиями отмены крепостного права, многие уже рано стали рассматривать, как один из основных факторов возможных в будущем еврейских погромов. В упомянутом выше докладе, представленном царю в 1872 г., киевский генерал-губернатор, говоря об одесском погроме 1871 г. как о событии, которое может повториться в юго-западном крае, одновременно подсчитал и расценил торгово-промышленное имущество, принадлежавшее евреям в юго-западном крае, а вместе с тем указал на то, что, усиленно занявшись арендой помещичьих земель, евреи переуступали эти земли крестьянам на очень тяжелых условиях. Такая установка связи между развитием экономической деятельности евреев и погромом, как актом возмездия со стороны окружающего экономически более слабого населения, получила общее признание в погромный восемьдесят первый год, в результате чего возникла идея о принятии во чтобы то ни стало мер к тому, чтобы задержать хозяйственный рост еврейского населения. Ярким выразителем этого направления явился реакционный министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев, заместивший в мае 1881 г. либерального Лорис-Меликова. При этом не было исследовано, действительно ли хозяйственная деятельность евреев играла серьезную роль в сложном процессе экономических и политических явлений, которые подорвали хозяйственную жизнь края.

„Признавая вредные для христианского населения страны последствия экономической деятельности евреев, их племенной замкнутости и религиозного фанатизма, правительство в последние 20 лет целым рядом предпринятых мер старалось способствовать слиянию евреев с остальным населением и почти уравняло евреев в правах с коренными жителями“ — так гласил лживый доклад Игнатьева царю, преднамеренно затушевывая бесправное состояние широких еврейских масс. Между тем анти-еврейское движение, по заверению Игнатьева, „неопровержимо доказывает, что, несмотря на все старания правительства, ненормальность отношений между еврейским и коренным населением этих местностей продолжает существовать попрежнему“, благодаря обстоятельствам экономического характера: со времени смягчения правовых ограничений евреи захватили в свои руки не только торговлю и промыслы, но приобрели значительную поземельную собственность, „причем, благодаря сплоченности и солидарности, они, за немногими исключениями, направили все свои усилия не к увеличению производительных сил государства, а к эксплоатации

преимущественно беднейших классов окружающего населения". Поэтому, подавив бывшие беспорядки для ограждения евреев от насилия, представляется „справедливым и неотложным принять не менее энергичные меры к устранению нынешних ненормальных условий, существующих между коренными жителями и евреями, и для ограждения населения от той вредной деятельности евреев, которая, по местным сведениям, вызвала волнение".

С этой целью был предложен исключительный проект: учредить в губерниях со значительным еврейским населением комиссии из представителей от всех сословий и обществ (не исключая еврейских), которые и должны были осветить еврейский вопрос и высказать свои мысли об его разрешении. Этим путем имелось в виду создать иллюзию, будто не правительство, а само общество разрешит еврейский вопрос. Краткое правительственное сообщение [5]) о созыве комиссий не давало представления о сущности поставленной им задачи, и журнал „Русский Еврей" приветствовал образование комиссий, полагая, будто „общество" таким образом из'емлет еврейский вопрос из сферы „личного усмотрения" администраторов [6]).

В действительности же эти комиссии должны были ответить, главным образом, на вопросы, поставленные министром вн. дел в такой форме, которая заранее определила характер ответов: какие вообще стороны экономической деятельности евреев особенно вредно влияют на быт прочего местного населения; какие меры принять для обхода евреями законов и для того, чтобы парализовать вредное влияние евреев в тех или других родах экономической деятельности. „Основная почва для разработки и прений комиссий,—как отметила впоследствии Высшая комиссия по пересмотру законов о евреях,—была как бы заранее не только намечена, но и установлена в программе, данной губернским комиссиям, а именно—вред от евреев, их дурные качества и свойства были уже как бы заранее признаны, и комиссии приглашались только указать средства суровой борьбы с еврейским злом". Несмотря на сложность поставленных вопросов, на требование представить статистические сведения, комиссиям был дан всего двухмесячный срок [7]). Так спешило правительство перейти к репрессивной политике, чтобы показать свою заботливость о „коренном" населении и этим, будто бы, предотвратить возможность повторения погромов,

---

[5]) В „Правительственном Вестнике" от 2 сентября 1881 г. (№ 194).

[6]) 1881 г., № 37.

[7]) Общая записка (печатная) Высшей комиссии, стр. 251. — Архив департамента дух. дел иностр. исповеданий. Комитет о евреях. Дело № 1.—Труды губернских комиссий, отпечатанные в небольшом количестве экземпляров, заключают в себе ценный материал для характеристики той эпохи.

а вместе с тем смягчить впечатление, произведенное на общество тем фактом, что для защиты евреев против погромщиков было употреблено огнестрельное оружие.

В то время еще существовала известная нам Комиссия по устройству быта евреев, хотя и бездействовавшая, но официально не упраздненная. По своему составу она не была пригодна для новой политики, так как большинство ее членов склонялось к отмене ограничительного законодательства о евреях, а потому Игнатьев, ссылаясь на это обстоятельство, испросил у царя разрешение закрыть Комиссию и образовать „Комитет о евреях" для обсуждения еврейского вопроса „во всей его совокупности".

Этот Комитет [8]) был наспех составлен из нескольких случайных лиц, так сказать, из „общества" [9]), что вместе с учреждением губернских комиссий должно было, как мы уже сказали, создать декорум, будто еврейский вопрос разрешается не правительством, а обществом.

Под председательством товарища министра вн. дел Готовцева Комитет быстро, без особых размышлений, установил совершенно новую точку зрения на разрешение еврейского вопроса, в основу которой было положено согласование с давним укладом русской жизни — „недавние прискорбные столкновения коренного населения с евреями и трудность разрешения запутанного еврейского вопроса вынуждают обратиться за указаниями к старине, к тому времени, когда разные новшества еще не проникли ни в чужеземное, ни в наше законодательство и не успели еще принести с собой тех печальных последствий, которые обыкновенно наступают, когда к данной стране, к данному обществу применяются начала, противные духу народному"; евреи издавна почитаются инородцами, а между тем им предоставлены права, которые не должны принадлежать им как таковым: „отказаться поэтому от не принесших пользы новшеств в воззрениях и строго придерживаться выработанных всей предшедшей историей государства начал, выраженных в стародавнем законе, по которому евреи считаются инородцами, казалось бы, и есть тот путь, которого следовало бы держаться в осложнившемся еврейском вопросе"!

Этот крайний взгляд, дальше которого в условиях того времени не могла пойти самая реакционная мысль, создался под непосредственным влиянием „Книги кагала". Комитет не устыдился повторить по-

---

[8]) Мы пользуемся в дальнейшем материалами Комитета: дело № 28 (журналы от 2 и 8 декабря 1881 г.; журнал заседаний 20, 27, 30 января и 2 февраля 1882 г.; записка о ходе работы в Комитете).

[9]) Напр., профессор И. Андреевский („Еврейская Энциклопедия", т. II, ст. 567).

басенку, будто „влиятельнейшие руководители евреев в Европе стремились к тому, чтобы евреи во всех европейских государствах составляли одно общее целое, руководили всеми насущными вопросами европейской политики, не утрачивая при этом своих племенных особенностей", и одной из ближайших мер должно было явиться закрытие Общества распространения просвещения между евреями в России, якобы составлявшего отдел Alliance Israélite Universelle, каковому союзу приписывался характер всемирной еврейской политической организации.

Была намечена обширная программа репрессий. Эти меры, проходя обычным законодательным порядком, потребовали бы много времени, а между тем хотели, повторяем, поторопиться с изданием каких-нибудь ограничительных законов до пасхи, чтобы этим предотвратить погромы — такова была официальная мотивировка молниеносно быстрого рассмотрения еврейского вопроса.

Поэтому намеченные меры были разбиты на две категории: „временные, предупредительные", подлежавшие немедленному осуществлению, вне обычного законодательного порядка, и „основные законодательные", которые следовало провести установленным путем. Первой группе было дано наименование „временные" в ожидании, что они в близком будущем составят часть нового более обширного ограничительного законодательства.

Задачей спешно проводившихся „временных" мер было—отдалить евреев от крестьян, и хотя погромы возникали главным образом в городах и местечках, не разливаясь по селениям, новые четыре меры, направленные к стеснению евреев в отношении жительства и экономической деятельности в деревнях, мотивировались безопасностью самих евреев, так как, мол, при возобновлении погромов в селениях правительство не в силах будет их защитить.

Указанные четыре меры заключались в следующем. Запретить вне городов и местечек: 1) проживать; 2) приобретать недвижимое имущество в собственность и брать его в аренду; 3) приобретать и строить дома, арендовать их и управлять ими; 4) торговать спиртными напитками и вином. При этом предполагалось предоставить сельским обществам право: а) выселять евреев по приговорам, принятым сходами простым большинством голосов, а не $^2/_3$, как то требовалось для выселения порочных крестьян, и б) ходатайствовать о выселении евреев из помещичьих имений.

К этим основным мерам Игнатьев прибавил еще две: опасаясь, что выселенные евреи устремятся, под видом ремесленников, в селения внутренних губерний, он предложил запретить (в отмену закона 1864 г. о повсеместном жительстве ремесленников) ремесленникам водворяться в селениях и за чертой оседлости; наконец, чтобы оберечь

религиозное чувство христиан, он предложил запретить евреям торговать в воскресные и двунадесятые праздники [10]).

Как мы знаем из предыдущего, мысль о воспрещении покупки и аренды земли была не нова. После введения уже известных нам некоторых ограничений в пределах девяти западных губерний [11]), новороссийский ген.-губернатор высказался в докладе царю (1869 г.) о желательности запретить евреям покупать земли в Новороссийском крае, и одобрительная отметка царя внушила ген.-губернатору мысль, что его предложение получило силу закона, но благодаря вмешательству министра внутренних дел, указавшего на всю сложность вопросов еврейского быта, для рассмотрения которых была тогда учреждена „Комиссия по устройству быта евреев", предложение новороссийского генерал-губернатора поступило на ее обсуждение. А вслед затем ей же была передана (1872 г.) всеподданнейшая записка [12]) киевского генерал-губернатора (щедро использовавшая „Книгу кагала"), рекомендовавшего распространить и на другие земли в юго-западном крае закон 1864 г., запретивший отдавать евреям в аренду земли, находившиеся в руках русских землевладельцев. В основу этого предложения была положена следующая мотивировка: евреи арендуют земли не ради сельско-хозяйственных занятий, а только в промышленных целях; арендованные земли они отдают крестьянам не за деньги, а за известные работы, превышающие ценность обыкновенной платы за землю, „устанавливая своего рода крепостную зависимость". Вот почему, признавая что евреи приносят пользу, арендуя фабрики и прочие предприятия требующие технических знаний и капиталов, а также участвуя в промышленных предприятиях, „где капиталами своими они несомненно оживляют, как и торговлею, сельское население", генерал-губернатор все же не считал полезным соединение промышленности и земледелия в одних сильных руках, так как только при свободной конкуренции земледелия и промышленности крестьяне могут избегнуть „обременительного подчинения их труда и земли еврейским капиталам, что равносильно неминуемой и скорой материальной и нравственной их гибели". Однако, запрещение аренды земель, дававшей средства к жизни множеству неимущих евреев, служивших у единоверцев-капиталистов, должно было еще более ухудшить экономическое положение еврейской массы, и без того бедствовавшей „от избытка конкуренции в мелкой торговле и промыслах". О возраставшей нищете, по свидетельству генер.-губернатора, говорила статистика преступлений — евреи „кроме

[10]) Записка в комитет министров от 4 марта 1882 г. в деле Комитета Готовцева № 28 (также в печатных материалах комитета).

[11]) См. выше, стр. 163—165.

[12]) Цитированная выше.

обыкновенных преступлений по подлогам, обманам и воровству, постоянно замешиваются в последнее время в делах убийства, грабежей и в других более тяжких преступлениях, несвойственных нравам евреев". Поэтому генерал-губернатор предложил дать евреям возможность расселиться по великороссийским губерниям, дабы ослабить скученность в черте оседлости.

Конечно, мысль о раскрытии ворот черты оседлости не остановила на себе внимания царя, но зато предложение о запрещении евреям аренды было признано им безотлагательным. Все же, несмотря на это, Комиссия по устройству быта евреев не нашла возможным лишить евреев права аренды, заявив, что если нужно противодействовать экономическому господству евреев, то следует вести борьбу не насильственными мерами, а экономическими и финансовыми (напр., дешевым поземельным кредитом); наконец, раз евреи являют собою сплоченную массу, сила которой питается фанатизмом, то не следует возбуждать в них недовольство в крае, где на преданность значительной части населения (поляков) нельзя полагаться [13]).

Поэтому вопрос об аренде был тогда оставлен открытым [14]). После же погромов, в условиях нарочито спешного проведения репрессивных мер, спорный вопрос о приобретении и аренде земли, имевший большое значение не только для еврейского населения, но и для всего края, без сколько-нибудь серьезного рассмотрения его был разрешен Комитетом Готовцева в отмеченном выше отрицательном направлении [15]).

Атмосфера в правительственных кругах в связи с новым внутренним политическим курсом была в ту пору сгущена. Все реакционное должно было встречать официальную поддержку. Но тем не менее Игнатьев, как видно, опасался, что в комитете министров он встретит оппозицию своим скороспелым законопроектам, и он задумал провести их чрез комитет министров на спех как нечто совсем маловажное, над чем не стоит останавливаться и что вместе с тем желательно царю. В письме на имя председателя комитета министров, прося об ускорении дела, он говорил, что речь идет не об отмене законов, а только о временном приостановлении их действия „согласно указанию государя императора о необходимости принятия немедленных мер для

---

[13]) Журнал Комиссии по устройству быта евреев от 4 декабря 1872 г. (в деле № 8).

[14]) Архив комиссии, дело № 12 „О правах евреев на приобретение в собственность и арендование земель". Два года спустя, когда зашла речь о причинах неуспешности насаждения русского землевладения в западных губерниях, было предложено, между прочим, отменить запрещение сдавать имения в аренду евреям, имения, принадлежавшие русским; однако, по этому поводу возникли несогласия, и государь присоединился к противникам отмены запрещения.

[15]) „Евр. энциклопедия", т. III, стр. 74—87 (статья Ю. Гессена „Аренда в России").

предупреждения еврейских беспорядков", а потому едва ли есть надобность послать проект временных мер на рассмотрение подлежащих министров [16]). Но это домогательство не было удовлетворено, и против проекта Игнатьева решительно выступили министры финансов и юстиции, требуя, чтобы новые меры, распространяемые на сотни тысяч людей, связанных обширными торговыми сношениями, а вместе с тем крутые по своему характеру, были рассмотрены в обычном законодательном порядке, который дал бы возможность обсудить еврейский вопрос в целом, тем более, что проектируемые ограничения отразятся не только на евреях, но также и на материальных интересах прочего местного населения.

Торгово-промышленное значение евреев—говорил министр финансов Бунге—„было причиною замечаемого неоднократно колебания в правительственных распоряжениях относительно евреев"; много раз против евреев предпринимались самые крутые шаги, но затем таковые ограничения отменялись, так как практика указывала, что они дают только повод к злоупотреблениям низших властей, не принося существенной пользы государству. Воспрещение евреям торговать в селениях и изгнание их оттуда по приговорам крестьянских обществ может причинить вред торговле и вызвать громадные убытки, а вместе с тем—„даст повод к разного рода злоупотреблениям со стороны крестьянских обществ, отдавая в полный произвол еврейское население". К тому же такая резкая мера усложнит в политическом отношении положение государства, создавая массу недовольных лиц не только между евреями, но и между прочим населением, имевшим многообразные торговые сношения с ними.

Поняв, что Бунге разрушил широкие его замыслы, Игнатьев отказался от общего выселения евреев из сел и деревень, ограничившись воспрещением им впредь там водворяться. Эта поправка значительно смягчала „временные правила", устранив массовое выселение. Но кроме того, опасаясь, что и урезанное предложение не будет принято, Игнатьев, в целях воздействия на комитет министров, заявил, что, по сообщениям генерал-губернаторов, отсрочка в принятии мер против евреев угрожает новыми погромами. Угроза произвела свое действие—министры согласились на запрещение евреям впредь поселяться в деревнях. Было принято также предложение о том, чтобы евреям сейчас же запретили вновь вступать во владение или пользование недвижимым имуществом вне городов и местечек, так как, пока состоится пересмотр законов о евреях, многие евреи, в виду возможного запрета, поспешат приобрести новые имения.

---

[16]) Упомянутое дело Комитета о евреях № 28.

Что касается воспрещения евреям производить питейную торговлю, то оно было отвергнуто.

Таким образом из первоначального проекта осталось сравнительно немногое. Однако, и в этом виде „временные правила“ (утвержденные 3 мая 1882 г. и потому называвшиеся „майскими“) должны были чувствительно отразиться на экономической деятельности евреев.

Но главное, казалось, было впереди—ведь предстоял еще общий пересмотр законов о евреях, порученный Комитету. Этого к счастью не случилось. Убедившись в архи-ретроградном направлении Комитета Готовцева, комитет министров решил упразднить его и потому предложил образовать особую „Высшую комиссию“ под председательством лица, не подчиненного какому-либо министру, по назначению царя.

Под страхом возобновления погромов согласившись на „временные правила“ в урезанном виде, комитет министров обратил внимание на то, что, издавая их с целью оградить крестьян от эксплуатации со стороны евреев, правительство ничего не сделало для охраны евреев от самосуда крестьян. Он признал „существенно необходимым, путем правительственного сообщения, дать знать подлежащим губернским начальствам, что на их ответственность возлагается своевременное принятие предупредительных мер“ против возобновления погромов. Это было утверждено [17]). Однако, если „временные правила“ были опубликованы уже 12 мая, то циркуляр об ответственности местных властей за беспорядки появился лишь месяц спустя, когда Игнатьева более не было на посту министра внутренних дел.

Высшая междуведомственная комиссия (так называемая Паленская, по имени своего председателя графа К. Палена) в течение пяти лет (1883—88 г.г.) подробно изучала различные стороны еврейского вопроса, пользуясь, между прочим, материалами, которые были представлены еврейскими общественными деятелями [18]). В лице своего большинства она осудила систему „репрессивных и исключительных мер“, об'ясняя, что если даже в силу своего особого положения, вызванного ограничительным законодательством, евреи и не выполняют государственных обязанностей в равной мере с другими, то все же

[17]) Журнал комитета министров, заседание 20, 27 апреля и 4 мая 1882 г. (копия в материалах Высшей комиссии, дело № 3).—Ю. Гессен, Граф Н. П. Игнатьев и „временные правила“ („Право“, 1908 г. №№ 30 и 31).

[18]) О группе материалов, подготовленных для комиссии, см.: С. Дубнов, Антиеврейское движение в России в 1881—82 г.г. („Еврейская Старина“, 1909 г., стр. 88—90. Заслуживают особого внимания: 1) опубликованная мною записка известного русского беллетриста Н. С. Лескова, „Евреи в России. Несколько замечаний по еврейскому вопросу“ (Петроград, 1920 г. с моей вступительной статьей) — см. об этом мою статью „Из тайн прошлого“ („Евр. Неделя“, 1918 г., № 24/25); 2) записка о погромах (см. о ней выше, стр. 219, 4-ое подстр. примечание).

нельзя „лишать еврея тех основ, на которых зиждется его бытие, его равноправие, как подданного, его свобода, как гражданина", и соглашаясь с тем, что некоторые стороны внутренней еврейской жизни требуют реформы, что отдельные виды деятельности евреев представляют эксплуатацию окружающего населения, Комиссия все же считала, что целью законодательства должно служить „уравнение прав евреев со всеми другими подданными". Однако, при осуществлении системы „освободительных и уравнительных законов" она рекомендовала „величайшую осторожность и постепенность". И провозглашение этого условия, обрекшего ее собственную работу на практическую безрезультатность, ярко характеризует общественно-политическую атмосферу той эпохи: условия были таковы, что наибольшее, чего можно было открыто желать—это то, чтобы ограничительное законодательство не было усугублено и чтобы по возможности были смягчены „временные правила" 1882 г.; реакция в правительстве и в обществе была столь сильна, что для того, чтобы не дискредитировать мысль о необходимости отказаться от новых репрессий, приходилось оговаривать, что освободительная система должна быть проводима с крайней постепенностью. В самой Высшей комиссии имелась группа членов, которая упорно настаивала на углублении и расширении ограничительного законодательства о евреях, на полном запрещении выхода за черты оседлости и вообще требовала многого такого, что в совокупности поставило бы евреев в худшее положение, чем даже то, в котором они находились в николаевскую эпоху. При таких обстоятельствах сравнительно либеральное большинство Высшей комиссии вынуждено было удовольствоваться пожеланием, чтобы вопрос о черте оседлости и вообще об ограничительном законодательстве был в б у д у щ е м постепенно разрешен в прогрессивном направлении, а сейчас, чтобы было отменено запрещение 1882 г. евреям вновь водворяться в селах и деревнях (мотив этого ограничения—опасение погромов, ничем не оправдывался, так как погромы в деревнях нигде не происходили) и брать помещичьи земли в аренду. И только [19]).

Да и это немногое не могло быть осуществлено, потому что, подобно тому, как это было в самой Высшей комиссии, в правительственных и общественных кругах установились по еврейскому вопросу такие резко противоположные течения—одно, менее сильное, но все же влиятельное, в сторону хотя бы крайне медленного смягчения репрессивной политики, другое, решительное, в сторону немедленного усиления ограничительного законодательства — которые не позволяли

---

[19]) Архив департамента духовных дел иностр. исповеданий—дела и печатные материалы Высшей комиссии для пересмотра действующих о евреях в России законов.

сделать какие бы то ни было практические шаги. Сама Комиссия чувствовала себя бессильной выполнить возложенную на нее задачу, так как для „правильного и согласного с видами правительства направления еврейского вопроса" необходимо было предварительно знать, по какому из двух указанных путей правительство намерено пойти. Но такого ответа, открытого и твердого, правительство не дало, не имея мужества разрешить дилемму, обостренную погромами.

Поэтому Высшая комиссия об'явила себя закрытой [20]), а правительство стало, как мы отметим ниже, от случая к случаю вводить новые ограничения, не обнаруживая, что это делается по системе.

Исключительно важной по своим отрицательным последствиям явилась перемена политики по вопросу об образовании еврейского юношества, вызванная общим „развалом" государственной школы (который правительство об'ясняло проникновением революционного движения в ее стены) и установлением той точки зрения, что „кухаркиным детям" (русским) не должно быть доступа в среднюю школу, о чем был издан в 1887 г. специальный циркуляр.

Мы видели выше, что в течение ряда десятилетий правительство добивалось привлечения евреев в общую школу и с этой целью даже расширило гражданские права тех из них, которые получили образование. Но вот, в конце 1878 г. минский губернатор, как мы уже упомянули, заявил о необходимости задержать стремление еврейского общества в общую школу. Помимо того мотива, что еврейская молодежь приобщается к революционному движению и действует в этом направлении на своих товарищей христиан, он указывал, что, обладая денежными средствами, евреи лучше обставляют воспитание своих детей, чем русские, что материальное положение еврейских учащихся лучше того, в котором находятся христиане, а потому, чтобы еврейский элемент не взял перевеса над остальным населением, надо ввести процентную норму для приема евреев в среднюю школу в соответствии с численным отношением евреев ко всему населению данной местности, а кроме того следует установить для евреев отдельные конкурсные экзамены, дабы христианам не приходилось конкурировать в знаниях с евреями.

Министр народного просвещения не признал указанные доводы убедительными, об'ясняя, что при исчислении процентного соотношения евреев и христиан в школе надо брать в расчет только городское,

---

[20]) Журнал 24 мая 1888 г.—Высшая комиссия успела отменить старый стеснительный закон, запрещавший евреям держать у себя христиан в услужении (см. „Еврейская Энциклопедия", т. XI, ст. 492—96, „Наем личный"; материалы Высшей комиссии, дело № 45; архив госуд. совета, департамент законов, 1887 г., дело № 24).

а не все население (состоявшее преимущественно из крестьян), и что во всяком случае, если евреи проявляют большее стремление в школу,

В гимназиях и прогимназиях:

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА		1876 год		1883 год	
		Число евреев	%-ое отношение к общему числу учеников	Число евреев	%-ое отношение к общему числу учеников
Виленский	Черта оседлости	859	21,3	1.395	26,2
Киевский	Черта оседлости	582	10,4	936	12,1
Одесский	Черта оседлости	1.549	35,6	2.518	34,4
		2.990	21,4	4.849	23,8
Дерптский		216	6,2	474	—
Варшавский		874	12,1	1.445	—
Прочие округа		604	2,6	1.360	—
		4.684	—	8.128	—

В университетах:

УНИВЕРСИТЕТЫ	1878 год		1886 год	
	Число евреев	На 1000 студентов приходилось евреев	Число евреев	На 1000 студентов приходилось евреев
Петербургский	42	29	268	114
Московский	33	21	298	100
Казанский	5	8	60	62
Харьковский	28	50	414	283
Новороссийский (Одесский)	28	78	172	298
Киевский	76	98	237	129
Варшавский	68	135	172	154
Дерптский	26	31	235	148
	306	46	1.856	145

чем христиане, то это вина последних [21]). Столь же неуспешной оказалась попытка попечителя одесского учебного округа ввести (1881 г.) процентную норму в виду переполнения местных гимназий евреями (число коих составляло в некоторых учебных заведениях до 75% общего числа учащихся), благодаря меньшей подготовленности христиан к экзаменам, и „вредного" влияния евреев на христиан. Но уже три-четыре года спустя, под влиянием аналогичных жалоб с мест, устанавливается процентная норма в некоторых высших учебных заведениях. Когда в 1886 г. министру народного просвещения было предоставлено право принимать частные меры к ограничению числа евреев в средних и высших учебных заведениях, он не поспешил воспользоваться им, расчитывая, что проектированный запрет принимать детей „низших" кругов населения, начиная с купцов третьей гильдии, приведет, в частности, к уменьшению в школе числа еврейских юношей. Но эта общая мера была допущена лишь в отношении менее широких кругов населения. И тогда для евреев была установлена процентная норма [22]).

Общее гонение на школу, предпринятое правительством, вызывалось преимущественно стремлением превратить ее, как тогда говорили, „из рассадника социализма в рассадник науки", и тем же мотивом отчасти об'яснялись стеснения, введенные специально для евреев.

В действительности же евреи, как и раньше, не играли господствующей роли в общем ходе революционного движения, но в губерниях черты оседлости имелись, как и в предыдущее десятилетие, кружки, состоявшие из одних евреев; кроме того, в местных общих кружках их участие несомненно было заметно.

Еврейские кружки вели среди еврейского населения пропаганду на русском языке. Им не удавалось проникнуть в широкую трудовую массу, а потому они довольствовались тем, что подготовляли отдельных пропагандистов. Впрочем, и в этом отношении им приходилось разочаровываться, так как, получив благодаря кружку известное образование, кандидаты в пропагандисты нередко отказывались от работы, стремясь расширить свое образование. Только с девяностых годов начинается выход рабочих масс на борьбу за свои интересы, и в связи с этим революционная работа принимает новые формы [23]).

---

[21]) Архив мин. нар. просвещения, 1879 г., дело № 166127 (карт. 4332).

[22]) Материалы Высшей комиссии. Печатная записка А. И. Георгиевского— „По вопросу о мерах относительно образования евреев".—С. Позиер. Евреи в общей школе. СПБург, 1914 (широко использована записка Георгиевского).

[23]) Н. Бухбиндер, История еврейского рабочего движения в России. — Б. Фрумкин, Очерки из истории евр. рабочего движения в России („Еврейская Старина", 1913 г., стр. 108 и след., 245 и след.).

Все усиливавшаяся реакция, сковавшая общественную жизнь в стране, стала с конца восьмидесятых годов обрушиваться с особенной силою на еврейское население. Началась эпоха новых законодательных ограничений и административных репрессий.

По новому земскому положению 1890 года евреи были совершенно устранены от участия в земском самоуправлении. То же произошло в городском самоуправлении благодаря изданному в 1892 году новому положению. В 1889 году состоялось повеление о допущении евреев в присяжные поверенные не иначе, как с особого каждый раз дозволения министра юстиции, в связи с чем в течение пятнадцати лет доступ в адвокатуру оказался преграженным.

Однако, наиболее чувствительным для широких слоев еврейского народа оказались не столько новые законы, сколько административные распоряжения, клонившиеся к более строгому исполнению старых ограничительных законов, нередко получавшие характер разнузданного произвола. Во внутренних губерниях евреев стали подвергать стеснениям; право повсеместного жительства было истолковано как личное право, а потому нередко оттуда выселяли даже членов семьи лица, пользовавшегося правом повсеместного жительства [24]). Особенно сурово были использованы администрацией „временные правила" 1882 г.: хотя этот закон запретил лишь новое поселение в деревнях, фактически стали выселять евреев, давно осевших там.

К этому присоединялась систематическая травля евреев со столбцов ряда ежедневных газет в столицах и в провинции, которая уже в течение многих лет преднамеренно разжигала в обществе самый грубый антисемитизм, представляя экономическую деятельность евреев как гибельную для христианского общества и насаждая взгляд на евреев как на виновников всех российских бед.

В столь тяжелой атмосфере, быстро и угрожающе сгустившейся после погромов, некоторые круги еврейской интеллигенции, всецело проникнутые ассимиляционными стремлениями, испытали перелом в своих общественных настроениях.

Уже в конце семидесятых годов, под влиянием отчасти общерусских народнических течений, а главным образом надвигавшейся реакции, в еврейской интеллигенции зародилось сознание, что благодаря уходу ее от народа, последний, будучи предоставлен самому себе, не может вырваться из тисков нужды и административного угнетения, порождавших духовное оцепенение. В 1879 г. группа интеллигентов

---

[24]) Ю. Гессен, О жизни евреев в России. Записка в Государственную думу. СПБург, 1905 г. (вошло в книгу И. И. Толстого и Ю. Гессена: Факты и мысли. Еврейский вопрос в России. СПБург, 1907 г.).

стала издавать в Петербурге журнал „Рассвет" с целью выяснять нужды народа и помочь ему [25]). Тем не менее руководители журнала считали себя обязанными об'яснить русскому обществу, что это не узко-национальное дело, что это—часть общерусского дела, что вообще спасение евреев—в ассимилировании с народами, среди которых они живут. Но одновременно выходивший в Петербурге журнал „Русский Еврей" говорил о „национальном самосознании", хотя и не придавал острого характера этому вопросу.

Литературным памятником новых переживаний является брошюра Л. Пинскера: „Автоэмансипация. Призыв русского еврея к своим соплеменникам" [26]), в которой ярче, чем у других проповедников той же идеи, определились характерные черты перелома в общественной мысли. Вера в эмансипацию, в общественную эмансипацию, рухнула, и болезненное разочарование заставило отдаться мечте о новой жизни, при полном сознании всех трудностей, лежащих на пути к ее осуществлению; и именно необходимость побороть такие затруднения побуждала эту группу интеллигентов сжечь за собою корабли, загасить в себе малейшие отблески старой веры в братство народов.

Евреи— говорил Пинкер—среди народов, с которыми они живут, фактически составляют чуждый элемент, который не может ассимилироваться ни с одной нацией, вследствие чего ни одной нацией не может быть терпим. На ряду с другими бессознательными суеверными представлениями, инстинктами, предубеждениями и юдофобия получила право гражданства у всех народов, с которыми евреи вступали в сношение. Надо быть слепым, чтобы не видеть, что евреи — „избранный народ" для всеобщей ненависти. В какой степени и форме проявляется нерасположение к евреям—это зависит от культурности того или другого народа, но сущность этого нерасположения повсюду остается одной и той же, ничуть не изменяясь, проявляется ли оно в форме насилия, завистливой ненависти или же скрывается под личиной терпимости и покровительства. Законодательная эмансипация евреев—это кульминационный пункт успеха. Но с провозглашением ее евреи еще вовсе не освобождаются от исключительности своего общественного положения. Стараясь слиться с другими народами, они до известной степени легкомысленно пожертвовали своей национальностью и, однако, нигде не добились того, чтобы сограждане признали их равными себе коренными жителями. И причина всех бедствий евреев заключается прежде всего в отсутствии в них стремления к национальной самостоя-

[25]) Маркус Каган. К истории национального самосознания („Пережитое", т. III).

[26]) Издана в 1882 году анонимно за границей на немецком языке. В том же году перевод ее появился в „Рассвете", №№ 41—46. В новом переводе (Ю. Гессена) вышла в 1898 году (4-е издание в 1906 г.).

тельности. Вот почему это стремление нужно во что бы ни стало пробудить и поддерживать,—евреи должны стать нацией, а для этого им необходимо иметь правоохраненное национальное убежище.

Пинскер призывал итти в любую страну, которая встретит евреев гостеприимно и окажется пригодной для колонизации. А в ту же пору писатель М. Лилиенблюм, уже известный как борец за религиозную реформу, за сочетание религиозных предписаний с потребностями современной жизни, стал звать в Палестину.

Лозунг Лилиенблюма, об'единив, как идейное течение, ряд писателей и общественных деятелей, казался и в практическом отношении легче осуществимым, и он получил господство. Перец Смоленскин, еще недавно говоривший о возрождении еврейского народа в Палестине, как о чем-то крайне отдаленном, примкнул к движению, направленному к немедленному переселению евреев в Палестину. И сам Пинскер вступил в ряды палестинофилов.

Впрочем, практические результаты этой деятельности были чрезвычайно скромны. Идея о политическом возрождении народа увлекла в ту пору за собою лишь незначительную группу интеллигенции и даже встретила вскоре убежденных противников. Но призыв к самопомощи в пределах России, который стал все громче раздаваться в широких кругах интеллигенции по мере ухудшения экономического положения массы и усиления административного гнета, пробудил много дремавших сил. Своего рода хождение в народ для оказания ему материальной помощи и для поднятия его культурного уровня посредством распространения общего образования и технических знаний превратилось постепенно в одно из главнейших явлений еврейской общественной жизни.

И выросшее на этой почве сознание народного достоинства, народных задач облегчило встречу с тяжкими восьмидесятыми годами, послужившими страшным преддверием к еще более мрачным временам—к последним десятилетиям царской России.

Конец.

Содержание.

стр.

От автора. 3

Глава первая. Духовное состояние народа.—Вильна и Одесса как культурные центры.—Возникновение общеобразовательных школ.—Реформаторская деятельность И. Б. Левинзона.—Преобразовательные проекты представителей прогрессивного лагеря.—Бдительность кагала.—В темных углах общественной жизни . . . . . 1— 15

Глава вторая. Взгляды русских людей на еврейский народ. — Законодательная деятельность правительства Николая I.—Религиозный момент в ограничительном законодательстве.—Велижское дело и „Розыскание об убиении евреями христианских младенцев".—Запрещение пользоваться личными услугами христиан. — Введение натуральной рекрутской повинности.—Миссионеры в казармах; кантонисты . . . . . 16— 36

Глава третья. Безуспешные попытки выселить евреев из сел и деревень.—Запреты в ряде городов черты оседлости (Вильне, Киеве, Ковне и др.).—Пограничная полоса.—Курляндская губерния.—Борьба по вопросу о постоянном проживании вне черты оседлости.—„Историческая традиция".—Кратковременное пребывание во внутренних губерниях. — Московское гетто.—Ограничения в избирательном праве.—Стеснения в занятиях . . 37— 55

Глава четвертая. Безуспешные попытки кагалов добиться восстановления института депутатов.—Мечты могилевского кагала. — Рекрутчина как орудие социально-экономической борьбы.—Кагалы добиваются сдачи неимущих членов общины в рекруты вне общей очереди.—Рост податных недоимок свидетельствует о возрастающей нищете,—Предложение литовских кагалов погашать податные недоимки рекрутскими душами. — Податное бремя и рекрутская повинность обостряют классовую рознь.—Купечество добивается своего обособления от мещанства.—Стремление ремесленников к цеховой организации в целях борьбы с остальным мещанством . . . 56— 74

Глава пятая. Накануне борьбы с „еврейским фанатизмом". — Записка гр. Киселева. — Образование „Комитета для определения мер коренного преобразования евреев".—Программа намеченной реформы.—Мысль о „разборе" евреев на полезных и бесполезных с целью подвергнуть последних новым репрессиям. — Школьная реформа. — Макс Лилиенталь и отношение к нему общества.—Потребность в денежных средствах для школ и реформа коробочного сбора. — Поход против еврейской одежды.—Упразднение кагала. — Меры против „фанатизма". — Насаждение земледельческого труда. — „Разбор" в оценке гр. Воронцова. — Об'явление о грядущем „разборе" . . . . . 75—104

Глава шестая. Бессилье прогрессивной части бюрократии. — Эпизод с врачами.—Монтефиоре, Киселев и Николай I.—Настойчивые попытки осуществить меру „разбора". — Непомерное усиление рекрутской повинности: Мстиславское „буйство".—Катастрофические последствия рекрутчины в экономическом быте.—Отражение идеи „разбора" в социально-экономической борьбе.—Насаждение казенных еврейских школ.—Евреи в общих учебных заведениях . . . . . 105—123

Глава седьмая. Евреи в Царстве Польском.—Попытка улучшить их положение и противодействие варшавского правительства. — Восстание 1831 г. Участие в нем евреев. Враждебное отношение польского общества.— Введение рекрутчины (1843 г.). — Сохранение „кошерного налога".—Записка Монтефиоре о плачевной участи евреев.—Безуспешное стремление петербургского правительства установить в Царстве Польском права, предоставленные евреям в Империи. — Развитие капитализма и его последствия . . . . . 124—133

Глава восьмая. „Эпоха великих реформ". — Саратовский процесс и суд над еврейским вероучением. — Отмена рекрутских репрессий и перелом в правительственной политике. — Прежний режим правовых стеснений уступает место системе смягчения ограничительного законодательства.— Еврейские советчики.—Отказ от николаевской меры „разбора".—Отрицательное разрешение вопроса о гражданском равноправии.—Выступления „Рассвета".—Споры о черте оседлости и выяснение ее пагубной экономической роли. — Отмена местных ограничений.—Льготы для купцов и лиц с высшим образованием.—Ходатайства еврейских деятелей.—Выход ремесленников и бывших нижних чинов из черты оседлости.—Ничтожное экономическое значение указанных льгот.—Падение крепостного права и ухудшение материального положения евреев. — Вопрос о владении землею.—Общественная и государственная служба . . . . . 134—169

Глава девятая. Вопросы внутренней еврейской жизни. — Новая общественная сила в лице периодической печати на еврейском и русском языках.— „Рассвет" и его выступления против принуждения в деле преобразования народной жизни. — Борьба вокруг раввината. — Еврейская и общая школа. — Приобщение к русской гражданственности.—Роль русского и еврейского языков.—Перемена в бытовом укладе.—Коробочный сбор. . 170—184

Глава десятая. Потребность в широком преобразовании правового быта евреев в Царстве Польском.—Разногласия по этому вопросу между петербургскими и варшавскими администраторами.—Замедление реформы.—Революционное движение и участие в нем евреев. — Роль Велепольского.— Предоставление евреям Царства Польского политических прав.—Записка Велепольского об уравнении евреев в гражданских правах. — Рассмотрение его законопроекта в варшавском государственном совете и петербургском особом присутствии.—Указ 24 мая 1862 г. о гражданских правах евреев. — Мятеж 1863 г. — Завершение еврейской реформы.— Борьба из-за кошерного сбора . . . . . 185—197

Глава одиннадцатая. Зарождение идеи о национальном обновлении.—„Книга кагала" как орудие насаждения ложного представления о всемирной еврейской организации. — Борьба с этой „опасностью". — Комиссия по устройству быта евреев. — Преобразование системы воспитания молодежи.—Общерусская школа и вопрос о черте оседлости.—Концентрация реакционных сил (погром в Одессе, Кутаисский ритуальный процесс).— Закон 1879 г. о расширении прав лиц со специальным образованием как последний отголосок либеральной поры. —Малоподвижность еврейских масс и безнадежное предожение об уничтожении черты оседлости.— Поворот к репрессивной политике. — Начатки революционного движения среди евреев . . . . . 198—214

Глава двенадцатая. Эпоха общей реакции.—Антиеврейские погромы.—Их причины и последствия.—Ограничительные „временные правила" 1882 года как поражение архи-ретроградных замыслов. — Образование „Высшей комиссии для пересмотра законов о евреях" с целью противодействия крайней реакции. — Безрезультатность ее работы и торжество репрессивной политики. — Преграждение доступа в общую школу как орудие борьбы с революционным движением.—Новые ограничения в гражданских правах.—Сгущение антисемитской атмосферы.—Мечта о политическом возрождении еврейского народа. — Призыв интеллигенции итти к народу на помощь . . . . . 215—234

Замеченные ошибки.

На стр. 49, в подстр. примечании 35 пропущен источник: Журнал Евр. комитета 18 июля 1852 г. (утв. 19 авг.).

На стр. 55, в тексте, 2-ая строка снизу: вместо о н и—следует читать **оно**.